АКАДЕМИЯ НАУК СССР

А. М. ЩЕРБАК

ГРАММАТИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ЯЗЫКА ТЮРКСКИХ ТЕКСТОВ X-XIII ВВ. ИЗ ВОСТОЧНОГО ТУРКЕСТАНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Ответственный редактор
А. К. БОРОВКОВ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

А. М. ЩЕРБАК

ГРАММАТИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ЯЗЫКА ТЮРКСКИХ ТЕКСТОВ X-XIII ВВ. ИЗ ВОСТОЧНОГО ТУРКЕСТАНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА-ЛЕНИНГРАД
1961

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящей работе описывается состояние языка, зафиксированное в определенной группе текстов. Статическое описание не исключает возможности освещения в работе разных языковых процессов. Однако эти процессы освещаются лишь постольку, поскольку они отразились в рассматриваемых текстах.

То, что в пределах одного очерка охвачены памятники сравнительно большого периода времени (три столетия), — следствие признания автором широко распространенной точки зрения о некотором консерватизме фонетики и грамматических форм древних тюркских языков.

Почти все приведенные нами примеры документированы. Для передачи их мы пользуемся традиционной (так называемой радловской) тюркологической транскрипцией. Порядок расположения примеров, как правило, определяется диалектной принадлежностью текстов, из которых они почерпнуты: сначала идут примеры из источников карлукско-уйгурского диалекта, затем — уйгуро-огузские.

Морфологический указатель, приложенный к работе, составлен только по использованным материалам.

СОКРАЩЕНИЯ

Алт.-русск. сл.	— Алтайско-русский словарь. Сост. членами Алтайской миссии, Казань, 1869.
АФМ	— П. М. Мелиоранский. Араб филолог о монгольском языке. СПб., 1903.
АФТ	— П. М. Мелиоранский. Араб филолог о турецком языке. СПб., 1900.
ЕП (М)	— С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1952.
ЛоОК	— Фотокопия рукописи легенды об Огузе из Национальной библиотеки Парижа, хранящаяся в Библиотеке Академии наук СССР.
Малов—Бартольду	— С. Е. Малов. Два уйгурских документа. Сб. статей В. В. Бартольду, Ташкент, 1927, стр. 387—394.
ПКТ	— П. М. Мелиоранский. Памятник в честь Кюль-Тегина. ЗВО, т. XII, вып. II-III, СПб., 1877, стр. 1—144.
Раб.	— Рабғузи, قصص الأنبياء. Изд. Н. И. Ильминского, Казань, 1859.
Рāхат ал-кулӯб Сирāдж ал-кулӯб	— Фотокопии текстов лондонской рукописи, хранящаяся в Библиотеке Академии наук СССР.
Сл. Замахшарй, II	— Монгольский словарь Мукаддимат Ал-адаб, ч. I—II. М.—Л., 1938.
Сл. Радл., I—IV	— В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, тт. I—IV. СПб., 1888—1911.
Сравн. грамм.	— Б. Я. Владимирцов. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. Л., 1929.
Теф.	— А. К. Боровков. Из материалов для истории узбекского языка. Тюркологический сб., 1, М.—Л., 1951, стр. 73—77.
ЯОШ	— П. М. Мелиоранский. Документ уйгурского письма султана Омаршейха. ЗВО, т. XVI, вып. 1, СПб., 1904, стр. 01—012.

ЯТ и ЯТК	— В. В. Радлов. Ярлыки Токтамыша и Темир-Кутлуга. ЗВО, т. III, СПб., 1888, стр. 1—40.
AIT	— W. Bang und A. von Gabain. Analytischer Index zu den fünf ersten Stücken der Türkischen Turfan-Texte. SPAW, XVII—XX, Berlin, 1931, SS. 461—517.
AQJB	— C. Brockelmann. 'Alī's Qiṣṣa'i Jūsuf. Berlin, 1917.
'Āšyqpāšā	— C. Brockelmann. Altosmanische Studien, I (Die Sprache 'Āšyqpāšā's und Aḥmedī's). ZDMG, Bd. LXXIII, Leipzig, 1919, SS. 1—29.
Benveniste	— E. Benveniste. Essai de grammaire sogdienne, pt. I. Paris, 1929.
CD	— A. Zajączkowski. Studja nad językiem staroosmańskim, Calila et Dimna. Kraków, 1934.
Cod. Com.	— W. Radloff. Das türkische Sprachmaterial des Codex Comanicus. Mémoires de l'Académie des Sciences de St.-Pétersbourg, VII série, t. XXXV, n° 6, СПб., 1887.
Feraḥ-nāme	— J. Németh. Das Feraḥ-nāme des Ibn Ḫaṭīb. Le monde orientale, t. XIII, 3, Uppsala, 1919, pp. 145—184.
Gauthiot. Essai	— R. Gauthiot. Essai de grammaire sogdienne, pt. I. Phonétique. Paris, 1914—1923.
Houtsma	— M. Th. Houtsma. Ein türkisch-arabisches Glossar. Leiden, 1894.
ḪŠ	— A. Zajączkowski. Zabytek językowy ze Złotej Ordy, Ḫusrev u Širin Quṭbe. RO, XIX. Warszawa, 1954.
IbM	— Ap. Battal. Ibnü-Mühennâ Lügati. Istanbul, 1934.
KB, II	— Das Kudatku Bilik, Th. II. СПб., 1900—1910.
Kom. BH	— W. Bang. Die komanische Bearbeitung des Hymnus „A solis ortus cardine" (Festschrift für V. Thomsen). Leipzig, 1912, SS. 39—43.
KP	— P. Pelliot. La version ouigoure de l'histoire des princes Kalyāṇaṃkara et Pāpaṃkara. Отд. отт. Leiden, 1914.
Mabāni 'l-lughat (Маба́ни' л-луғат)	— The Mabāni 'l-lughat being a grammaire of the turki language in Persian by Mirzā Mehdi khān, Ed. E. Denison Ross. Calcutta, 1910 (Bibliotheca Indica, New Series, № 1225).
Man., I, II, III	— A. Le Coq. Türkische Manichaica aus Chotscho. Отд. отт. Berlin, 1912 (I), 1919 (II), 1922 (III).

MH	— W. Bang. Manichaeische Hymnen. Muséon, t. XXXVIII, Louvain (Belgique), 1925, pp. 1—55.
MK, I, II, III, IV	— T. D. K. Divanü Lûgat-it-türk tercümesi, cilt I—IV. Ankara, 1939—1942.
MP	— W. Bang. Der Komanische Marienpsalter. Abhandl. d. königl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen, Phil.-hist. Kl., N. F., Bd. XIII, Berlin, 1914, SS. 237—276.
Osttürk. Gramm.	— C. Brockelmann. Osttürkische Grammatik der islamischen Litteratursprachen Mittelasiens. Lfg. 1—7. Leiden, 1951—1954.
Phonetik	— W. Radloff. Vergleichende Grammatik der nördlichen Türksprachen, Th. I. Phonetik der nördlichen Türksprachen. Leipzig, 1882.
Rach. H., I	— G. R. Rachmati. Zur Heilkunde der Uiguren. SPAW, Phil.-hist. Kl., XXIV, Berlin, 1930, SS. 451—473.
ŚN	— H. Vambery. Die Schelbaniade. Ein özbegisches Heldengedicht in 76 Gesängen von Prinz M. Salih aus Charesm. Budapest, 1885.
Suv.	— Suvarṇaprabhāsa (Сутра „Золотой блеск"). Текст уйгурской редакции, изд. В. В. Радловым и С. Е. Маловым. Bibliotheca Buddhica, XVII, вып. I—VIII, СПб., 1913—1917.
Telegdi	— Al-Qawānīn. . ., Eine türkische Grammatik arabischer Sprache aus dem XV Jhdt. KCsA, Ergsbd. I, H. 3, Budapest, 1938, SS. 282—326.
Thom. Stein. man.	— V. Thomsen. Dr. M. A. Stein's manuscripts in türkish „Runic" s. script from Miran and Tun-Huang. JRAS, London, 1912, january, pp. 181—227.
Ṭiš.	— W. Radloff. Ṭišastvustik, Ein in türkischer Sprache bearbeitetes buddhistisches Sütra. Bibliotheca Buddhica, XII, СПб., 1910.
TT, I—VII	— W. Bang. Türkische Turfan-Texte, I—VII. SPAW, Phil-hist. Kl. Berlin, 1927—1936.
Uig., I—IV	— F. W. K. Müller. Uigurica, I—IV. Berlin, 1909, 1911, 1922, 1931.
USp	— W. Radloff. Uigurische Sprachdenkmäler. L., 1928.
Zwei uig. Runeninschriften	— G. J. Ramstedt. Zwei uigurische Runeninschriften in der Nord Mongolei. JSFOu, XXX, Helsingfors, 1913, pp. 1—63.
XX	— Хибат ал-хакā'ик. См.: Necib Asim Balhassan Oğlu. Un texte ouigour du XII siècle. KSz, VII, Budapest, 1906, SS. 257—279.

* * *

ВДИ	— Вестник древней истории, М.
ДАН-В	— Доклады Академии наук СССР, сер. В, М.—Л.
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения, СПб.
Записки АН	— Записки Академии наук, СПб.
ЗВО	— Записки Восточного отделения Русского археологического общества, СПб.
Известия АН	— Известия Академии наук, М.—Л.
СВ	— Советское Востоковедение, М.—Л.
AM	— Asia Major, London.
APAW	— Abhandlungen der K. Preuss. Akademie der Wissenschaften, Berlin.
Bibl. Geogr. Arab.	— Bibliotheca Geographorum Arabicorum. Ed. M. J. de Goeje, I—VIII, Brill, 1870—1894.
JA	— Journal Asiatique, Paris.
JRAS	— Journal of the Royal Asiatic Society, London.
JSFOu	— Journal de la Société Finno-Ougrienne, Helsinki.
KCsA	— Körösi Csoma-Archivum, Budapest.
KSz	— Keleti Szemle, Budapest.
MSFOu	— Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, Helsinki.
MSoS	— Mitteilungen des Seminars für orientalistische Sprachen, Berlin.
RO	— Rocznik Orientalistyczny, Kraków.
SBAW	— Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, Berlin.
SPAW	— Sitzungsberichte der Preußischen Akademie der Wissenschaften, Berlin.
StO	— Studia Orientalia, Helsinki.
ZDMG	— Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, Leipzig.

* * *

Авест.	— язык Авесты	кит.	— китайский
араб.	— арабский	кыарч.	— кыарчинский
арам.	— арамейский	кыпчак.	— кыпчакский
вост.-турк.	— восточнотуркестанский	монг.	— монгольский
		монг. письм.	— монгольский письменный
др.-тюрк.	— древнетюркский		
иран.	— иранский	огуз.	— огузский
кирг.	— киргизский	осет.	— осетинский

перс.	— персидский	„чаг."	— „чагатайский"
русск.	— русский	чуваш.	— чувашский
санскр.	— санскрит	узб.	— узбекский
согд.	— согдийский	уйг.	— уйгурский
ст.-узб.	— староузбекский	якут.	— якутский
тат.	— татарский	Ergsbd.	— Ergänzungsband
тур.	— турецкий	N. F.	— Neue Folge
турк.	— туркменский	NS.	— New Series

ВВЕДЕНИЕ

Согласно наиболее распространенной классификации, используемой как советскими, так и зарубежными учеными,[1] тюркские языки подразделяются на четыре группы: огузскую, или южную (юго-западную), кыпчакскую, или западную (северо-западную), карлукско-уйгурскую, или восточную (юго-восточную), и алтайскую, или северную (северо-восточную). Особое место в данной схеме отводится таким языкам, как чувашский и якутский. Следует при этом заметить, что наименование третьей группы является относительно новым, хотя оба составляющих его термина — карлукский и уйгурский — используются тюркологами на протяжении значительного периода времени. Указанное наименование, которое нельзя не признать удачным, было введено в научный обиход Н. А. Баскаковым.[2]

К карлукско-уйгурской группе в нынешнем ее составе относятся два языка: узбекский и уйгурский.

Узбекский язык объединяет четыре диалекта: самаркандско-бухарский, ташкентский, ферганский (андижанский, кокандский и наманганский) и хивинский, или хорезмский,[3] — расхождения между которыми определяются условиями исто-

---

[1] См.: Н. А. Баскаков. К вопросу о классификации тюркских языков. Известия АН СССР, ОЛЯ, т. XI, вып. 2, М., 1952, стр. 122.

[2] Ср. там же, стр. 129 („карлукско-уйгурская подгруппа"). В отличие от Н. А. Баскакова, карлукско-уйгурской мы называем всю группу.

[3] Новая классификация узбекских диалектов дается в статье: А. К. Боровков. Вопросы классификации узбекских говоров. Известия АН УзССР, № 5, Ташкент, 1953, стр. 58—73.

рического развития и, в частности, степенью взаимодействия с неузбекскими наречиями.

Диалектами уйгурского языка являются: кашгарский, турфанский, хамийский, лобнорский, хотанский, илийский и др.[4]

Настоящая работа посвящается описанию фонетики и морфологии древних карлукско-уйгурских языков, — точнее, диалектов, так как в отношении периода с X по XIII в. неправомерно говорить об узбекском или уйгурском языках как таковых.

Политическая общность группы восточнотуркестанских племен внутри каганата караханидов и отчасти в пределах улуса Чагатая поддерживала близость языковых норм на территории юго-востока Средней Азии и Восточного Туркестана. То, что впоследствии в результате образования нескольких народностей оформилось в группу самостоятельных, обособленных языков, в указанное время пребывало в состоянии относительного единства. Этот относительно единый язык мы называем восточнотуркестанским и противопоставляем его языку огузов и кыпчаков[5] X—XIII вв.[6]

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ВОСТОЧНОТУРКЕСТАНСКОЙ ОБЩНОСТИ И ЕЕ СОСТАВ

Начало сложения восточнотуркестанского языка и его этнического субстрата относится к периоду, предшествовавшему возникновению древнетюркской государственности на р. Орхоне, т. е. периоду разделения западных и восточных тюрок.[7] По-видимому, не позднее этого времени начался про-

[4] О классификации диалектов уйгурского языка см.: G. Jarring. Studien zu einer osttürkischen Lautlehre. Lund, 1933, SS. 3, 4.

[5] Может быть, следует говорить (имея в виду период с X по XIII в.) не о языке, а о языках огузов и кыпчаков. Этот вопрос мы не считаем принципиально важным для нашей работы.

[6] В отдельных случаях использованы памятники, относящиеся к более позднему времени (XIV, XV вв.).

[7] Согласно китайским источникам, разделение тюрок на западных и восточных произошло около 582 г. По мнению Э. Шаванна, в более скрытой форме оно существовало и раньше. См.: E. Chavannes. Documents sur les Tou-kiue occidentaux. Сб. трудов Орхонской экспедиции, VI, СПб., 1903, стр. 219.

цесс обособления отдельных групп: формирование этнической основы якутской народности, отмежевание западной группы, впоследствии разместившейся на огромном пространстве между Енисеем и Волгой, а также отделение южной (огузской) и восточной (карлукско-уйгурской) групп, находившихся вплоть до VII—VIII вв. в границах единой конфедерации племен.

Сложение общности восточнотуркестанских тюрок тесно связано с историей уйгуров, карлуков и огузов. Поэтому все вопросы ее развития могут быть разрешены в свете объяснения исторических и этногенетических обстоятельств появления названных племен.[8]

Первые сведения об уйгурах, содержащиеся в тюркских источниках, относятся к VIII—IX вв. (рунические надписи из Шине-Усу и Суджи).[9]

В XI в. уйгуров упоминают автор Кутадгу билига и Махмуд Кашгарский.

Прикрепление наименования „уйгуры" к определенной этнической группе первоначально было основано на отождествлении его с хойху китайских источников. Хойху, согласно показаниям последних, — наименование народа, известного прежде под названием дили, а затем гаогюй. Родословная уйгуров в представлении Н. Я. Бичурина выглядит следующим образом: монгольское поколение чи-ди → дили → гао-гюй (в конце IV в. н. э.) → чилэ (тйелэ).[10]

Из сообщений китайских хроник известно, что в 742 г. хойху, гэлолу (карлуки) и басими (басмалы), объединившись, напали на тугюсского ябгу и убили его. В 744 г. был убит басимийский хан, и власть перешла полностью к хойху.

[8] Огромный вклад в разрешение этого вопроса сделал В. В. Радлов, см. его работу „К вопросу об уйгурах" (Приложение к LXXII тому Записок АН, № 2, СПб., 1893).

[9] G. J. Ramstedt. Zwei uigurische Runeninschriften in der Nord Mongolei. JSFOu, XXX. Helsingfors, 1913, p. 4. — Время написания памятника на Шине-Усу (744—75) гг.) Г. Рамстедт определяет условно на основании выводов Г. Шлегели.

[10] Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, ч. I. М.—Л., 1950, стр. 213, 214.

В 745 г. Гули Пэйло принял имя Гудулу-бигя-гюе-хана (Кутлук-билгя-кюль-кагана), и с этого времени хойху овладели всеми тугюсскими землями.[11] В 840 г. они подверглись нападению хакассов (кыргызов) и были разбиты.[12] При этом часть хойху направилась к гэлолу, остальные ушли в Тибет.

В истории Рашид ад-дина, в части, повествующей о разделении уйгуров, одна группа их, поселившаяся в девятиречье, носит наименование тогуз-уйгуров, тогда как другая именуется он-уйгурами, по количеству рек в пределах расположения последних.[13] Это место у Дегиня получило следующее освещение: „*Igours*, также называемые уйгурами, были разделены в древности, т. е. незадолго до р. х., на две основных орды, которые образовали два царства, достаточно значительных, подчинявшихся то гуннам, то Китаю... Первые назывались он-уйгурами, т. е. уйгуры 10 рек, потому что имелось 10 рек в их стране, а вторые, по той же причине, носили имя тогуз-уйгуров, т. е. уйгуров 9 рек... Вначале эти две основные орды управлялись одним царем; после того как произошло разделение между ними, каждая орда избирала своего правителя (царя). Правитель он-уйгуров носил имя Иль-иттара, другой — Иль-иргина... По-китайски первые — *Tçien-tche-su*, вторые — *Heou-tche-su*".[14]

В абсолютном большинстве источников, повествующих о событиях IX—X вв., уйгуры, однако, выступают только как объединение девяти племен, наименования которых Дж. Гамильтон, на основании показаний китайских источников, восстанавливает в следующем виде: 1) яглакар, 2) *утуркар, 3) *турламвюр (*кюрламвюр), 4) *бокасыкыр (*боксыкыт), 5) *авучаг, 6) *карсар (*касар), 7) *ҳогорсув, 8) *ягмвюркар (*ябуткар или *ябюткяр), 9) *ҳйейямвюр (*аявир).[15]

[11] Там же, стр. 307.

[12] Там же, стр. 334.

[13] См.: В. В. Радлов. К вопросу об уйгурах, стр. 40—41; см. также: شعوب ترک Рукописный отдел ИВ АН СССР, В. 721, л. 25а.

[14] J. Deguignes. Histoire général des huns, des turcs, des mogols et des autres tartares occidentaux, t. I, pt. I. Paris, 1756, p. 301.

[15] J. R. Hamilton. Les ouïghours à l'époque des cinq dynasties, d'après les documents chinois. Paris, 1955, pp. 3, 4. — О названиях уйгур-

Сведения о пребывании уйгуров в Туркестане встречаются у арабских географов и историков: у Ибн Хордадбеха (IX в.) в „Книге путей и государств", у Кудамы (X в.) в „Книге податей", у Мас'уди (X в.) в „Книге золотых лугов" и др., — которыми пользовался в XI в. Гардизи, автор „Украшения известий", и в XII в. Идриси. Аналогичные сведения имеются также у автора персидской географии конца X в. Худуд ал-'алам. Упомянутые авторы называют уйгуров тогуз-гузами (تغزغز)[16] или тогуз-гурами (تغزغر) и указывают на их нахождение несколько восточнее Кучи.[17]

Со времени появления уйгуров в Туркестане[18] (конец IX в.) наименование „уйгур" постепенно распространяется на представителей всех обитавших на его территории племен. „...Судя по биографиям уйгуров, перечисленным у Бретшнейдера (Mediaevel researches, v. I, p. 250), равно как и по словарю имен из Юань-ши, приложенному к нашей работе, — пишет Д. Позднеев, — под уйгурами разумелись все жители Восточного Туркестана — тюрки, может быть, даже в общем, нарицательном смысле, имея при этом частные племенные имена".[19]

ских племен см. также у Ф. В. К. Мюллера, использующего, помимо собственных материалов, исследования Ф. Хирта, Г. Шлегеля и Э. Шаванна: F. W. K. Müller. Uigurische Glossen. Ostasiatische Zeitschrift, Jhrg. 8, Berlin, 1920, SS. 310—313.

[16] Предположение о тождестве уйгуров и тогуз-огузов было высказано впервые в конце прошлого столетия. Убежденными сторонниками этой точки зрения являлись в числе многих других ориенталистов В. Томсен и И. Маркварт. См.: J. Marquart. Die Chronologie der Alttürkischen Inschriften. Leipzig, 1898, SS. 23, 24.

[17] Ибн Хордадбех определяет расстояние до тогуз-гузов тремя месяцами пути от Нушаджана, расположенного вблизи Узгена: Bibl. Geogr. Arab., IV, p. 30 (22). — Кудама уменьшает эту цифру до 45 дней: Bibl. Geogr. Arab., VI, p. 219 (160).

[18] Значительная часть уйгуров осталась на Алтае и впоследствии вошла в состав этнического субстрата алтайских тюрок. Наименование этой части, засвидетельствованное в китайских хрониках (чиле-тйеле), сохраняется вплоть до настоящего времени в наименованиях племенных группировок Алтая: телесов, теленгитов и телеутов.

[19] Д. Позднеев. Исторический очерк уйгуров (по китайским источникам). СПб., 1899, стр. LXIII.

Другим объединением племен восточнотуркестанских тюрок являлись карлуки. Согласно сообщениям, имеющимся в тибетской литературе, карлуки (*gar-log*) первоначально занимали восточный Тибет.[20] Напомним в этой связи о встречающемся у Идрйси выражении „тибетские тюрки" (التبتية).[21]

Из китайских источников (чтение китайских иероглифов, обозначавших слово „карлук", — „ко-ло-лу" или „гэ-ло-лу") следует, что последние во времена правления хана Пэйло были самостоятельным племенем и затем вместе с басмами подчинились хойху (уйгурам). Племя гэлолу состояло из трех родов:[22] мэули, чжисы (или пофу) и ташили, — и кочевало в VIII в. где-то на западе.

Обстоятельно история карлуков излагается в хронике танской династии: „После разгрома басмами в 742 г. карлуки и 9 племен уйгуров составляли одно объединение, затем карлуки, жившие в Отукене, были подчинены уйгурам. Другие карлуки жили на Алтае и поддерживали связи с китайским двором. В 756—57 гг., усилившись, карлуки стали оспаривать первенство у уйгуров. Они заняли территорию 10 племен".[23] Содержание данного отрывка вполне объясняет отрицательное отношение к карлукам, выраженное в тексте из Шине-Усу, который относится приблизительно к этому же периоду: *üч карлук јаблак сакїпїп тäзä бардї курїја он ок(k)а кірті* 'уч-карлуки, имевшие дурные намерения, ушли прочь и, отправившись на запад, вошли в состав (объединения) 10 племен'.[24]

[20] Тибетские сообщения исследованы Г. Гоффманом по работам Г. Туччи, материалам тибетской экспедиции и документам, обработанным В. Томасом и Ж. Бакотом (H. Hoffman. Die Qarluq in der Tibetischen Literatur. Oriens, vol. 3, Nr 2, Leiden, 1950; J. Bacot, F. W. Thomas. Documents de Touen-Houang relatifs à l'histoire du Tibet. Paris, 1940; F. W. Thomas. Tibetan literary texts and documents concerning Chinese Turkestan. Oriental translation fund, N. S., vol. 32, London, 1935).

[21] Géographie d'Édrisi, traduite de l'arabe en français par P. Amédée Jaubert, t. I. Paris, 1836, pp. 494 и 498.

[22] Н. Я. Бичурин. Собрание сведений. . ., ч. I, стр. 347; ср. выражение *üч-карлук* во всех рунических текстах (см.: KCsA, I, 5, S. 375; MSFOu, IX, S. 28; MSFOu, V, S. 71, Note 3; JSFOu, XXX, S. 17).

[23] E. Chavannes. Documents sur les Tou-kiue occidentaux, стр. 85.

[24] G. J. Ramstedt. Zwei uigurische Runeninschriften. . ., pp. 16, 17.

Большую ценность упомянутой надписи придает сообщение ʿАуфи: „Другое подразделение тюрок — халлухи. Их местообитание — гора Йӯн.с (كوه يونس), где добывают золото. Халлухи были подчинены тогуз-гузам (بتندكان تغزغز بودند), но затем, восстав против них, отправились в Туркестан, и некоторые из них пришли даже в страны ислама".[25]

Таким образом, версия об отделении карлуков от своих бывших союзников тогуз-огузов (тогуз-уйгуров) и переходе к десятистрельному народу огузов (тюргешей?) оказывается достаточно убедительной.[26]

Окончательно обособившись от уйгуров и прекратив сношения с Китаем, карлуки продвигаются на север. В 751 г. они разбивают у реки Талас войска китайского губернатора Туркестана Гао-сян-ши и в 766 г. захватывают столицу тюргешей Суяб. Как явствует из сочинения Абӯ-л-Валйда Мухаммеда ал-Азраки „Хроника города Мекки", изданного Ф. Вюстенфельдом, в начале IX в. карлуки владели значительной частью Туркестана вплоть до Отрара, включая и Фергану.[27] В 816 г., вследствие захвата Зу-р-Риясатайном области Отрара, часть их отошла к Таласу; часть, находившаяся в Фергане, очевидно, подчинилась арабам.

С X в. карлуки попадают в поле зрения персидских историков. Персидская география X столетия Худӯд ал-ʿалам [28] называет местом расположения карлуков (перс. формы: карлух, харлух[29] и халлух) горы Ферганы, Тохаристан и Балх.[29]

[25] В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. I. Тексты. СПб., 1898, стр. 100.

[26] Напомним о неоднократном отнесении карлуков к огузам или туркменам Махмӯдом Кашгарским: „карлук — одно из туркменских племен" (МК, II, 276); „карлук — наименование тюркского племени, которое отделилось от огузов" (МК, I, 473).

[27] См.: А. И. Михайлова. Новые эпиграфические данные для истории Средней Азии IX в. Эпиграфика Востока, т. V, Л., 1951, стр. 17.

[28] Худӯд ал-ʿалам, пер. В. Минорского. London, 1937, p. 97.

[29] У Фахр ад-дина Мубаракшаха Марварӯди карлух и харлух — разные племена, что свидетельствует о пользовании автора разными источниками и некоторой неосведомленности, вследствие чего разные варианты одного и того же слова могли быть восприняты как наименования разных

В XII—XIII вв. карлуки находились приблизительно в тех же местах. Абу́-л-Ғази (XVII в.) упоминает их в связи с походом Чингиз-хана в Отрар — город, расположенный в среднем течении Сыр-Дарьи.[30]

Данные о племенном составе карлуков в этот период можно почерпнуть из сообщения 'Ауфи: „Имеется девять родов (их): три чигилй (چکلی), три х.ски (هسکی), один н.да (ندا, ср. также يدوا), один к.ва́лйи (کوالیین) и т.ҳсйи (تخسن, ср. также تخستن)".[31]

Тождество первого наименования с обозначением хорошо известной племенной группировки чигилей, а последнего — с тухси не вызывает никаких сомнений.

Сообщение 'Ауфи в той части, в какой оно затрагивает чигилей, полностью согласуется со сведениями, изложенными автором дивана тюркских языков: чигиль — наименование трех родов тюрок. В числе этих родов должны быть названы азы. В. В. Бартольд указывает на упоминание персидским визирем Низа́м ал-Мульком похода султана Малик-шаха в Самарканд и Уагенд (1089—1090 гг.), в котором чигили представлены как народ, населяющий земли Мавераннахра.[32]

Среди других племен, входивших в племенной союз карлуков, широко известны ягма. Ягма жили близко к бассейну реки Или (см. МК, III, 34), и их земли примыкали вплотную к Кашгару. Прежде, по словам Гардизи, ягма составляли часть объединения тогуз-огузов, а после отделения от них присоединились к карлукам.[33] В тексте Ҳудӯд ал-'а́лам подчер-

---

племен. См.: ВДИ, I, М.—Л., 1938, стр. 115. — Рукопись Фахр ад-дӣна Мубара́кша́ха издана Дениссоном Россом (Ta'rīkh-i Fakhru'd-Dīn Mubārakshāh. . . London, 1927).

[30] شجرهٔ ترک Рукописный отдел ИВ АН СССР, А. 895, л. 65 б.

[31] В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. I, стр. 100. — В Ҳудӯд ал-'а́лам названы три племени карлуков (халлухов): бйстӑи, ҳайм и б. рӑш (р. 97). Ср. уч-карлуки рунических надписей.

[32] В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, стр. 74.

[33] Гардизи, 84 (см.: Записки АН, т. I, № 4, СПб., 1897).

кивается особое положение ягма среди тюркских племен: „Правители Кашгара в прежнее время, как повествует указанное сочинение, были из халлухов или ягма" (Ḥудӯд ал-'ālам, 96).

Племенной союз ягма, чигилей, карлуков, а затем и уйгуров преобразовался в середине X в. в государственно-племенную организацию — каганат караханидов.

Местом расположения гузов (огузов) в IX—X вв. была территория по обе стороны среднего течения Сыр-Дарьи,[34] откуда они продвигались на запад. По данным Махмуда Кашгарского (МК, I, 55-58), гузы объединяли двадцать два рода (племени).[35]

ДИАЛЕКТЫ ВОСТОЧНОТУРКЕСТАНСКОГО ЯЗЫКА

Попытки классифицировать древние племенные диалекты тюрок Восточного Туркестана и Туркестана вообще имели место, если не считать труды древних авторов, главным образом в последнем столетии.

Первая классификация древних тюркских диалектов, произведенная на основе изучения огромного фактического материала, принадлежит В. В. Радлову.[36] Основной принцип классификации В. В. Радлова — характер письма, хотя особенности каждой диалектной группы очерчиваются им и в фонетическом, и в морфологическом отношениях. В. В. Радлов выделяет три древних диалекта: 1) северный (Die Sprache des Türk-Sir-Volkes), 2) южный (Die uigurische Sprache) и 3) смешанный, который в свою очередь подразделяется на западный и восточный.

---

[34] См. у Идрӣси (о Сыр-Дарье): „После прохождения через Сабран (سبران) она вступает в пустыню, принадлежащую тюркам-гузам, проходит на расстоянии 3 км от города غزية الحديثة и затем сбрасывает свои воды в Хорезмийское озеро (بحيرة خوارزم, т. е. Аральское море)" (Géographie d'Édrisi, t. II, p. 209).

[35] У Абӯ-л-Ғāзи — 24, см.: Рукописный отдел ИВ АН СССР, А. 895, лл. 336, 34а.

[36] См. W. Radloff. Altürkische Studien, IV и V. Известия АН, VI сер., № 5 (стр. 305—326) и № 6 (стр. 427—452), СПб., 1911.

К северному диалекту относятся все рунические тексты, объединяющими признаками которых В. В. Радлов считает: наличие в начале слова только глухих взрывных согласных, исключая *б*; сохранение начального *б* в словах, оканчивающихся на *ң* или *н*, например *бӘн* 'я'; употребление аффикса *-да*, *-дӓ* в местном и исходном падежах, аффикса *-ың*, *-ің* в притяжательном падеже и аффикса *-дӓҗ*, *-дің* во 2-м лице единственного числа глагольных форм прошедшего времени, а также многие другие.

Южный диалект представлен в памятниках, составленных уйгурским шрифтом. В отличие от северного диалекта, в нем допускается изменение *б* > *м* в основах, оканчивающихся на *н*, *ң*. Аффикс исходного падежа в южном диалекте — *-дӓн*, *-дін*, *-тӓн*, *-тін*, аффикс притяжательного падежа — *-нӓң*, *-нің*, исключая личные местоимения; форма 2-го лица единственного числа прошедшего времени оканчивается на *-дӓң*, *-дің*, *-тӓң*, *-тің*.

Смешанный диалект включает особенности, свойственные и северной, и южной диалектным группам. К этому диалекту относятся: 1) все тексты, написанные манихейским шрифтом, 2) все рукописи манихейцев, написанные уйгурскими буквами, 3) каирская рукопись Кутадгу билига, 4) некоторые буддийские рукописи, например сутра „Золотой блеск", Тишаствустик и др.

К В. В. Радлову по своим взглядам на принципы классификации древних тюркских языков примыкает отчасти С. Е. Малов. Как и В. В. Радлов, он придает большое значение истории письменности. При этом в конечном итоге определяющим для него оказывается не внешний признак (различие письма), а характер отражения в памятниках особенностей того или иного исторического этапа развития языка, потому что сама история письменности у тюрок складывается из хронологически не совпадающих и, по существу, следующих друг за другом периодов использования разных форм письма. Так, например, руническая письменность предшествует уйгурской, а уйгурская — арабской письменности.

Стремление сделать ведущим при построении классификации принцип сравнительно-исторической оценки звуковых и морфологических особенностей языка наиболее наглядно выразилось в специальной статье С. Е. Малова,[37] в которой проводится деление тюркских языков на древнейшие, древние и новые. Однако эта статья ставит целью установление классификационных признаков для современных тюркских языков.

Частично вопросы распределения древних диалектов затрагивает и статья Н. А. Баскакова,[38] дающая важный и ценный материал для периодизации истории языков Восточного Туркестана.

Следующая (после В. В. Радлова) попытка классификации восточнотуркестанских диалектов сделана в работе А. Габен.[39] В грамматическом трактате, посвященном описанию грамматики древнетюркского (?) языка,[40] А. Габен выделяет в языке Туркестана, отождествляемом в данном случае с уйгурским языком, два диалекта (условно): *j*-диалект и *n*-диалект. Данные наименования сами по себе дают исчерпывающее представление о том критерии, которым пользуется для своей классификации А. Габен. Все же объясним его.

Надписи, найденные на реке Орхон и реке Енисее, содержат знак 𐰃, звуковое значение которого продолжительное время отождествлялось с *j* (𐰚). Обособленное положение 𐰃 тем не менее давало повод сомневаться в этом. Еще В. Томсен заметил, что два знака, обозначающие *j* заднего ряда в орхонских надписях (𐰚 и 𐰃), „никогда не чередуются,

---

[37] С. Е. Малов. Древние и новые тюркские языки. Известия АН СССР, ОЛЯ, т. XI, вып. 2, М., 1952, стр. 135—144.

[38] Н. А. Баскаков. К вопросу о классификации тюркских языков, стр. 121—135.

[39] A. Gabain. Alttürkische Grammatik. Leipzig, 1950, S. 3—8.

[40] Обычно наименование „древнетюркский" употребляется по отношению к языку орхонских и енисейских надписей. В таком значении это наименование употребляем и мы. Что касается А. Габен, то она придает ему несколько иной смысл, охватывая им главным образом тексты уйгурской и манихейской письменностей.

и, возможно, между ними была не известная нам точно разница".[41]

Эту разницу подметила Е. Н. Клеменц, сопоставившая необычное начертание с равнозначным ему написанием (Тоньюкук) и предположившая тождество группе . Догадка Е. Н. Клеменц подтвердилась при разборе последующих материалов. Из признания ее следует, что равно *j* (*нj*) и что для языка орхонских и енисейских надписей наличие *j* (при *н* ~ *j* в других источниках) является характерным фонетическим признаком, ср. ПКТ:

aj"ïŋ jok 'не имеющий злого умысла', 'не обладающий греховным образом мыслей' (60_3), *чïŋaj"ïŋ* 'неимущих' (68_{13}), *jaj"a ältmdi* 'рассеял' (70_{23}), *anï jaj"ïn* 'его рассеяв' (72_{31}).

Отражением орхоно-енисейского, или, по всей вероятности, праорхонского *j*, обозначавшегося знаком , в одних текстах уйгурской письменности явился *j*, в других — *н*, например *ajïŋ* и *anïŋ*, *чïŋai* и *чïŋan*.

Признаками *н*-диалекта А. Габен считает наличие во многих окончаниях и не-первых слогах основы широкого гласного *a* (*ä*) на месте узкого *ï* (*i*), например в формах древнего орудного падежа (*-ан*, *-ăн*), древнего аккузатива (*-аŋ*, *-äi*), деепричастия прошедшего времени (*-ап*, *-ăп*), относительных прилагательных (*-лаŋ*, *-läi*) и т. д., не исключая форм, совершенно неразложимых в современном восприятии; наличие только звука *б* при отсутствии соответствующего губно-зубного *в* (*суб* 'вода', *кобрат-* 'собирать', *јаблак* 'плохой') и т. д. Морфологические признаки рассматриваемого диалекта, по мнению А. Габен, заключаются в преобладании деепричастных форм на *-пан*, *-пăн*, в наличии формы 2-го лица единственного числа прошедшего времени на *-тïŋ*, *-тiг* и формы долженствования, образуемой аффиксом *-сïŋ*, *-сiг*.[42]

---

[41] W. Thomsen. Inscriptions de l'Orkhon..., см. перевод П. М. Мелиоранского в кн.: П. М. Мелиоранский. Памятник в честь Кюль-Тегина. ЗВО, т. XII, вып. II—III, СПб., 1899, стр. 33, прим. 2.

[42] A. Gabain. Alttürkische Grammatik, S. 5. — На близость манихейских и орхонских текстов указывали также А. Лекок и П. Пелльо.

j-диалект отразился в большинстве буддийских и позднеманихейских рукописей. Близость к нему обнаруживает и язык глоссариев, написанных индусскими буквами (Брāхмӣ). Особенностями *j*-диалекта, помимо своеобразного фонетического оформления слов типа *ajïŋ*, являются: наличие звука *в* вместо обычного для *н*-диалекта *б* (*javlak*); употребление формы на *-ɣулуɣ*, *-ɣӱлӱг*, выражающей долженствование, и т. д.

На основании данных А. Габен и ее частных выводов можно заключить, что *н*-диалект, прослеживаемый по рукописям манихейского содержания и руническим текстам, в сущности является высокоразвитой формой языка орхонских и енисейских надписей, т. е. *j*-диалекта.

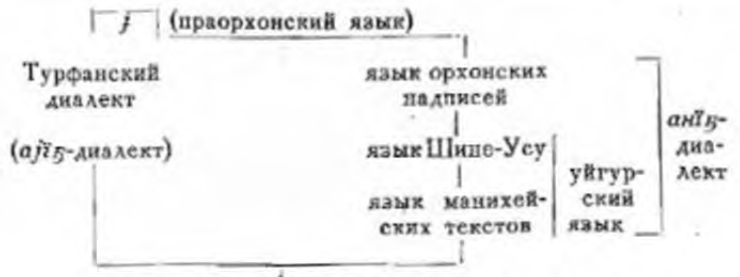
В своей последней работе А. Габен устанавливает принадлежность *н*-диалекта огузам (гузам), аргу, кыпчакам и чигилям, а *j*-диалект рассматривает как уйгурский,[43] очевидно, имея в виду тот уйгурский язык, который представлен памятниками, фактически принадлежавшими карлукам. Вместе с тем, опираясь на некоторые языковые особенности (наличие звука *п* в аплауте, вместо обычного для многих тюркских языков *б*, и лабиального *о*, *ӧ* в не-первых слогах), А. Габен высказывает предположение об особой диалектной направленности языка Брāхмӣ-глосс и о связи с ним современных наречий Алтая.

В дополнениях, внесенных в схему А. Габен, Д. Синор совершенно справедливо связывает *j*-диалект с не-уйгурским населением Турфана, находившимся там до 870 года.[44] Схема Д. Синора, разграничивающая древние диалекты Туркестана и фиксирующая их в последовательном и преемственном развитии, имеет следующий вид:

См.: A. Le Coq. Kurze Einführung in die uigurische Schriftkunde. MSoS, XXII, Berlin, 1919, S. 97.

[43] A. Gabain. Alttürkisches Schrifttum. SBAW, Phil-hist. Kl., Nr III, Berlin, 1953, SS. 21, 22.

[44] D. Sinor. On Türkish Buddhism in Central Asia. KCsA, Ergsbd. I, H. 5, Budapest, 1931, S. 323.

Некоторые замечания по вопросу о классификации древних тюркских языков содержит рецензия М. Палло, противопоставляющей тексты уйгурской письменности манихейским памятникам. Первым, по мнению М. Палло, присуще частое употребление отглагольного имени (причастия) с аффиксом *-дачӣ*, *-дӓчӣ*, *-тачӣ*, *-тӓчӣ* и уменьшительного аффикса *-кӣа*, *-кӣӓ*. Вторые имеют деепричастную форму на *-р+ча*, *-р+чӓ*,[45] упомянутый же уменьшительный аффикс в них, за редкими исключениями, не употребляется.[46]

Подводя итог изложенному, следует отметить большую важность принципов, положенных в основу классификаций древних тюркских диалектов В. В. Радловым, С. Е. Маловым и Н. А. Баскаковым. Однако в своей работе мы опираемся главным образом на классификацию А. Габен, так как только последняя имеет непосредственное отношение к диалектам Восточного Туркестана и не выходит за его пределы.

Выбор классификационного признака, сделанный А. Габен, нельзя не признать удачным по ряду соображений. Многие фонетические особенности древних тюркских языков, возникшие в результате развития одного и того же звука, существовали

---

[45] На самом деле это уподобительная форма, образованная от причастия на *-р*.

[46] Рецензию М. Палло на работы А. Лекока (Türkische Manichaica aus Chotscho, III) и Ф. В. К. Мюллера (Uigurica, III) см.: KCsA, Bd. 1, H. 4, SS. 326—330.

только как факт определенного периода времени и затем исчезали, например традиция δ-основ $\left(\delta \swarrow^{n}_{j}\right)$. Напротив, различие *н* и *j* сохраняется вплоть до настоящего времени и поэтому существенно для классификации. Необходимо также отметить то важное значение, которое придавалось различию *н* и *j* в древних филологических трудах.

Важным условием правильной локализации *н*-овых форм является расшифровка наименования „язык манихейских текстов конца IX — начала X вв.".

Манихейство распространялось среди тюрок во второй половине VIII в. Следы его можно встретить в рунических памятниках Енисея в виде обозначения титула манихейских (христианских?) вероучителей (мар).[47] Это слово содержит также суджинская надпись, именуемая обычно уйгурской.[48] Согласно свидетельствам арабских и персидских историков и географов, единственным или почти единственным тюркским народом, исповедовавшим манихейство, были тогуз-огузы.[49] Если принять во внимание тождество уйгуров с тогуз-огузами и учесть сказанное выше, станет ясно, что об *н*-основах можно говорить не только в отношении языка огузов, как это имеет место у А. Габен, но и языка уйгуров.

Что касается *j*-основ, то их следует считать принадлежностью языка карлуков. Нужно отметить, что распространение последних до прихода уйгуров было более значительным и, очевидно, охватывало область Турфана или прилегающую к ней территорию и что буддизм, вследствие ранних связей карлуков с Тибетом,[50] был воспринят ими раньше других тюркских племен.

Посредством противопоставления *н*- и *j*-основ можно выделить две диалектных подгруппы восточнотуркестанского

---

[47] С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1952, стр. 14; ср.: С. Г. Кляшторный. Историко-культурное значение суджинской надписи. Проблемы востоковедения, № 5, М., 1959, стр. 166.

[48] Там же, стр. 14.

[49] Гардизи (Записки АН, VIII сер., т. I, № 4, СПб., 1897), стр. 91.

[50] H. Hoffman. Die Qarluq in der Tibetischen Literatur, pp. 192, 201.

языка или два диалекта: уйгуро-огузский и карлукский, или карлукско-уйгурский. Кстати сказать, фонетическим типом, обычным для карлукского диалекта (*j*), независимо от него обладали и все кыпчакские диалекты.

Из основных признаков, разделяющих указанные выше диалекты, можно назвать:

1) наличие у определенного типа слов в карлукском диалекте придыхательного начала, например *хата* (*ата*) 'отец', *хана* (*ана*) 'мать' (Маҳмӯд Кашгарский приписывает эту особенность языкам Хотана и Кенчека, см.: МК, I, 32);

2) чередование *k* и *x* в уйгуро-огузском диалекте — см. МК, III: خِيزِم *хīзīм* 'моя дочь', خَيُو *хаjу* 'какой', خَلَج *халач* — название племени, خَنْدَا *ханда* 'где' (218), خَاقَان *хакан* 'каган' (221);

3) наличие у карлуков в середине и в конце слова звука *ң*, соответствующего звуку *м* уйгуро-огузского диалекта, — ср. КВ, II: *абаң* 'если' (83, см. также МК, I, 134); USp: *абам* (57); МК, I: *ахсум* 'буян', 'пьяный' и *аҳсуң* (116) и т. д.;

4) своеобразную вокализацию аффикса прошедшего категорического, ср. у аргу (МК, III, 139—140); *бардум* 'я пошел', *кӧлдӱк* 'я пришел'; у „тюрок": *бардīм*, *кӧлдім*; у огузов (узов): *бардам*, *кӧлдӓм*.

В качестве дополнительного разграничительного признака, возможно, выступало также соотношение *j* ~ *ǰ*. По указаниям древних авторов-арабов, титулом карлукских правителей являлось слово جبغويه *jабӷуja* (ср. др.-тюрк. 𐰴𐰃𐰍).[51] Это дает основание предполагать, что диалекты карлукской подгруппы были в какой-то мере джекающими. Маҳмӯд Кашгарский джекающими называет языки огузов и кыпчаков, см. МК, I: جِنْجُو *jинjӱ* 'жемчуг' (417); МК, II: جَتّى *jӧmmi* 'он настиг' 314). Уйгуро-огузский диалект в X—XIII вв. был йокающим.

С морфологической стороны границы диалектов определяются:

---

[51] В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893—1894 гг. Записки АН, VIII сер., т. I, № 4, СПб., 1897, стр. 104.

1) вариацией аффикса, образующего форму повелительного наклонения 3-го лица: карлук. *-сы*, *-сӱ*; уйгуро-огуз. *-сун*, *-сӱн*;

2) несовпадением структуры деепричастий прошедшего времени: карлук. *-п*, уйгуро-огуз. *-пан*, *-пӓн*, *-п*;

3) вариацией формы предлагательно-желательного наклонения 1-го лица множественного числа: карлук. *-лың*, *-лің*, уйгуро-огуз. *-лым*, *-лім*.

Можно также допустить смешанное употребление в уйгуро-огузском диалекте двух парадигм прошедшего категорического: личной на *-ды*, *-ді* и неспрягаемой на *-дук*, *-дӱк*, *-дык*, *-дік*. Приведем несколько примеров употребления последней формы, — см. МК, II: *мӓн аңар таҫар бӧрдӱк* 'я дал ему имущество', *олар ӧвгӓ кірдӱк* 'они вошли в дом', *мӓн мунда турдук* 'я здесь стоял' (61).

Принадлежностью особого племенного диалекта внутри карлукско-уйгурской диалектной подгруппы являлось чередование *ч* с *ш*.[60]

Говоря о соотношении двух названных диалектов с современными тюркскими языками, необходимо отметить, что оба они сыграли важную роль в образовании узбекского и уйгурского языков. Однако непосредственным прототипом того и другого послужил карлукско-уйгурский диалект. Судьба второго диалекта нам представляется несколько неопределенной. Все же необходимо подчеркнуть, что, с одной стороны, он обнаруживает связи с языками Алтая и с тувинским языком. Возьмем, например, такие частные факты, как употребление в манихейских текстах глагола *олур-* 'сидеть' или озвончение согласных в интервокальном положении в любых грамматических формах, ср. *кӧдӓр-* 'удалять', *бӱдӱн* 'весь'. С другой стороны, в силу ряда исторических обстоятельств уйгуро-огузский диалект оказывается близким к языкам огузской группы. Количество языковых фактов, сближающих его с последним, огромно, и речь о них будет идти в специальных разделах фонетики и грамматики.

[60] По словам Маҳмӯда Кашгарского, употребление *ш* вместо *ч* было характерной чертой племенных языков тухси и ягма.

То, что восточнотуркестанский язык, т. е. язык карлуков и уйгуров, оказывается в сложном переплетении с языком огузов, не есть нечто неожиданное и необычное. Многочисленные линии сходств были унаследованы теми и другими от эпохи продолжительного пребывания в составе одной конфедерации племен, о которой уже говорилось в предыдущем разделе.

ИСТОЧНИКИ

Выделение собственно карлукских источников представляется задачей чрезвычайно трудной. Дело в том, что в разное время степень взаимодействия карлуков с уйгурами и огузами не была одинаковой. Чем больше мы удаляемся в глубь истории, тем несомненнее становится факт исключительной близости их языков, обусловленной не только родственными связями, но и длительным пребыванием носителей в составе одного племенного союза. Принимая во внимание то обстоятельство, что со второй половины IX в. основную массу не-карлукского населения Восточного Туркестана составляли уйгурские племена, следует предположить возобновление в новых условиях (этнической концентрации на территории караханидских владений) тесных связей между карлуками и уйгурами.

К памятникам карлукского диалекта (или подгруппы диалектов) мы относим Кутадгу билиг, Хибат ал-хака'ик, уйгурскую версию истории принцев Каллянамкара и Папамкара, легенду об Огузе, соответствующие разделы из дивана Махмуда Кашгарского, частично тексты, записанные Брахми-шрифтом, и сочинение Рабгузи.[53]

---

[53] Некоторые особенности карлукского языка могли отразиться также в тефсире из Карши и в сочинении Ибн Муханны, содержащих большое количество форм и фонетических явлений, свойственных языку огузов. См. у С. Е. Малова: „...думаю, что не погрешу и я, если назову теперь тот язык, который так рельефно выступает в шестой рукописи сочинения Ибн Муханны и, предполагаю, выступал и у самого Ибн Муханны (а не у его переписчиков), восточнотуркестанским, кашгарским и уйгурским" (Записки коллегии востоковедов, т. III, вып. 2, Л., 1928,

Ниже приводится краткий обзор указанных текстов и перечень основных изданий.

Кутадгу билиг. Наиболее ранняя по времени нахождения рукопись Кутадгу билига принадлежит Венской библиотеке. Эта рукопись была написана в Герате в 843 г. хиджры (1439 г.). Оригинал ее относится к 462 г. хиджры (1069/1070 г.).[54] Впервые текст венской рукописи в извлечениях был издан в 1870 г. Г. Вамбери.[55] С 1884 г. факсимиле венской рукописи стала располагать Российская Академия наук, предоставившая возможность В. В. Радлову издать сначала факсимиле, а затем маньчжурскую транскрипцию текста.[56]

Когда в 1897 г. началось печатание текста и перевода Кутадгу билига по венской рукописи, В. В. Радлов смог познакомиться со списком Кутадгу билига из Каира. Так часть текста (64 стр.) оказалась изданной по первой рукописи, другая часть (с 65 стр.) явилась результатом сравнительной обработки обеих рукописей.[57]

Третий список Кутадгу билига, написанный арабским шрифтом, был найден незадолго до Октябрьской революции в Намангане.[58] Эта рукопись вместе с другими, ранее известными, издана в Стамбуле.[59]

Хибат ал-ҳақа'ик. Рукопись Хибат ал-ҳақа'ик была обнаружена в Стамбуле и издана Неджибом Асимом в 1915 г.[60]

стр. 247). — Суждение П. М. Мелioранского относительно близости языка известных ему пяти списков сочинения Ибн Мухенны — трех оксфордских, парижского и берлинского — к азербайджанскому языку остается справедливым и в настоящее время.

[54] См.: В. В. Радлов. Кудатку Билик. Факсимиле уйгурской рукописи. СПб., 1890, стр. I—XIII.

[55] H. Vambéry. Uigurische Sprachmonumente und das Kudatku Bilik. Innsbruk, 1870.

[56] W. Radloff. Das Kudatku Bilik, Th. I. СПб., 1891.

[57] Там же, Th. II. СПб., 1900—1910.

[58] Рукописный отдел ИВ АН Уз.ССР, № 1839. См.: ЗВО, т. XXII, стр. 312—313.

[59] Kutadgu bilig tıpkıbasım, I—III. Istanbul, 1942—1943.

[60] نجيب عاصم Necib Asim Balhassan Oğlu. Стамбул, 1915. Другие издания: Necib Asim Balhassan Oğlu. Un texte ouigour du XII sibele. KSz, VII, Budapest, 1906, SS. 257—279; W. Radloff. Ein uigurischer

Последнее (факсимильное) издание рукописи относится к 1951 г. В нем, в отличие от предыдущих изданий, дается новое название текста („Atebetü'l-hakayïk").

Дата составления рукописи — 884 г. хиджры (1480 г.); скопировал текст Шейх-заде 'Абд-ар-раззак бахши; автором является адиб Ахмед Югнаки. Произведение адиб Ахмеда, состоящее из 253 бейтов, по мнению Т. Менаселя (KCsA, II, 4, S. 307), напоминает сочинение Фарид ад-дина Аттара Пенднаме.

Язык Хибат ал-хака'ик — кашгарский, о чем говорит сам автор (248 и 249 бейты). Он обнаруживает большую близость к языку Кутадгу билига и вместе с тем содержит те признаки, которые ложатся в основу среднеазиатско-карлукской или староузбекской языковой традиции.

История принцев Кальянамкара и Папамкара. Рукопись, содержащая эту историю, распространенную в буддийском мире приблизительно с IV в., была обнаружена экспедицией П. Пелльо в Дун-Хуане. В настоящее время она хранится в Национальной библиотеке Парижа.

Подробное описание рукописи дано в рецензии В. Банга (KSz, XVII, SS. 195—199). Текст и перевод истории принцев был издан сначала К. Хюаром,[61] затем П. Пелльо.[62]

Легенда об Огуз-кагане. Древнейший список Огуз-наме, принадлежавший первоначально Шеферу, хранится в Национальной библиотеке Парижа, в тюркском отделе, под № 1001.

Вся рукопись состоит из 21 листа (42 страницы), написана уйгурскими буквами, по 9 строк на странице.

Принято считать, что данный список составлен в XIV—XV вв. Написание оригинала относится к более раннему времени.

Text aus dem XII Jahrhundert. Известия АН, VI сер., № 5, СПб., 1907, стр. 377—394.

[61] Cl. Huart. Le conte bouddique des deux frères en langue turque et en caractères ouigours. JA, janv.-févr., Paris, 1914, pp. 5—57.

[62] P. Pelliot. La version ouigoure de l'histoire des princes Kalyāṇakara et Pāpaṃkara. T'oung Pao, vol. XV, Leiden, 1914, pp. 225—272.

Первое издание легенды в переводе на европейский язык появилось в начале прошлого века.[63] В последующее время интерес к исследованию легенды возрос, и появился ряд новых изданий.[64]

Диван Маҳмӯда Кашгарского. Диван Маҳмӯда Кашгарского (XI в.)[65] не имеет себе равного ни по объему материала, ни по уровню филологических знаний автора. Наименование дивана словарем мало соответствует его истинному содержанию: он включает в себя обширные лингвистические данные по тюркской грамматике, своеобразно интерпретируемой (в сравнении с арабской), лексике, фонетике, подробности о размещении племен, географические и другие сведения.

Тексты, записанные Брāхмӣ-шрифтом. 1) Глоссы, располагающиеся под строками 2, 19, 22 фрагмента № 59, изданного В. В. Радловым.[66]

2) Тексты Х. Стённера.[67]

3) Брāхмӣ-глоссы, помещенные между строками в рукописи Ţишаствустика и разобранные А. фон Шталь-Гольштейном.[68]

---

[63] Dietz. Der neuentdeckte oughuzische Cyklop. Berlin, 1815.

[64] См.: В. В. Радлов. 1) Кудатку Билик. Факсимиле уйгурской рукописи, стр. 191—192; 2) Das Kudatku Bilik, т. I. СПб., 1891, стр. 232—244; 3) К вопросу об уйгурах, стр. 21—29; P. Pelliot. Sur la légende d'Uγuz-khan en écriture ouigoure. T'oung Pao, vol. XXVII, Leide, pp. 247—358; Dr. Riza-Nour. Oughouz-namé, Epopée turque. Alexandrie, 1928; W. Bang. Die Legende von Oghuz Qaghan. SPAW, XXV, Berlin, 1932, SS. 683—724.

[65] كتاب ديوان لغات الترك مؤلفى محمود بن الحسين بن محمود الكاشغرى I, II — 1915, III — 1917 (изд. Ахмеда Риф'ата на арабском языке); Т. Д. К. Divanü lügat-it-türk tercümesi, cilt I—IV. Ankara, 1939—1942.

[66] W. Radloff. Uigurische Sprachdenkmäler. L., 1928.

[67] Dr. H. Stönner. Zentralasiatische Sanskrittexte in Brahmischrift aus Idikutšahri, chinesisch Turkistan, I, SBAW, XLIV, Berlin, 1904, SS. 1282—1290.

[68] W. Radloff. Ţišastvustik. Bibliotheca Buddhica, XII, СПб., 1910; там же: Bemerkungen zu den Brāhmiglossen des Ţišastvustik-Manuscripts, von A. von Staël-Holstein.

Рукописный отрывок с Брāхмӣ-глоссами, изданными Х. Стённером, найден экспедицией А. Грюнведеля в 1903 г. в районе Турфанского оазиса. Он состоит из 40 строк, составляющих санскритский текст буддийского содержания. Рядом с санскритскими словами приведены глоссы на тюркском языке, для которых используются особые лигатуры.

Большое число рукописных текстов, составленных Брāхмӣ-шрифтом, хранилось до недавнего времени в Берлине. Значительная часть их издана в последнее время А. Габен.[69]

Қыҫаҫ ал-анбия Рабгузи. Это сочинение относится к XIV в., однако по своему языковому материалу, как отмечает С. Е. Малов, имеет близкое отношение к литературе караханидского периода (XI в.).[70]

Қыҫаҫ ал-анбия дошла до нашего времени в большом количестве списков, составленных в разное время.[71]

К источникам уйгуро-огузского диалекта (или подгруппы диалектов) следует отнести все памятники уйгурской и манихейской письменностей из Турфана, изданные В. В. Радловым, С. Е. Маловым, А. Лекоком, Ф. В. К. Мюллером, В. Бангом и другими тюркологами.[72]

---

[69] A. Gabain. Türkische Turfan-Texte, VIII. Berlin, 1954.

[70] С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности, стр. 323.

[71] Основные издания: قصص الانبياء, изд. Н. И. Ильминского. Казань, 1859; Rabghuzi Narrationes de Prophetis, Cod. Mus. Brit. Add. 7851, reproduced in Facsimile. With an Introduction by K. Grönbech. Copenhagen, 1948.

[72] W. Radloff. 1) Uigurische Sprachdenkmäler. L.; 2) Ṭiśastvustik; Suvarṇaprabhāsa, изд. В. В. Радловым и С. Е. Маловым. Bibliotheca Buddhica, XVII, вып. I—VIII, СПб., 1913—1917; С. Е. Малов. Два уйгурских документа. Сб. статей В. В. Бартольду, Ташкент, 1927, стр. 387—394; A. Le Coq. Türkische Manichaica aus Chotscho. Berlin, 1912 (I), 1919 (II), 1922 (III); F. W. K. Müller. Uigurica. Berlin, 1909 (I), 1911 (II), 1922 (III), 1931 (IV); B. Bang. 1) Türkische Turfan-Texte, I—VII. SPAW, Phil.-hist. Kl., Berlin, 1929—1936; 2) Manichaeische Hymnen. Muséon, t. XXXVIII, Louvain, 1925, pp. 1—55, и т. д.

Глава I

ФОНЕТИКА

ГЛАСНЫЕ

Письменности, которыми пользовались тюрки Восточного Туркестана, располагали далеко не достаточными средствами передачи всех звуков, и особенно гласных. Не только отдельные оттенки, но часто и самостоятельные звуки не могли быть переданы посредством специальных знаков. Отсутствие необходимых графических обозначений побуждало соединять разные знаки или использовать для передачи особых артикуляций ближайшие средства, что в конечном итоге привело к большому разрыву между действительным произношением звуков и их графическим обозначением.

Преимущественное положение, по сравнению с другими алфавитами, занимает Брахми-письмо, при помощи которого составлялись тюркские глоссы к буддийским сутрам из Турфана. Брахми — слоговое письмо со специальными знаками для долгих гласных, а также для *о* (*ō*) и *у* (*ӯ*).

Общий обзор гласных

Краткие гласные

Предварительно следует сказать несколько слов о необходимости разграничения гласных первого слога и гласных не-первых слогов. Гласные первого слога, в отличие от последних, являются более устойчивыми и более определенными. Вместе с тем они совершенно самостоятельны, тогда

как гласные не-первых слогов зависимы. Их зависимость обусловлена существованием такого явления, как гармония гласных.

Сильной позицией для гласных является лишь положение в первом слоге, противопоставление же гласных не-первых слогов в большинстве случаев не имеет смыслоразличительной нагрузки, так что последние фонологически выступают как нечто единое, ср. вост.-турк. *барар*, *барур*, *барїр* 'идет', 'идущий'; *кала*, *калу*, *калї* 'оставаясь'; *алтун*, *алтїн* 'золото'; *көздйн*, *көздўн*, *көздін* 'из глаза' и т. д. Правда, приведенные варианты иногда различаются хронологически или принадлежностью к разным диалектам, и синхронное употребление их в пределах одной языковой единицы ограничено. Однако это обстоятельство связано с чисто узуальными моментами и, пожалуй, ни в какой мере не обусловлено стремлением избежать смешения значений.

Таким образом, полный состав гласных (фонем) представлен в первом слоге, и поэтому ниже речь будет идти главным образом о гласных первого слога.

A — широкий нелабиализованный гласный твердого ряда. Примеры: *баш* 'голова', *ат* 'лошадь', *сал-* 'положить', *кара* 'черный'. Явления, связанные с этим гласным в древних и современных восточнотуркестанских языках, позволяют говорить о возможности факультативной лабиализации его.

Ӓ (~ *ā*) — широкий нелабиализованный гласный мягкого ряда.[1] О некотором сужении этого гласного в восточнотуркестанском языке свидетельствует смешение различных знаков в уйгурских текстах (ᵊ и ᵃ) или противопоставление одного из них полному отсутствию обозначения в памятниках

[1] Об *ӓ* см.: W. Radloff. Zur Geschichte des türkischen Vocalsystems. Известия АН, т. XIV, № 4, СПб., 1901, стр. 425—462; V. Thomsen. Une lettre méconnue des inscriptions de l'Jénissei. JSFOu, XXX, Helsingfors, 1916, pp. 1—9; K. Foy. Türkische Vocalstudien besonders das köktürkische und osmanische betreffend. MSoS, III, Abt. II. Berlin, 1909, S. 188 и сл.; J. Németh. Zur Kenntnis des geschlossenen *e* im Türkischen. KCsA, Ergsbd. I, H. 5, Budapest, 1939, SS. 516—531.

других письменностей, например манихейской (𐫠 или отсутствие знака — внутри слова, 𐫀 — в начале слова).

Чтобы охарактеризовать *ə̄* в качественном отношении, следует отметить, что ни один из его вариантов в первом слоге не совпадал ни с *ā*, ни с *ī*. Кутадгу билиг, турфанские тексты являлись памятниками более выраженного $E(\bar{ə} \rightarrow \bar{a})$-диалекта, тогда как легенда об Огузе и все поздние тексты представляют менее выраженный $E(\bar{ə} \rightarrow \bar{i})$-диалект. В связи с этим в староузбекских документах XIV—XV вв. преобладает обозначение *ə̄* знаком ᵃ, см. ЯОШ: 𐫢𐫤𐫬 *ə̄kin* 'посев', 'поле', 'пашня', 𐫢𐫤𐫬𐫀 *ə̄mdi* 'ныне', 'теперь', 𐫢𐫤𐫬 *bə̄r-* 'давать' (9, 10).

В не-первых слогах указанное выше смешение знаков отсутствует. Можно предположить, что в этих позиционных условиях употреблялся только открытый вариант *ə̄* (→*ā*), ср. *jə̄rāk* 'лучше', *nēčā* 'сколько', *üčār* 'по три', *kēlmāsün* 'пусть не придет', *sēvār ə̄rti* 'он любил'.

O, ö — широкие лабиализованные гласные, первый — твердого, второй — мягкого ряда. Возможность употребления *o, ö* в не-первых слогах сомнительна.[2]

U, ü — узкие лабиализованные гласные.

Единственным доступным средством различения широких и узких лабиализованных гласных являются тексты, записанные Брāхмӣ. Небольшая группа слов, извлеченных из одного такого текста Х. Стённером (SPAW, XLIV, SS. 8, 9), позволяет представить, хотя и недостаточно полно, характер распределения *o, ö-* и *u, ü*-основ в одном из диалектов восточнотуркестанского языка, ср.:

ätkülük,	*tükalliγiγ,*
ätüc,	*kol,*
tüsük,	*körk,*
tarkarkuluk,	*jə̄rtə̄nčödä,*
üsä.	

[2] В „диалекте" Брāхмӣ-письма А. Габен находит *o, ö* во втором и третьем слогах, — например, *олорор* 'сидят', *олорон* 'сидел', *толо* 'полный', *сӯлӯк* 'чистый', см.: A. Gabain. Alttürkische Grammatik, S. 6.

ï, i — узкие нелабиализованные гласные твердого и мягкого рядa. Примеры: *mïl* 'язык', *kïl-* 'делать', *kičiɣ* 'маленький', *it* 'собака', *in-* 'спускаться'.

Долгие гласные

Наличие в восточнотуркестанском языке долгих гласных не вызывает сомнений, так как долгота имеет особое графическое выражение. Эти долгие возникли в результате автономных процессов выпадения согласных и последующего стяжения гласных или сохранили общетюркскую долготу, о происхождении которой пока трудно сказать что-либо определенное.

Долгие гласные первого типа наблюдаются в любой части слова, см. Man., I: *bū* 'этот' (5), *j(a)rudï* 'он осветил', *tuɣdï* 'она родила' (6), *ārtï* 'он был', *bardï* 'он пошел' (7).

Заместительное удлинение гласных, связанное с выпадением других звуков, не приводило к образованию устойчивых вторичных долгот, и долгие, возникшие таким путем, в самом восточнотуркестанском языке обнаруживают признаки сокращения приобретенной длительности.

Долгие, наследующие общетюркскую долготу, выступают только в первом слоге, см. MK, I: اَات *ām* 'имя' (78), اَاچ *āč* 'голодный', اَاپ *āp* 'каштановый' (79), اَاز *āz* 'мало', اَاز *āz* 'горностай', اَاش *āš* 'пища', اَاغ *aɣ* 'промежность', 'пах' (80), اَاق *āv* 'охота', اَاق *āk* 'белый', اَال *āl* 'алый', اَال *āl* 'хитрость', 'уловка' (81), اَاج *āj* 'луна', 'месяц' (82); Suv.: اَاوك *ōk* 'стрела' (102, 477); TT, VII: اَاوز *jūz* 'лицо' (44); Uig., I: اَاوت *ōt* 'огонь' (9); Uig., II: اَاىل *jīl* 'ветер' (39; ср. Rach. H, I, 13; Suv., 588, 617, 694).

Примечательный случай проявления пратюркской долготы может быть отмечен в уйгурском варианте легенды об Огузе, в котором слово *kap* 'снег' передано как *kaɣap* (см. ЛоОК, 27).

Все же о строгом и регулярном разделении гласных на краткие и долгие в восточнотуркестанском языке говорить нельзя. Многие слова, в которых следовало бы ожидать

долгие гласные, графически всегда выступают с краткими. По-видимому, уже в этот период (X—XIII вв.) для некоторых говоров противопоставление долгих и кратких гласных в значительной мере утрачивает характер дифференциального признака и сохраняет лишь традиционное выражение.

Дифтонги в восточнотуркестанском языке отсутствовали.

Итак, в восточнотуркестанском языке можно установить наличие восьми кратких — *a*, *ə*, *o*, *ö*, *y*, *ÿ*, *ï*, *i*[3] — и восьми долгих гласных — *ā*, *ə̄*, *ō*, *ȫ*, *ȳ*, *ÿ̄*, *ī*, *ī*, — располагающихся (схематически) следующим образом:

Для обозначения гласных все известные разновидности тюркской письменности в Восточном Туркестане, исключая Брāхмӣ и тибетское письмо, располагают одинаковыми возможностями.[4] Уйгурский, манихейский и арабский алфавиты имеют три основных знака, которые передают четыре гласных: *a*, *o*, *y*, *ï* (гласным *o* и *y* соответствует один знак), не считая вариантов переднеязычного произношения: *ə*, *ö*, *ÿ*, *i*. Кроме того, иногда употребляется особое сочетание знаков для обозначения *ö* и *ÿ*, встречающееся чаще в манихейской письменности и реже в уйгурской, по обыкновению в пер-

[3] Этот тип вокализма очень близок к тому, который принято считать древним (общетюркским) и который В. В. Радлов первоначально открыл в телеутском диалекте (*a*, *o*, *y*, *ï*, *ā*, *ō*, *ȳ*, *ī*), см.: W. W. Radloff. Phonetik, S. 5. Правда, позднее, главным образом под влиянием турецких материалов, В. В. Радлов увеличил число гласных в общетюркском языке до девяти (*a*, *ā*, *ə*, *ï*, *ī*, *o*, *ō*, *y*, *ȳ*), см.: W. W. Radloff. Alttürkische Studien, V, стр. 427.

[4] О фонетике языка уйгурских текстов в связи с графикой см.: В. В. Радлов. Послесловие к изданию Кутадгу билига (Das Kudatku Bilik... Th. II, стр. 549—560); A. Le Coq. Kurze Einführung..., SS. 93—109.

вом слоге, ср. маних. 𐫢, 𐫢𐫤; уйг. 𐽆. Как правило же, гласные твердого (*a*, *o*, *y*, *ï*) и гласные мягкого (*ə*, *ö*, *ÿ*, *i*) ряда на письме не различаются. Надо сказать, что в этом и нет особой необходимости, так как во многих случаях различие тех и других зафиксировано графическим противопоставлением увулярных согласных и их заднеязычных вариантов: *k*, *ƣ* и *к*, *г*.

Знак ▲ в уйгурской письменности и знак 𐫤 в манихейской письменности, обозначающие гласный *a*(*ə*), употребляются также в качестве „алифа", причем в одном из уйгурских текстов (см. Man., I,T.II.D.173) последний выступает в необычной позиции — внутри слова.[3]

В целом перечисленные выше гласные обозначаются следующими знаками:

Краткие

	a, *ə*	*o*, *ö*, *y*, *ÿ*	*ï*, *i*
Уйг. п.	▲ ▲ // 𐽆	𐽅 (𐽆)	𐽃
Маних. п.	𐫤 𐫤 // –	𐫢 (𐫢 , 𐫢𐫤)	𐫠
Араб. п.	ا ا	و و	ى

Долгие

	ā, *ə̄*	*ō*, *ȫ*, *ȳ*, *ÿ̄*	*ī*, *ī*
Уйг. п.	𐽆 𐽆 // 𐽆	𐽅 𐽆 𐽆	𐽃
Маних. п.	𐫤𐫤	𐫢𐫢	𐫠𐫠
Араб. п.	ا ا	و	ا

[3] Эту особенность подробно разбирает В. В. Радлов. См.: W. W. Radloff. Alttürkische Studien, III, 2 (Manichäisch-uigurisches Fragment aus Turfan). Известия АН, VI сер., № 13, СПб., 1910, стр. 1032—1033.

Гармония гласных

Явление гармонии гласных, свойственное в той или иной мере всем тюркским языкам, заключается в том, что каждое слово выступает только с передними или только с задними гласными, с губными или негубными, широкими или узкими,[6] а вокализм присоединяемых аффиксов всецело зависит от вокализма основы, т. е., как пишет В. А. Богородицкий, „гласные корня видоизменяют определенным образом вид вокализма суффиксов и флексийных окончаний".[7] Зависимость гласных в аффиксах от вокализма основы проявляется в наличии нескольких или, по меньшей мере, двух вариантов каждого формального элемента, которые фонологически тождественны.

В восточнотуркестанском языке ведущей является палатально-велярная гармония, губная же занимает незначительное место. Что касается третьего типа, то он отсутствует вообще.

Приведем примеры гармонии гласных, отраженной в памятниках восточнотуркестанского языка.

а) Палатально-велярный тип. КВ, II: *kajʒeʔ* 'какой (из них)' (34), *абучкалʔк* 'возраст', 'старость' (38), *кулʒак* 'ухо' (45); КР: *ол ӧдӱн* 'тогда' (17), *ӧгӱэ* 'река' (29); МК, I: *арут* 'сено', *адут* (= *авуч*) 'горсть' (50); АІТ: *ӧгӱэ* 'высокий' (10), *боӈуэ* 'горло' (16).

б) Губной тип. КВ, II: *учу* 'его конец' (13), *калду* 'он просил' (15), *кӱнӱн хӓм тӱнӱн* 'день и ночь', *көзӱ* 'его глаз' (19), *јолум* 'мой путь' (48); КР: *бӓӱм* 'я сам' (31), *орунлук* 'место' (32); ЛоОК: *јулдуэ* 'звезда' (8), *кумуэ* 'кумыс' (9), *кутуӈ* 'твое счастье', *сӧзӱн* 'его слово', *болмуш* 'стал'

[6] Ср. у И. Грунцеля — 1) Zungenattraction (палатальное притяжение), 2) Lippenattraction (губное притяжение) и 3) Gradattraction (гармония по степени открытости рта), см.: J. Grunzel. Entwurf einer vergleichenden Grammatik der altaischen Sprachen. Leipzig, 1895, S. 12.

[7] В. А. Богородицкий. Законы сингармонизма в тюркских языках. Казань, 1927, стр. 3. См. также: J. Krámsky. Über den Ursprung und die Funktion der Vokalharmonie in den ural-altaischen Sprachen. ZDMG, Bd. 106, H. 1, Wiesbaden, 1956, SS. 117—134.

(22), *болуң* 'будьте' (40); МК, I: *өчүт* 'гнев', *уʁут* 'род теста' (50), *увут* 'стыд', *өгүт* 'совет' (51).

Разновидностью губного типа гармонии являлось соотношение гласных *а*——*у* (*ə*——*ү*), в котором гласный *а*, как мы предполагаем, факультативно мог быть лабиализованным. Примеры. КВ, II: *јаруттуң* 'ты осветил' (14), *камуʁ* 'все' (15), *јавуз* 'плохой' (37), *кају* 'какой' (46), *јалʁузїн* 'в одиночку' (71), *ачсун* 'пусть откроет' (81); КР: *алху* 'все' (16), *талуј* 'океан' (21), *нәчүк* 'как' (29); ЛоОК: *алтунлуʁ* 'золотой' (4), *тәмүр* 'железо' (6), *јаруʁ* 'луч' (7), *каʁанум* 'мой каган' (21), *башумнї* 'мою голову' (22), *атуң* 'пускайте стрелы' (39); МК, I: *аʁуж* 'первое молоко' (55), *ачук* 'открытый' (64), *арук* 'худой' (66), *ашук* 'шлем' (67); XX: *ајурмән* 'скажу' (1), *тануʁлук* 'свидетельство', *бәрүр* 'дает' (3); Man., I: *балту* 'топор' (20, см. также Suv., 496, 544).

В X—XIII вв. гармония гласных в восточнотуркестанском языке уже не образует единой строгой системы. Отступления от перечисленных выше правил предопределяют решительный сдвиг в сторону устранения этого „непреложного" закона тюркской фонетики. Однако нарушения в системе гармонии гласных касаются почти исключительно ее второй разновидности — губной гармонии — и не образуют общей линии развития восточнотуркестанского языка.

Сохранение первоначального соотношения губных гласных наблюдается в основном в формах с закрытым слогом.

Губную гармонию сохраняют (с немногими исключениями):

1) глагольные формы 1-го и 2-го лица прошедшего времени, см. КВ, II: *болдуң* 'ты стал' (176); КР: *бптум* ‚я сошел, спустился' (29), *болтуңуз* 'вы стали' (39); ЛоОК: *болдум* 'я стал' (11), *көрдүм* 'я видел', *јүрүлүм* 'я шел' (42); Man., III: *болтумуз* 'мы стали' (28); формы повелительного наклонения 3-го лица, см. КВ, II: *болсунї* 'пусть будет' (468); КР: *өлсүн* 'пусть умрет' (31); Man., III: *болсун* 'пусть будет' (27); настоящее-будущего времени, см. КВ, II: *болур* 'будет' (16), *булур* 'найдет' (58); КР: *өлүрбіз* 'мы умрем' (18);

2) отглагольные имена, — например, КВ, II: *умунч* 'желание' (182); ЛоОК: *урушунч* 'сражение' (19);

3) деепричастие на *-п*, см. КВ, II: *олтурун* 'сидев' (59, 147), *болуп* 'став' (177); КР: *ɣдɣэуп* 'проводя' (36);

4) порядковые числительные, см. КР: *ӱчӱнч* 'третий', *төртӱнч* 'четвертый' (16);

5) аффиксы исходного, притяжательного и древнего винительного падежей, — например, КВ, II: *јолуҕ* 'дорогу' (103); ЛоОК: *шуңкаркуң* 'кречета' (5), *ӱjкудун* 'от сна' (36); Man., III: *јонтуҕ* 'коня' (14), *ӧlӱгӱг* 'мертвого' (15);

6) так называемые привативные формы, см. КВ, II: *увутсуз* 'бесстыдный' (79);

7) формы принадлежности, см. КВ, II: *ӧктӱгӱм* 'я похвалил', *јаздуҕум* 'я поругал' (27), *сӧзӱң* 'твое слово' (79); КР: *тусуң* 'твои товарищи' (29); ЛоОК: *көзӱ* 'ее глаза' (1), *окум* 'моя стрела' (6);

8) относительные прилагательные и абстрактные имена существительные, см. КВ, II: *білгӱлӱг* 'известно', *ачуклуҕ* 'ясно' (79); КР: *босушлуҕ* 'печальный' (10), *тамулуҕ* 'адский' (13) *кутлуҕ* 'счастливый' (18);

9) формы повелительного наклонения 2-го лица, см. КР: *болуңлар* 'будьте' (18);

10) залоговые формы, — например, КВ, II: *көрӱшмäс* 'не встретятся' (189); КР: *ӧlӱрӱр* 'умерщвляет' (8), *ɣантурҕалї* 'чтобы удовлетворить' (14), *кучуштї* 'он обнимался' (29), *јатҕурун* 'заставив лечь' (34).

Частые случаи нарушения губной гармонии могут быть отмечены для некоторых падежных аффиксов и в особенности для форм с открытым типом слога. Примеры. КВ, II: *уҕуш көргі* 'красота разумения' (31); КР: *кӧңlін* 'его сердце' (вин. пад.; 13), *көсушік* 'его желание' (вин. пад.; 14), *ɣорɣӱнчӱҕ* 'опасность' (вин. пад.; 17), *ӧтӱнтіläр* 'они обратились с просьбой' (19), *ɣутїн* 'его счастье' (вин. пад.; 38); ЛоОК *көрді* 'он увидел' (4), *тӱшті* 'он упал', 'он опустился' (10), *турді* 'он стоял' (18).

В еще бóльшей мере нарушение первоначального распределения гласных распространяется на те случаи, когда в паре с губным гласным второго слога в первом слоге выступает широкий нелабиализованный гласный. Тип *а* — *у*

(ср. *алтун*) в подобных случаях заменяется типом *а* — *ы* (*алтын*), и оба они в течение продолжительного времени сосуществуют. При этом новый тип в конце концов становится преобладающим (ср. МК, III, 140 — „тюркам" свойственно произношение с кесрой: بَرْدِم *бардим* 'я пошел', كِلْدِم *кылдым* 'я пришел'). Примеры. ЛоОК: *басып* 'разбив', 'подавив' (13), *аның* 'его' (31, ср. *басуп*, 3 и *ануң*, 23), *кәлип* 'прийдя' (40): XX: *ajajын* 'скажу-ка я' (2), *jараттың* 'ты создал' (5), *ӱшіт* 'слушай' (11), *татыр* 'наслаждается (вкушает)', *фазлың* 'твоя милость' (19), *шахым* 'мой шах' (33), *чыкартым* 'я навлек', 'я создал' (34); Man., III: *барыр* 'пойдет', *калыр* 'останется' (44).

Сохранение старого типа в памятниках восточнотуркестанского языка объясняется устойчивостью литературно-книжных традиций.

Причины разрушения губной гармонии гласных не вполне ясны. Возможно, что в этом процессе решающую роль сыграли внутренние факторы и, в частности, своеобразие развития *а*, выразившееся в утрате им губного оттенка. Непосредственным следствием утраты губного качества явилось возникновение нового типа соотношения гласных: *а*—*ы* и затем по аналогии *ӓ*—*і*, — что, по-видимому, и послужило основным фактором всеобщего преобразования вокализма не-первых слогов, соответствовавшего нормам губной гармонии. Схематически указанный процесс мог выглядеть так:

$$[\ddot{a}—y] \rightarrow [a—ы]$$
$$\swarrow$$
$$[ӓ—ӱ] \rightarrow [ӓ—і]$$
$$\swarrow$$
$$[o/|y\,(\ddot{o}/|\ddot{y})—y\,(\ddot{y})] \rightarrow [o/|y\ (\ddot{o}/|\ddot{y})—ы/|і]$$

Особого внимания заслуживает состояние гармонии гласных в сложных словах, см. Man., III: *кӱнбатсык* 'запад', *кӱнтуғсук* 'восток' (9), *кыркын* 'девы-невольницы' (*кыз-кӱн?*) (16): ЛоОК: *бӓлбағы* 'его пояс' (4), *ӱчоклар* 'трехстрельники' (41); ср. также личные глагольные формы (*барамӓн* 'я иду',

барасäн 'ты идешь' и т. д.). Однако по материалам древних текстов трудно определить, имеет ли место в каждом конкретном случае нарушение гармонии гласных или же сохраняется раздельное употребление компонентов сложного слова.

В таких словах, как *бүгүн* (из *бу күн* 'этот день'>'сегодня'), *јібар-* (из *јіп бэр-* 'посылать'), происходит полное слияние.

Распределение гласных в основе и аффиксах

Рассмотрим простейший структурный тип слова, когда и основа, и аффикс являются односложными. Данный тип допускает четыре разных случая соотношения гласных, не считая тех, которые соответствуют нормам палатально-велярной и губной гармонии:

1) *о (ä)—а (а)* 2) *і (і)—ы (ы)*
3) *і (і)—и (ı)* 4) *о, ө (ö, ü)—а (ä)*

Третий и четвертый типы в равной мере свойственны всем языковым группам и встречаются как в основе, так и в грамматических формах слова.

Первый случай (*а—а*), исключая ряд форм, в которых возможен только данный тип соотношения, например *анда, канда, арслан, адакка, барча, канча, јалап* и т. д., прослеживается чаще всего в языке енисейских надписей и манихейских текстов,[8] см. ЕП(М): *барап* 'пришедши' (69); Man., I:

[8] Очень широко первый тип представлен в одном манихейско-уйгурском фрагменте из Турфана (T. II. D. 173), см.: A. Le Coq, SPAW, XLVIII, Berlin, 1919. В указанном фрагменте большое количество примеров замены узких гласных в аффиксах широкими *а, ы*, ср. *јотаӷма, тартап, савач, барап, балык, каӈгмал, татаӄлаӷрак* вм. *јатіӷма, тартіп, савік (савіч), балік, каӈімін* и *тат(і)кл(і)крак (татіӄлікрак)*. В. В. Радлов пытается объяснить эту особенность в данном тексте как результат чисто орфографических реконструкций и выводит *а (ı)* из внутреннего „алифа" (ا), остающегося после выпадения знака, обозначавшего соединительный *і (і)*, см.: W. W. Radloff. Alttürkische Studien. III, стр. 1033—1034.

кӟlтӓ(мӓз) 'мы пришли', *барда(маз)* 'мы пошли' (10); Man., III: *савдан отру* 'после речи' (20), *анаң* 'его' (22).

По свидетельству Махмуда Кашгарского, огласовка аффиксов (и не-первых слогов основы) посредством фатхи являлась особенностью языка огузов, см. IbM: *балта* 'топор' (16); MK, I: *балду* (14); Suv.: *балту* (496, 544, см. также Man., I, 20). В восточнотуркестанском языке указанная особенность была свойственна диалектам уйгуро-огузской подгруппы.

В какой-то связи с уйгуро-огузской подгруппой находится и второй случай, — см. Man., III: *кірӱр* 'входит' (12), — относимый автором дивана к особенностям языка аргу: „...у всех тюрок — *bilip*, у аргу — *bilӱр*" (MK, II, 22).

Частные фонетические явления в области гласных

а) Переход *а* > *о*, *у*; *ӟ* > *ӧ*, *ӱ* в первых слогах основы. Примеры. MK, I: *ӟсрӱк* 'пьяный' (63); KB, II: *ӧсрӱк* (509); MK, I: *ӟв* 'дом' (37) и *ӱв* (81); MK, I: *аӈуж* 'первое густое молоко самки после родов' (55); Houtsma: *аӈуз оӈлан* 'грудной ребенок' (50); ЛоОК: *оӈуз* 'первое молоко' (1).

Переход *а* в *у* или *о* в приведенных примерах следует рассматривать как явление ассимиляции гласного гласным или гласного согласным при самом разнообразном позиционном соотношении их. По своей направленности оно прямо противоположно тому явлению, которое имеет место в словах типа *алтун*, *ҳатун*, ср. **ӓлтун* > *алтӥн*, **ҳӓтун* > *ҳатӥн* (однако в современном узбекском языке: *ӓлтӥн*, *ҳӓтӥн*).

Позиционный и в данном случае регрессивный характер перехода *а* в *о* в древних памятниках свидетельствует о некоторой доле местного вклада в процесс образования современного узбекского „оканья".

б) Изменение *а* в *ı*. Примеры. MK, I: *ажмук* 'парша', 'белые квасцы' (99), *ӥжмакландӥ* 'запаршивел', 'увеличилась парша' (313).

в) Выпадение гласных. 1) Внутри слова — ЛоОК: *јашӈу* < *јашаӈу* 'жизнь', 'здоровое состояние' (36); KB, II: *олтруп* <

олтурүп 'сидев' (59, 71, 147; ср. КВ, II: олтурмадым 'я не сидел', 62); 2) при изменении морфологического типа — МК, I: *ӱжмә* 'тутовое дерево' (130), *ӱжӱмланді* 'тут дал плоды' (297).

СОГЛАСНЫЕ

Трудности при определении качества согласных звуков лишь в отдельных случаях так же значительны и в такой же мере мало разрешимы, как трудности при разграничении гласных *о* и *ӱ*. К числу таких случаев можно отнести, например, отсутствие в уйгурском алфавите графического разделения некоторых звонких и глухих согласных. Аналогичные недостатки присущи и арабскому алфавиту.[9]

Общий обзор согласных

Простые согласные и аффрикаты

Согласные восточнотуркестанского языка противопоставляются по месту и способу образования. По месту образования можно выделить следующие группы: губные, переднеязычные, среднеязычные, заднеязычные и увулярные. По способу образования все согласные распадаются на три группы: глухие, звонкие и сонорные.

Описание согласных производится с учетом и того, и другого признака. Вначале описываются глухие губные, затем глухие переднеязычные и т. д., за глухими следуют в том же порядке звонкие и сонорные.

П — губной смычный, глухой. В манихейской письменности, разграничивающей глухие и звонкие согласные, *п* выступает одинаково с *б* в любом положении. В текстах Брāхмӣ в начале слова из двух согласных (*б* и *п*) единственно возможным является *п*.

[9] Ср. у П. М. Мелиоранского: „Как бы то ни было, но теперь стало уже общим местом, что арабский алфавит весьма мало пригоден для изображения звуков турецкого (т. е. тюркского. — *А. Ш.*) языка, и это обстоятельство всегда было и будет большой помехой для лингвистического исследования дошедших до нас памятников турецкого языка, особенно со стороны фонетики и этимологии" (АФТ, III).

Т — переднеязычный смычный, глухой. Встречается в любой позиции, ср. КР: *тӭгінкӓ* 'принцу' (15); МК, I: *тӭгім* 'принцы' (355); Man., I: *бізінтӓ* 'к нам' (33); МН: *төрт* 'четыре' (2); Tiš.: *анда отру* 'после того' (12).

С — переднеязычный щелевой, глухой. Употребляется главным образом в начале и середине слова, см. КВ, II: *сӧзӱг* 'слово' (13), *сӭвінч* 'радость' (22); КР: *сӭвӓрмӱсіз* 'любите ли вы' (11), *суғ* 'вода' (16), *асан* 'здоровый' (18), *ліңҳуа саjу* 'каждый лотос' (24), *тусуң* 'твои товарищи' (29), *сїғтадї* 'он рыдал' (31), *їсїғ* 'горячий', *асїң* 'повесьте' (39); AlT: *ачсїк* 'голодный' (4), *сарїғ* 'желтый' (39), *соӱїғ* 'холодный' (41).

В конце слова *с* почти не встречается, если не считать случаи оглушенного произношения конечного *з*, который в этой позиции, как отмечает автор тюркской грамматики на арабском языке (Telegdi, 285), должен быть назван „аз-заj ал-машӱбах бі 'ç-çӓд", т. е. „*з*, смешанным с эмфатическим *ç*".

Ш — переднеязычный длинношелевой, глухой. Возможен и в начале, и в середине, и в конце слова. В положении между гласными или перед гласными сохраняет глухость. Примеры. КВ, II: *jашїл* 'голубой', 'зеленый' (14), *ӟнӓміш* 'измученный' (25); КР: *ташқару* 'наружу' (8); ЛоОК: *шӱж* 'спокойный', 'молчаливый' (16); МК, I: *ош* 'вот' (36), *акӌшдї* 'они стекались' (241).

Ч — среднеязычная аффриката, глухая. Употребляется в любом положении. В восточнотуркестанском языке, в отличие от других тюркских языков, — см. Houtsma: *шӓрї* 'войско' (79, < *чӓрі*), — *ч* обладает бо́льшей устойчивостью, и поэтому примеры утраты в нем взрывного элемента или приобретения звонкости (*ч* > *j*) единичны, ср. Раб.: *абушка* 'старик' (96, 227); КР: *авїчуа* (20); КВ, II: *абучка* (150); USp: *абучка* (32).

К — увулярный смычный, глухой, с соответствующим заднеязычным вариантом (*к*). Встречается в любой позиции, см. КВ, II: *бака турдї* 'он смотрел' (72); ЛоОК: *көргӱрӱрмӓн* 'покажу' (25); XX: *jӱрак* 'далеко' (106); Man., III: *нӟчӱк* 'как' (28).

Факультативно *k* мог реализоваться в щелевом (*x*) увулярном.

П. Пелльйо и А. Лекок видят обозначение *x* в букве ك памятников уйгурской письменности, употребляемой с одной точкой вверху или без точек,[10] см. KP: *халтї* 'подобно...', *хајуу* 'какой', *Бурхан* 'Будда', *хутарҳајмән* 'спасу', *алҳу* 'все', *Ііінхуа* 'лотос', *хач* 'сколько', *хамаҳ* 'все', *харї* 'старый', *холтбучїлар* 'просители', *антаҳ* 'такой' (18—29); Man., I: *Хормуста* 'Ормузд' (19). В текстах восточнотуркестанского языка, написанных арабскими буквами, *x* — чрезвычайно редкое явление. Возможно, это объясняется тем, что спирантизация *k* происходила только в уйгуро-огузском диалекте.

Маҳмуд Кашгарский отмечает наличие *x* в языке огузов и языке кыпчаков, ср. MK, III: خَيُو *хајуу* 'какой', 'который', خِيزم *хїзїм* 'моя дочь', خَنْدا *ханда* 'где' (218); ср. также MK, I: اَخْتَرْدى *ахтардї* 'он переносил' (219).

Об изменении *k* в *x* в языках южной группы свидетельствуют и другие источники, относящиеся к более позднему времени, см. CD: *јохса* 'если не', 'в противном случае' (158); Ferah-name: *корхуу* 'страх', *ујхуу* 'сон' (148); 'Ašyqpaša: *дахї* 'также', *дутмах* 'держать' (9).

X — фарингальный щелевой, глухой.

Данные, указывающие на существование *x* в восточнотуркестанском языке, которыми располагаем мы, недостаточны. Они складываются из сообщения Маҳмуда Кашгарского о начальном ه в языке Хотана и Кенчека (MK, I, 32, хотя в другом месте он делает прямо противоположное заключение, см. MK, I, 161: „... в тюркских языках нет ه") и своеобразного толкования А. Лекоком особого знака

в памятниках манихейской письменности, см. Man., I: *корkутї-х* 'он испугался' (6), *ікі-х* 'два' (31).

[10] По мнению В. В. Радлова, этот орфографический прием был перенесен из манихейского письма, в котором ставили над знаком, обозначающим *k*, две точки, а *x* писали с одной точкой. См.: W. W. Radloff. Altürkische Studien, V, стр. 437.

К числу звонких согласных относятся *б, в, д, з, ж, j, ɣ* (*г*).

Б — губной смычный, звонкий. Выяснение особенностей употребления *б* в слове в зависимости от позиционных условий затруднено совпадением графического обозначения глухого и звонкого губного.

В — губнозубной (губногубной?) щелевой, звонкий.

В не имеет специального обозначения в орхонских и енисейских надписях и довольно неопределенно передается в текстах уйгурской письменности (, , ср. манихейские , в текстах из Турфана и в других памятниках).

Появление *в* в восточнотуркестанском языке явилось следствием утраты билабиальности интервокального *б*, а также изменения звука *ɣ* в середине и конце слова.[11] Примеры.

а) ЛоОК: *сэвінч* 'радость' (1, ср. др.-тюрк. *сэбінч*); КР: *авїчɣа* 'старик' (20, ср. др.-тюрк. *абїчɣа*); AIT: *сав* 'слово', 'речь' (40, ср. др.-тюрк. *саб*), *тавɣач* 'китайский' (44, ср. др.-тюрк. *табɣач*);

б) AIT: *сув* 'вода' (41, ср. ЛоОК: *сувї* 'его вода', 19).

Вслед за изменением *б* в *в* в указанных положениях в ряде случаев происходила его дальнейшая трансформация, — например, AIT: *кїјїpkak* 'скупой' (37, < *кївїpkak*), — и очень редко полное исчезновение в конце слова.

В отличие от диалектов восточнотуркестанского языка, диалекты южной группы дают примеры образования *в* из *б* и в начале основы или морфологических элементов, см. CD: *варїдї* 'он был' (14), *вэрмäсүн* 'пусть не дает' (155), *бїлмäзвäн* 'я не знаю', *äjлäмäзвäн* 'я не делаю' (158), *бїläвäн* 'знал бы я' (168).

Учитывая наличие у Махмўда Кашгарского двух обозначений — *в*—و [например, МК, I: أَوُت *авут* 'горсть', أَوُنْت *увут* 'стыд' (83)] и *в*—ب [например, МК, I: اِبْ *ив* 'дом' (37), اِبِيك *ївік*

11 Ср. у В. В. Радлова: „Спиранты *f*, *v*, *w* выступают, за исключением немногих слов южных диалектов, только в иноязычных словах..." (Phonetik, § 203).

'животное, живущее в каменистых местах' (67), آوْ *ав* 'охота' (81), اُوَا *ува* 'одно из кушаний' (90)], — можно предположить, что в диалектах восточнотуркестанского языка существовали какие-то особые фонетические оттенки данного звука.

Д — переднеязычный смычный, звонкий. Употребление *д* в начале слова в памятниках восточнотуркестанского языка ограничено небольшим количеством примеров, главным образом заимствованиями и звукоподражательными словами. Ср., например, МК, III: *дақ дуқ* 'динь-динь' (357). Напротив, в текстах южного происхождения употребление начального *д* имеет характер постоянной закономерности, ср. AQJB: *дүрlӱ* 'разные' (12), *дilін* 'языком' (21), *дәjүр* 'говорит' (29), *дутар* 'держит' (30); CD: *дӱнә-* 'почевать' (122), *дурмӣш* 'стал', *дәдӱң* 'ты сказал' (155), *дӱшмісәді* 'если бы упала' (159); 'Āšyqpāšā: *дәб* 'сказав', *дакї* 'также', *дөрдінjі* 'четвертый' (9); Ferah-nāme: *дутун* 'дым', *дәгӱl* — отрицание (148).

В конечной позиции собственно тюркских слов *д* также нетипичен: он наблюдается только в слове *анд* 'клятва' (МК, I, 42). В заимствованных словах персидского и арабского происхождения конечный *д* выступает довольно часто, являясь тем не менее лишь фактом письменной традиции, ср. КВ, II: كند *кәнд* 'населенный пункт' (259); XX: مجد *мәjд* 'хвала', 'слава' (31), ياد *jад* 'воспоминание' (35), پند *пәнд* 'совет', 'наставление' (61), بونياد *бун'jад* 'основание' (169), مسجد *мәсjід* 'мечеть' (198), زاهد *захід* 'аскет' (199).

Примеры употребления *д* внутри слова — КВ, II: *көрмәдӱк* 'незамеченный', *кәlәдӱгӱм* 'мой приход' (62), *әнді* 'теперь' (247), *сөзlәдім* 'я говорил' (257), *булунда* 'у народа' (259); КР: *ада* 'опасность' (15); МК, I: *кәндӱ* 'сам' (419); МК, II: *бардачї* 'идущий', *тарłачї* 'сеющий' (32, 51).

Особый случай употребления *д* имеет место в текстах уйгурской письменности, в которой графическое обозначение *д* используется для передачи δ.

Э — переднеязычный щелевой, звонкий, наиболее характерный в конце слова, — например, КР: *өгүэ* 'река' (21), *әдіэ* 'высокий' (32); КВ, II: *јавуэ* 'злой' (6), *өз өзіңә* 'сам на себя', *тулаэ(?)* 'вдовец' (19); USp: *кӱэ* 'осень' (34), *көгүэ* 'грудь' (42);

AIT: *аʁїз* 'рот' (5), *їӱз* 'высокий' (10), *боʁуз* 'горло' (16), *мӱӱз* 'рога' (28), *отуз* 'тридцать' (30), однако ср. МК, I: *аз*, *ас* 'горностай' (80).

В абсолютном начальном положении употребление *з* сомнительно. В собственно тюркских словах в этой позиции он вовсе не встречается, что же касается заимствований из арабского и персидского языков, то в них перед *з*, по-видимому, появлялись гласные, не получившие специального обозначения в силу большой устойчивости традиционных арабо-персидских написаний.

Ж — переднеязычный щелевой, звонкий. Необычная позиция для *ж* — начало слова. Примеры употребления *ж* отмечены только в диване Маҳмуда Кашгарского, см. МК, I: *аʁуж* 'молоко самки после родов' (55), *аржу* 'шакал' (127), *ӱжмä* 'тутовое дерево' (130), *кӱвіж* 'дерево со сгнившей сердцевиной' (366), *тӓжік* 'таджик', 'персиянин' (387). Вряд ли какое-либо из этих слов является собственно тюркским.

ǰ — среднеязычная аффриката, звонкая.

О существовании *ǰ* в восточнотуркестанском языке можно говорить только предположительно (см. выше, стр. 24).

Б — увулярный смычный, звонкий, с соответствующим заднеязычным вариантом (*г*). *Б* мог реализоваться также в виде щелевого. В начальной позиции *б* (*г*) не встречается.

Постоянное употребление *б* (*г*) в конце слова и перед гласными является одной из наиболее характерных особенностей, объединяющих все диалекты восточнотуркестанского языка. Примеры. КР: *босушлуб кад(бу)л(у)б* 'печальный и огорченный' (10), *бозабу* 'теленок' (38); КВ, II: *убушлуб* 'образованный' (4), *кічіг* 'маленький' (33), *камуб* 'все' (101); ЛоОК: *адуб* 'медведь' (4), *таб* 'гора' (10), *собуб* 'холод' (26), *тірігі* 'живой' (32), *їсіб* 'горячий', 'жаркий' (33); МК, I: *аʁїз* 'рот' (55), *каʁун* 'дыня' (88); AIT: *анїб* 'злой' (7), *боʁуз* 'горло' (16), *капїб* 'дверь' (35), *сарїб* 'желтый' (39), *тапїб* 'подчинение', 'служба', *тарїб* 'посев' (43); USp: *таʁїку* 'курица' (2), *улуб* 'великий' (17), *аʁїз* 'рот' (102). Напротив, в языках огузов и кыпчаков уже довольно рано обнаружи-

вается переход *ƴ* (*г*) в *я* внутри слова (иногда в конце) и почти полное исчезновение *ƴ* (*г*) в конечной позиции, ср. AQJB: *чāріг* и *чāрі* 'войско', *āллiг* и *āлli* 'пятьдесят' (12); АФТ: *ачī* 'горький' (065), *āлli* 'пятьдесят' (072), *дару* 'просо' (090), *капу* 'дверь' (0103); Telegdi: *кабу* 'дверь' (316), *тавук* 'курица' (324), *улу* 'большой' (326); Houtsma: *мāчі* 'кошка' (9), *сару* 'желтый' (46), *ölü* 'мертвый' (54), *дāрі* 'живой' (67), *тāму* 'ад' (83), *кавун* 'дыня' (86), *катī* 'твердый' (83), *куру* 'сухой' (90), *јавуз* 'злой' (110).

Сонорные в восточнотуркестанском языке — *м*, *н*, *р*, *л*, *j*, *ң*.

М — губной носовой. В начале слова употребляется в немногих словах, см. КР: *мунчулаjу* 'так' (11), *мунча* 'так', 'столь' (17), *мунуң* 'этого' (32); АП: *мунāтāг* 'таким образом', *мунтаƴ* 'так', 'этак' (28) и т. д. Часть из них — заимствования из других языков. В других словах имело место ассимилятивное изменение губного *б* (< **п*) в *м*[12] под влиянием так называемого вставочного *н* или по аналогии с производными формами (в более поздних текстах), — например, в Мирāдж-нāме: بو *бу* 'этот', مو *му*.[13] *М* — довольно редкий звук и в других позиционных условиях.

Н — передненязычный носовой. Слов с *н* в начальной позиции — не больше десяти: *нəк* 'крокодил' (МК, I, 346), *нə* 'что', *нəң* 'вещь' и некоторые другие, восходящие к *нə*, например *нəмā* < *нə-jəмā* 'что же', *нəчā* < (?) *нə-чāнā*, *нəрсā* < *нə əрсā* 'что' и т. д. Слово *кəк* — не-тюркское.

---

[12] На основе сопоставления данных, относящихся к разным языковым группам, можно сделать вывод, что переход *б* в *м* прежде всего и наиболее последовательно происходил в диалектах восточнотуркестанского языка, позднее в западных и лишь затем в южных, см. МК, I: у „огузов" — بن *бəн* или *бāн* 'я', у „тюрок" — من *мəн* (339); ср. AQJB: *булар* 'эти', *бəн* 'я', *бiң* 'тысяча' (9); IbM: *бiн* 'тысяча', *бəн* 'я' (18, 20). Случаи сохранения *б* в текстах карлукско-уйгурского происхождения — см. ЛоОК: *бунда* 'здесь' (3), *бəнгā* 'мне' (21) — объясняются в первую очередь влиянием языков огузского и кыпчакского типа.

[13] Mirādj-nameh. Ed. par A. Pavet de Courteille. Paris, 1882, pp. 3, 4.

Появление *нэң* в тюркских языках до сих пор не получило удовлетворительного объяснения. Относительно же местоимения *нэ* существует точка зрения, устанавливающая наличие перед *н* этимологического гласного (см.: KSz, XVII, SS. 138, 139, 140; KSz, XVIII, S. 20). В конце и в середине слова *н* выступает довольно часто. Заслуживает особого внимания употребление *н* при наращении разного рода морфологических показателей (так называемый вставочный *н*).

Р — переднеязычный дрожащий. В начале слова *р* не бывает. Примеры употребления *р* в середине и в конце слова — КР: *кіріңлăр* 'входите' (18); КВ, II: *јамғур* 'дождь' (21); ЛоОК: *јӱрӱсӱн* 'пусть идет' (12); МК, I: *бірlä* 'с' (180); Man., I: *олурұң* 'сидите' (34).

Л — переднеязычный латеральный (смычно-щелевой или двущелевой). Начальный *л* выступает только в заимствованных словах, большей частью китайского происхождения. Имеющееся же в сутре „Золотой блеск" (Suv., 620) слово *лачĭн* 'сокол', по-видимому, санскритское. Характерно, что в современных тюркских языках, таких как киргизский, оно произносится с начальным гласным, ср. *ĭлăчĭн*.

Ј — среднеязычный щелевой. *Ј* возможен в любой позиции, ср. КВ, II: *јаға турсу јамғур* 'пусть идет дождь' (21); КР: *јӟміш* 'фрукт' (39); МК, II: *којун* 'овца' (152); Man., I: *сӧзlăјӱумағај* (*сӧзlăјӱ умағај*) 'не сможет сказать' (15); Man., III: *нӧңăјӱк* 'никоим образом' (22).

Ј восходит к разным звукам и, в частности, к **ð*. Поскольку переход *ð* в *ј* относится как раз к периоду существования восточнотуркестанского языка, в ряде текстов на месте *ј* нередко оказывается *ð*, который в уйгурской письменности из-за отсутствия соответствующего знака передается как *д*.

Ң — увулярный носовой с задненеязычным вариантом. Как и почти все другие сонорные, выступает в любом положении, кроме начала слова, ср. МК, III: *отұң* 'дрова' (351), *тӱрĭңак* 'ноготь' (382); КР: *іңăк* 'корова' (38); Uig., IV: *ӧңін* 'плечо' (8).

Долгие согласные

Вопрос о долгих согласных пока остается открытым. В порядке предположения можно допустить наличие в восточнотуркестанском языке факультативной долготы глухих согласных *n*, *m*, *c*, *ш*, *k* в интервокальном положении, ср. *отуз* ~ *оттуз* 'тридцать', *kamïk* ~ *kammïk* 'твердый', 'прочный', *jəmi* ~ *jəmmi* 'семь', *ïcïk* ~ *ïccïk* 'горячий', *iki* ~ *ikki* 'два', *səkiz* ~ *səkkiz* 'восемь', *tokuz* ~ *tokkuz* 'девять'. Маловероятно, однако, чтобы эта долгота, имеющая общетюркский характер, обладала фонематической значимостью.

Таким образом в восточнотуркестанском языке было 19 согласных: *n*, *m*, *c*, *ш*, *ч*, *k* (*к*; *ɣ*), *x* (?), *б*, *в*, *д*, *з*, *ж* (?), *y* (*i*), *м*, *н*, *р*, *л*, *j* (< **д*, < **в*, < **j*), *ң*.

По участию голоса	По способу образования \ По месту образования	Губные	Передненёбные	Средненёбные	Заднеёбные	Увулярные	Фарингальные
Глухие	Смычные Щелевые	*n*	*m* *c*, *ш*		(*к*	*k* (*x*)	*x*
	Аффрикаты			*ч*			
Звонкие	Смычные Щелевые	*б* *в*	*д* *з*, *ж*(?)		(*г*) (*i*)	*ɣ* (*ɣ*)	*ɣ*
	Аффрикаты			*j*			
Сонорные	Носовые Двущелевые Узкощелевые Дрожащие	*м*	*н* *л* *р*	*j*	(*ң*)	*ɣ*	

Возможно, что в восточнотуркестанском языке разделение согласных на глухие, звонкие и сонорные являлось лишь внешним и не совсем точным отражением более глубокого и

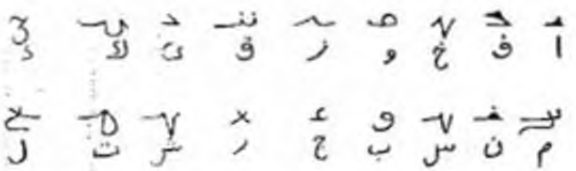
более древнего разделения их на сильные, слабые и сверхслабые,[14] ср.:

Сильные	Слабые	Сверхслабые
p	*б*	*м*
t	*д*	*н*
k (*к*)	*g* (*г*)	*ŋ* (*нг*)
c	*з*	*р*
ш	*ж* (?)	*л*
ч	*j*	*?*
**x'* ~ **m'* > *j*)	*ɣ* (> *j*)	**j* (> *j*)

Слабые и сверхслабые могли быть и глухими, и звонкими, сильные — только глухими. В начальной позиции, очевидно, употреблялись только сильные.

Для обозначения согласных в уйгурской письменности, по сведениям Ахмеда ибн Арабшаха, имелось 14 знаков.[15]

В диване Махмуда Кашгарского (МК, I, 8) приведено несколько бо́льшее количество букв — 18, причем две из них служат вместе с тем для передачи гласных:

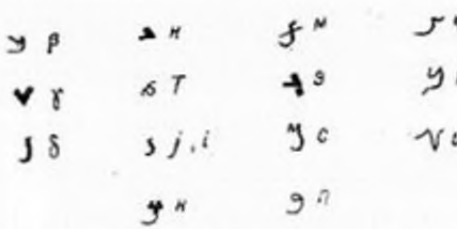

Из особенностей последнего варианта существенны: раздельное обозначение *k* и *ɣ*, а также специфическое начертание *m* (ﻡ), полностью сохраняющееся в уйгурском списке Сирадж ал-кулуб. Для наглядного представления размеров адаптации (в соответствии с требованиями тюркской фоне-

[14] Мысль о подобном разделении древнетюркских согласных принадлежит В. М. Наделяеву.

[15] См.: J. Klaproth. Abhandlung über die Sprache und Schrift der Uiguren. Berlin, 1812. SS. 53—54.

тики) заимствованной у иранцев письменности[16] ниже мы приводим перечень основных буквенных начертаний согласных в согдийском алфавите:[17]

Сравнение уйгурского алфавита и согдийского, с учетом наиболее ранних палеографических данных, показывает, что изменение последнего у тюрок происходило главным образом по линии перераспределения знаков, обозначавших глухие взрывные согласные и звонкие проточные. Это объясняется тем, что в согдийском языке, в отличие от тюркских языков, были только глухие взрывные и не было звонких взрывных и, наоборот, были звонкие проточные, но не было соответствующих глухих. В результате графически согдийское β стало соответствовать тюркским *в* и *ф*; согдийское γ — тюркским *g*, *k* и *ɣ* (с добавлением диакритических знаков); согдийское δ — тюркскому *л* (*т*); согдийское *и* — тюркским *б*, *п*; согдийское *к* — тюркским *к*, *г*; согдийское *т* — тюркскому *т* (*л*). Другие изменения согдийского алфавита были вызваны необходимостью передачи тех тюркских звуков, которые не имели подобных себе в согдийском языке. Так, из согдийского знака для *р*, являвшегося наряду со знаком для δ средством обозначения *л* в заимствованных словах, у тюрок в результате некоторой модификации основного типа образо-

---

[16] Предположение о том, что уйгурский алфавит является результатом адаптации согдийского письма, было высказано впервые Ф. В. К. Мюллером (SPAW, Berlin, 1907, S. 730).

[17] R. Gauthiot. 1) De l'alphabet sogdien. JA, 10 série, t. XVIII, Paris, 1911, pp. 81–95; 2) Essai de Grammaire Sogdienne, pt. I. Paris, 1914—1923, табл. I.

вались две буквы *р* и *л*. Некоторые преобразования согдийского письма, как например обозначение согдийской буквой для *ш* в уйгурском алфавите *с* и *ш*, а также использование буквы для *с* для передачи межзубного согласного, являются частными случаями приспособления упомянутого алфавита к особенностям тюркской фонетической системы.

В манихейском письме для обозначения перечисленных выше согласных используются следующие знаки:

Прототипом манихейского письма была одна из поздних разновидностей арамейского алфавита, имевшая распространение в Малой Азии.

Где возникло это письмо первоначально, установить трудно. Дж. Монтгомери считал местом его возникновения Пальмиру,[18] область, занимавшую промежуточное положение между Сирией и Средней Азией. М. Лидзбарский, принимая во внимание связь письма с культовыми отправлениями и учитывая зависимость Пальмиры от Вавилона в религиозном отношении, истоки манихейского письма искал в Вавилоне и рассматривал Вавилон как родину пальмирского алфавита.[19]

---

[18] J. A. Montgomery. Aramaic incantation texts from Nippur. Philadelphia, 1913, p. 34.

[19] M. Lidzbarski. Die Herkunft der manichäischen Schrift. SPAW, Phil.-hist. Kl., L, Berlin, 1915, SS. 1213—1222.

Арабский алфавит в той форме, в какой он использовался для передачи тюркских согласных Махмудом Кашгарским, состоял из 20 знаков:

ب	*б, п*	ر	*р*	ش	*ш*	م	*м*
ت	*т*	ز	*з*	غ	*ғ*	ن	*н*
ژ	*ж*	ز	*р*	ك	*к*	و	*в*
چ	*ч, j*	ز	*з*	ك	*к*	ق	*в* (*ω*?)
خ	*х*	س	*с*	ل	*л*	ى	*j*

Последовательное развитие *j*

Нынешнее состояние сравнительно-исторической фонетики тюркских языков не позволяет сказать определенно, был ли в общетюркском языке-основе *j* или нет. Тем не менее хорошо известно, что в некоторых позиционных условиях он появился довольно поздно — либо в результате последовательного преобразования других звуков, либо спонтанно, как следствие реализации обычной для начала слова инкурсии.

То, что образование *j* как самостоятельного звука мы рассматриваем специально, объясняется следующим обстоятельством. Отдельные ступени развития *j* отразились непосредственно в памятниках восточнотуркестанского языка, и поэтому существует реальная возможность охарактеризовать указанный процесс в целом. Поскольку же образование *j* в разных группах тюркских языков протекало по-разному и иногда имело неодинаковые конечные результаты, наличие или отсутствие *j* или употребление вместо него других звуков может быть использовано для уточнения диалектных границ в Восточном Туркестане. Нельзя не отметить также ту роль, которую играет *j* в разграничении тюркских языков вообще, — например, в классификации С. Е. Малова. „Все древние и современные нам тюркские языки, — пишет С. Е. Малов, — можно очень хорошо разделить на две группы по признаку присутствия или отсутствия звука *й* в известных позициях ряда слов, главным образом в середине существительных, например *айак*, и в конце глагольных основ, например *кой*. Если в ряде слов в известных позициях слов

наличествует *й*, то языки, к которым принадлежат эти слова, вместе, конечно, с другими признаками, о которых говорили другие и говорю я, можно отнести и относят к новым тюркским языкам. Те же языки, в которых вместо этого *й* в этих же словах наличествуют другие звуки, — будут древними тюркскими языками, т. е. языками, в которых больше других сохранилось считающихся старыми черт".[20]

Таким образом, в процессе возникновения *j* проявляется ступенчатость, выразившаяся в многократном и продолжительном изменении иных звуков, тогда как в развитии самого *j* — усиление нёбной артикуляции.

Общетюркский, или пратюркский, язык располагал тремя прототипами *j*: **δ*, с которым обыкновенно связывают традицию так называемого *δ*-языка в Восточном Туркестане, **д'* и **j* (ᛃ рунических надписей). Первый и третий из указанных прототипов могли находиться в середине и в конце слова, между тем как второй употреблялся только в абсолютном начале.

Звук *δ* был реальным фонетическим явлением вплоть до X—XI вв., и сохранение его или переход в *j* являлись, по свидетельству Маҳмӯда Кашгарского, наиболее показательным признаком диалектного разделения: ягма, тухси, кыпчак, ябагу, татар, кай, чумул и огузы, пишет он, изменяют каждое *δ* в *j* и не говорят вообще *δ*, например *kaδīɳ* 'береза' у упомянутых племен имеет форму *kajīɳ*. Точно так же каждый *δ* в языке чигилей и других тюрок, у некоторых кыпчаков, йимаков, суваров, булгар и прочих изменяется в *з*, например у чигилей *aδak* 'нога', у только что названных — *azak* (МК, I, 32).

Наличие большого количества слов со звуком *δ* в материалах дивана, — см. МК, I: اُدُو *yδy* 'сон' (39), اَدَاقِي *aδakī* 'его нога' (59), اِدغِ *aδīɣ* 'медведь' (63), اُدغُر *aδɣīr* 'жеребец' (95), — вызывает необходимость рассматривать его как переходный тип в общетюркском масштабе. Вместе с тем не следует

[20] С. Е. Малов. Древние и новые тюркские языки, стр. 139.

забывать, что в восточнотуркестанских диалектах этот межзубной *д* оказался лишь эпизодическим явлением, тогда как в других языковых группах явился основным и конечным результатом развития или изменился в *з*.

Процесс замены *д* $\nearrow (> j)$ $\searrow (> з)$ происходил в связи с изменением фонетической системы всех тюркских языков, по крайней мере не позднее XII века. Возможно, что кыпчаки ранее других племен имели *j*. Несколько раньше, чем у тюрок Восточного Туркестана, имел место переход *д* > *j* у огузов. Такой вывод подкрепляется указанием Иби Муханны: „туркестанцы" говорят *iд'i, šд'иj, ад'ak*, „тюрки наших стран" — *imi, šjиj, ajak* (IbM, 56).

В восточнотуркестанском языке замещение *д* звуком *j* обнаруживается не раньше XI в. Так, в текстах Кутадгу билига, уйгурской версии рассказа о двух братьях (KP), в текстах из Турфана, изданных В. В. Радловым (USp), В. Бангом (TT) и др., господствующее место принадлежит двакающим формам, см. KB, II: *кӛдін* — послелог (13), *куйрук* 'хвост' (18), *кӛдік* 'зверь' (65); KP: *уд* 'бык' (9, 34), *jадїлмїш* 'он распространился' (11), *удїң* 'поспите' (30), *адрїлур* 'отделяется' (39); USp: *кодуп* 'оставив' (26), *адак* 'нога' (51, 101); AIT: *кӛдім* 'одежда' (23), *калбу* 'печаль' (34), *тод-* 'быть сытым' (47). Точно так же тефсир, найденный в Карши, содержит преимущественно *д*-основы: *адбїр, адак, кудї, адрїлдї, кӛдін, іді* (Теф., 74—79). Наконец, смешение *д* и *j* прослеживается в таких памятниках, как уйгурский вариант сказания об Огузе, см. ЛоОК: *адаҗї* (2), *бӛдіук* (3), *алуб* (4), *kojдї* (8), *ajбїр* (26).

Наличие *д*-основ в некоторых памятниках, относящихся к сравнительно позднему времени, — например, в Қыҫаҫ алаибия и Хибат ал-ҳаҡа'иҡ, — по всей видимости, не отражает норм живого произношения. Очевидно, и в легенде об Огузе двакающие основы не обусловлены особенностями разговорного языка и являются данью литературной традиции.

Звук *д'*, как отмечалось выше, являлся позиционным вариантом *д*, и поэтому совпадение *д'* и *д* в *j* не было слу-

чайным. Непосредственным результатом развития *д' был звук *j*, изменившийся впоследствии в *j*. Изменение *д' > j > j происходило не во всех восточнотуркестанских наречиях. В некоторых из них сохраняется старый *j*, так же как в языке кыпчаков и отчасти огузов.

Третий прототип *j* — общетюркский *j, сохранявший свое первоначальное качество вплоть до времени составления орхонских и енисейских надписей, что подтверждается существованием особой руны (Ɜ), обозначавшей его. Отражением звука *j* в языке уйгуров и огузов был *н*. Все памятники манихейской письменности, запечатлевшие нормы уйгуро-огузского диалектного типа, содержат преимущественно *н*, см. AIT: *анӡ* 'злой' (7, ср. *аjӣӡ*, 9); Man., I: *анӣӡ* (6); Man., III: *канjу* 'какой' (22, 38), *анӣӡ* (33, 44, вместе с тем: *аjӣӡ*, 24), *чӣӡаj* 'бедный' (35), *кічіккіjā* 'маленький' (43). Напротив, в памятниках буддийского происхождения и др., в особенности в тех, которые непосредственно связаны с карлукской подгруппой диалектов, преобладает *j*,[21] см. KB, II: *чӣjаj* 'бедный' (35), *koj* 'овца' (46, 131), *кајуда* 'где' (55), *кајда* 'где' (63, ср. также *канӣ* 'где', 55, 89); KP: *аjӣӡ* 'плохой', 'злой' (8), *koj* 'овца' (9), *бір кіjā* 'один', 'единственный' (19), *чӣjаj* 'бедный' (35); Tiš.: *анчакīja* 'таким образом' (3); USp: *кају* 'какой' (26, 42).

В Кутадгу билиге основа, содержащая звук *н* (~ *j*), встречается лишь несколько раз (KB, II, 55, 89, 107, 128, 129).

„Не-тюркский" тип (*н*, без последующего перехода в *j*) закрепился в текстах старотурецкой письменности и затем в современных языках южной группы — турецком, азербайджанском, туркменском и др., см. 'Āšyqpāšā: *кансī* 'какой' (11); CD: *канда* 'где', *кандан* 'откуда' (139), *канjару* 'докуда',

[21] См. MK, I, 31: „тюркам" было свойственно произношение *j*, аргу — *н*, ср.

قوی *koj*	قون *kon*
چیغای *чӣjаj*	چیغان *чӣjан*
قایو *кају*	قانو *кану*

канӣ 'где', 'куда', *канӓк* 'где', 'какой', 'который' (140); IbM: *канча* 'сколько', *канда* 'где' (37).

Распространение основы, содержащей *н*, в современном узбекском языке связано с поздним воздействием огузских диалектов. Примечательно в этой связи ограниченное использование ее в текстах староузбекской книжности.

В некоторых словах появление *j* не связано с преобразованием каких-либо других звуков. Этот *j*, имеющий характер протетического согласного, развился довольно поздно и употреблялся не во всех диалектных группах.

Хотя анализ текстов не позволяет сделать определенных выводов о соотношении основ с протетическим *j* и без *j* в разных древних языках, можно все же указать на частое употребление его в восточнотуркестанском языке. О *j* как отличительной черте восточнотуркестанского языка свидетельствуют, например, материалы дивана Маҳмӯда Кашгарского, ср. *МК*, I: *iл* 'веретено' „по-огузски" и *jiл* „у других тюрок" (48), *iн* 'помет овцы' и *jiн* (49).

Примечательно, что в сочинении Ибн Муҳанны, которое обычно относят к числу памятников южной группы, формы с *j* имеют также преимущественное употребление. Примеры (АФТ, XXXV, XXXVI): *jӱзӱм* (<> *ӱзӱм*) 'виноград', *jӱкӱш* (<> *ӧкӱш*) 'много', *jiпӓк* (<> *iпӓк*) 'шелк'. Очевидно, в данном случае необходимо провести какую-то грань между языковыми особенностями списков и оригинального текста Ибн Муҳанны, бывшего, по мнению С. Е. Малова, восточнотуркестанским.

О том, что *j* в пределах указанной выше группы слов выступает в качестве протетического звука и что он появился в этих словах сравнительно недавно, свидетельствует регулярное стяжение гласных в положении после *j*, относящееся к сравнительно недавнему времени, например: *jaʁла-* 'плакать' > *jӣла-* (см. IbM: *aʁлаччӣ* 'плачущий', 8), *jaʁач* 'дерево' > *jӣʁач*, *алпаʁу* 'владетель' > *jӣлпаʁу* (см. ПКТ: *алпаʁу* — титул, 47). На недавнее появление протетического *j* указывают также случаи его использования в заимствованных словах, см. Сирāдж ал-кулӯб: *jӓсiр* 'пленник' (736, < араб. أَسِير).

О соотношении в слове глухих и звонких согласных

При исследовании вопроса о соотношении глухих и звонких согласных особый интерес представляет качественное состояние согласных в начале и конце слова.

В настоящее время не вызывает удивления отсутствие в древнетюркском языке шумных начальных звонких, в частности *д*, *ғ* и *з*. „Исследование древнетюркских звуковых отношений, — указывает К. Фой (см.: KSz, I, S. 290), — ведет к открытию удивительного с точки зрения османского и вообще южнотюркских языков факта: здесь (т. е. в древнетюркском языке, — *А. Щ.*) никогда не встречаются в начале слова звуки *д*, *ғ*, *з*, но исключительно *т*, *к*, *қ*...". Преобладание глухих шумных в указанном положении задолго до К. Фоя отметил В. В. Радлов.[22] Выводы В. В. Радлова, значительно отличающиеся от его первоначальной точки зрения, к которым нельзя не присоединиться, таковы, что для всех современных тюркских языков, кроме южных, а также для древнетюркского языка характерно употребление в начале слова только глухих шумных согласных. Исключением является звук *б*, встречающийся в указанном положении почти во всех языках.

Естественно, возникает вопрос, какая из двух фонетических систем является наиболее древней, южная или восточная? Нам кажется, нет необходимости вступать в длительные рассуждения по этому вопросу: уже издавна утвердилось мнение о постоянном увеличении в составе тюркских согласных элементов звонкости. Таким образом, если признать состояние восточнотуркестанского (и древнетюркского) консонантизма исходным, то наличие начальных звонких согласных в языках южной группы следует рассматривать как результат озвончения глухих.

Если для орхонского периода характерно всеобщее употребление в указанной позиции только глухих заднеязычных

---

[22] W. Radloff. Die Alttürkischen Inschriften der Mongolei, N. F. St.-Petersburg, 1897, S. 39.

и зубных (*т*, *k* и *к*), то в отношении более отдаленного времени можно допустить и существование единого начального *п*.

Действие закона перехода начального *п* в *б* должно относиться к сравнительно давнему времени, так как поздние заимствования из других языков не допускают возможности озвончения *п*. Примеры: узб. *пуст* 'кожура', 'оболочка', *пістa* 'фисташка', *пахта* 'хлопок', *парда* 'занавес', *парвā* 'забота' и т. д.

Почти то же самое следует сказать и о начальном *в*, отсутствующем в ряде языков и в настоящее время. В южной группе *в* в рассматриваемой позиции является результатом изменения звука *б*, см. CD: *варīдī* 'он был' (14), *вӱрмāсӱн* 'пусть не даст' (155); или дивергенции лабиального *у*, ср. тур. *vur-* 'бить', узб. *ур-* (см.: JSFOu, XXXII, S. 2), тат. *ват-* 'ломать' (< **у-ат*, ср. *у-ша-к* 'мелкий', где *-ша* — глагольный аффикс, а *у* — предполагаемая именная основа, см.: KSz, XVIII, SS. 8, 14, 15).

Чуждо для древнетюркского языка и использование начального *з* (в собственно тюркских словах).

Что касается соотношения глухих и звонких согласных в конце слова, то здесь, по-видимому, следует ограничиться указанием на статью В. Томсена,[23] в которой доказана возможность употребления у древних тюрок в конце слова и глухих, и звонких заднеязычных, ср.: *бӧг* 'бек', *сарīғ* 'желтый', *башīғ* 'голову', но *чӟчāк* 'цветок', *јақук* 'близкий', *көк* 'небо' и т. д.

Звук *в* в конечной позиции, так же как и в начале слова, развился из других звуков.

Вопрос о соотношении в конечной позиции свистящих и губных требует дополнительного исследования.

Следует, однако, предположить, что в не-первых слогах звонкость конечных согласных была факультативной и что во многих случаях значение дифференциального признака имело не столько наличие или отсутствие звонкости, сколько сила напряжения артикулирующего органа.

---

[23] V. Thomsen. Sur le système des consonnes dans la langue ouigoure. KSz, II, Budapest, 1901, SS. 241—259.

В заключение рассмотрим соотношение глухих и звонких согласных внутри слова: в конце основы или в начале морфологической части. Качество согласных в этом случае определяется главным образом позиционными факторами, если не считать сочетаний *рт*, *лт*, *нт*, в которых в соседстве с сонорными звуками нередко выступает глухой шумный.

Примеры из источников манихейской письменности и Брāхми-шрифта, различающих глухие и звонкие согласные, свидетельствуют о нерегулярности упомянутых выше процессов. Примеры. Man., I: *ölüŋkä* 'мертвому', *içärü* 'внутрь' (5), *болтум* 'я стал', *сакĭнтĭ-х* 'он думал', *j(a)рудĭ* 'озарило', *туздĭ* 'она родила', *коркутĭ-х* 'он испугался' (6), *эртĭ* 'он был', *бардĭ* 'он пошёл' (7), *болзун* 'пусть будет', *кадгусуз(у)н* 'не будучи озабоченным' (31), ср. *номлатĭ* 'он назначил, установил', *ätкүлүк* 'добрый', 'хороший', *таркаркулук* 'распространение' (SPAW, XLIV, S. 9).

Вместе с тем в некоторых манихейских текстах проявляется тенденция к озвончению согласных между гласными в любых грамматических формах, например: *кэтär-*, *кэдär-* 'удалять', *бүтүн*, *бүдүн* 'все', *öт* 'учение', *öдiг* (вин. пад.), *окĭт* 'учи', *окĭдĭп* (*окĭ-д-ĭп*) 'учив'.[24] В этом, можно думать, отразились особенности обособленной диалектной группировки, явившейся основой современных алтайских наречий.

В современных языках, восходящих к восточнотуркестанской основе, решающее значение для развития звонкости приобретает позиция после гласного звука, например: узб. *бүгүн* (< *бӱ-кӱн*) 'сегодня', *кичкинагина* (*кичкинä-кинä*) 'очень маленький'[25] и др. Сохранение глухости в этих условиях наблюдается лишь при семантическом обособлении отдельных форм, ср. узб. *экан* 'оказывается' (грамм. член), *ältĭ* 'шесть', *jätĭ* 'семь', если положиться на правильность этимологии

[24] См.: A. Gabain. Altürkische Grammatik, S. 54.

[25] Судя по тем примерам, которые приводит Ибн Муханна, можно заключать, что у „туркестанцев" имена существительные оканчивались только на *-кĭна*: *сорajкĭна* 'домик', *öгäкĭна* 'бычок' (АФТ, 012).

Г. Рамстедта (*алтӣ* от *ал-* 'брать', *jӣmi* от *jӣ-* 'есть', см. JSFOu, XXIV, SS. 15—16) или Б. Мункачи (*jӣmmi* от *jӣm-* 'достигать', см. KCsA, I, 4, S. 314).

Частные фонетические явления в области согласных

а) Выпадение конечного *р* в форме условного наклонения. В древнетюркских надписях с Орхона и Енисея, а также в некоторых текстах восточнотуркестанского языка, относящихся к X—XIII вв., аффикс условного наклонения выступает не иначе, как с конечным *р* (*-сар*, *-сӓр*). Между тем такие тексты, как Кутадгу билиг и даже некоторые документы из Турфана (ср. USp, 9, 11, 24), имеют *-са*, *-сӓ*.

Причины, вызвавшие исчезновение *р*, не совсем ясны. Очевидно, существенную роль в этом процессе сыграло позиционное столкновение согласных. Поясним это ниже.

Выпадение *р* происходило прежде всего в глагольных формах 1-го и 2-го лица, в которых конечный согласный производной основы оказывался рядом с начальным согласным местоименного аффикса, ср. *кӓlсӓ(р)мӓн*, *болса(р)мӓн*. Решающими факторами исчезновения *р* могли (быть агглютинация местоимений (*кӓlсӓрмӓн*) и их стяжение (*кӓlсӓ(р)м*), обычное для всех тюркских языков.

б) Сохранение *ӡ*, *ɣ* в положении после согласного, характерное для восточнотуркестанского языка вплоть до XI—XII вв., ср. КР: *к(ӡ)ɣӓк* 'надо', 'необходимо' (27, 31); МК, I: *ӡшɣӓк* 'ишак' (114), *орӡак* 'серп' (119), *кĭсӡач* 'щипцы' (455), *тарӡак* 'гребень' (467), *чомӡук* 'ворона' (470); МК, III: *каэнӡук* 'кол' (383); AIT: *тамӡак* 'глотка' (42), *јапӑрӡак* 'лист' (54); Man., III: *кӓрӓк* 'надо' (33).

Утрату в X—XI вв. *ӡ*, *ɣ* после согласного Махмуд Кашгарский рассматривает как особенность языка огузов: огузы говорят *чомук* 'ворона' (ср. также *кӓрӓк*: МК, I, 391), „тюрки" — *чомӡук* (МК, I, 470).

Выпадение *ӡ*, *ɣ* перед согласными, очевидно, являлось особенностью только кыпчакских наречий, — например, Раб.: *інӓ* 'иголка' (37, ср. узб. *інӓ*, тат. *інӓ*). Этот случай можно

рассматривать также как следствие регрессивной ассимиляции *г* с последующим стяжением *н*: *ігнä* > *іннä* > *інä*. Удвоенное *н* встречается, например, в говорах Южного Хорезма, включающих в себя ряд особенностей южной и западной групп тюркских языков.

в) Выпадение *л*, *l* перед *т*. Сочетание *лт*, *lт* в древних тюркских языках отражается по-разному. Диалекты восточнотуркестанского языка, исключая единичные случаи, сохраняют указанный комплекс без изменений, в противоположность диалектам (языкам) кыпчакской и огузской групп, в которых принял широкие размеры процесс утраты *л*, *l*. Примеры. КВ, II: *кӧlтӱр* 'приведи' (55), *олтур* 'садись' (72); КР: *кӧlӱрсӱнlӓр* 'пусть приведут' (18); ЛоОК: *ӧltӱрді* 'он убил' (5), *олтурур ӧрді* 'она сидела' (7); ср. АФТ: *отур-* 'сидеть' (068); IbM: *кӧтӓрмӓк* 'принести', 'привезти' (42); *кӧlтӱрмӓк* 'принести' (40), *олтурмак* 'сидеть' (53); Теф.: *кӧтӱрді* 'он принес' (76).

г) Выпадение *р* перед согласным или в конце слова. Говорить о возможности этого процесса, широко распространенного в современных узбекском и уйгурском языках, для периода, засвидетельствованного древнейшими письменными источниками, нет достаточных оснований. И поэтому, приводя немногие примеры предполагаемой редукции *р*, мы не делаем никаких выводов. См. ЛоОК: *бӧгӱ* < *бӧргӱ* 'подать', 'дань' (22); Малов—Бартольд: *тӧмігӓ* (вм. *тӧмірігӓ*), *бӧгінчӓ* (вм. *бӧргінчӓ*) (391). По поводу последних примеров С. Е. Малов ставит вопрос: „...нельзя ли здесь, в такой записи, видеть отражение действительного произношения этих слов в живой речи?".

Выпадение *р* в какой-то мере свойственно и языкам других групп, см. АФТ: *аслан* 'лев' (068).

д) Упрощение групп согласных за счет утраты варывных звуков или интродукции гласных. Вставки и пропуски звуков, связанные с упрощением фонетической структуры, могут рассматриваться как общетюркское явление, однако в западных и южных языках (диалектах) они представлены в бо́льших размерах. Примеры. ЛоОК: *корукмас турур ӧрді* 'он не

боялся' (27), *тараттӣлар* 'они тащили' (31); ср. АФТ: *јумурта* 'яйцо' (011ℓ); Telegdi: *арсалан* 'лев' (303), *јамурта* (311), *курут* 'волк' (318); ср. также в староузбекских текстах — Рāҳат ал-қулуб: *јумурқа* (145a); Сирāдж ал-қулуб: *јамағур* 'дождь' (766).

е) Метатеза. Примеры. МК, I: *ағдук* 'скрывающийся' и *адғук* (99), *авја* 'айва' (114, ср. АФТ, 079, Раб., 136: *ајва*[26]), *örjük* и *örküj* 'заплетенная коса' („у огузов"; 103), *сармусак*, *самурсак* 'чеснок' < *сарӣмсак* (527); МК, III: *јамғур* 'дождь' < *јағмур* (38), *карғӣлач* 'ласточка' < *карлӣғач* (178); AIT: *ӧдрāм* 'благодать' < *ӧрдāм* (10); USp: *абра* 'ячмень' < *арпа* (126); ЛоОК: *тамға* 'знак', 'печать' < *тағма* (11); Suv.: *ӧдірāм* 'доблесть', 'благодать' (316, < *ӧрдāм*); Раб.: *амрут* 'груша' (24, < *армут*).

ж) Гаплология. Примеры. ЛоОК: *напсікі* 'боженька' < **набеасікі* (1, < санскр. *naivāsika*), *білӧк* < *білігӧк* 'знание', 'мудрость' (21), *тарлағусīз* 'непаханная (земля)', *тарлағу* < *тарīғлағу*, *тарīғ* 'пашня' (29), *білӧг* < *білгӧгӧ* 'известный' (33).

Выпадение слога с согласным *р* в личной глагольной форме настоящего времени, будучи характерным признаком южной диалектной группы, способствует образованию морфологического типа, отсутствующего в восточнотуркестанском языке, см. AQJB: *јӧрзӧн* 'ты идешь' (ℓ).

з) Переход *ң* (> *і*?) > *в*. Подобное изменение *ң* мы могли проследить только в сравнительно поздних источниках, отражающих особенности языков западной группы, ср. Telegdi: *дāвіңāч* 'коршун' (309, < *тәңлāгӧч* ~ *тәңлӧјāч*), *сōвāк* 'кость' (323, < *сōңāк*).

и) Переход *г* > *j* > 0 (нуль). Примеры. МК, I: *ӧшгāк* 'осел', *ӧшјāк* (114); AIT: *мӧјӧз* 'рога' (28, см.: Man., I, 16). Эту особенность предпочтительнее считать западной и отчасти южной, ср. IbM: *āјāрчі* 'седельник' (32); Kom. BH: *кӧјсі* 'его грудь' (40), *сӧӱнч* 'радость' (41); Telegdi: *ијін* 'плечо' (310).

[26] О метатезе типа *курјук* < *кујрук* см.: Ф. Е. Корш. Турецкие элементы в языке „Слова о полку Игореве". Отд. оттиск из „Известий Отделения русского языка и словесности АН" (т. VIII, кн. 4, СПб., 1904, стр. 35—37).

В восточнотуркестанском языке указанный переход наблюдался главным образом в диалектах уйгуро-огузской подгруппы.

к) Переход *т* в *ч*. Этот переход зафиксирован только в тексте уйгурского варианта легенды об Огузе, ср. ЛоОК: *таптїлар* 'они нашли' (1) и *чаптїлар* (39), *таң* 'заря' (38) и *чаң* (16), *ташкарун* 'вне' (33) и *чашкарун* (35). Он вызывает разные толкования и, к сожалению, до сих пор не получил вполне удовлетворительного объяснения. Отсутствие дополнительных данных или, скорее, недостаток их заставляет нас сомневаться в его фонетической сущности.[27]

л) Изменение *ң* в *ғ* (*г*). Это изменение наблюдается в восточнотуркестанском языке в небольшом количестве слов, ср. KB, II: *јалңуз* 'один', 'одинокий' (144) и ЛоОК: *јалғуз* (7); Uig., IV: *ӟңін* 'плечо' (8) и TT, VI: *ӟнін* (11a). Данная особенность широко представлена в старотурецких текстах и в последующее время образует специфический признак всех языков южной группы, см. Ferah-nāme: *јалуғуз* 'одинокий' (149), *тāгрі* 'божество', *кїлуғуз* 'делайте' (150), *ӟгнӱмā* 'на мое плечо' (154), *таӄла* 'утром' (160).

м) Изменение *ң* в *н*. Утрата звуком *ң* заднеязычного элемента стоит в одном ряду с изменением сочетаний типа „любой согласный + *ғ*", для которых основным фактором, предопределявшим выпадение *ғ*, являлось его положение после согласного, ср. *тарғак* > *тарак* 'гребень', *казған* > *казан* 'казан', *тамғак* > *тамак* 'глотка'. Примеры. ЛоОК: *калкан* 'меч' (4); МК, III: *отун* 'дрова' (351), *јӱң* 'шерсть' (361), *калїң* 'приданое', 'калым' (371), *тїрнак* и *тїрїңак* 'ноготь' (382), *тапчаң* 'топчан' (385), *калкаң* 'меч' (386), *караңғу* 'темнота' (388); Раб.: *отун* 'дрова' (236); Man., III: *отуңлају* 'собирая дрова' (28).

Переход *ң* в *н* происходил в твердых основах. Исключение — KP: *іңāк* 'корова' (38; > *інāк*). В большинстве слов с мягким рядом вокализма *ң* сохраняется без изменений, см. KP: *көңілін* 'его сердце' (12), *бңтӱн* 'спереди' (25); ЛоОК: *бңӱзі* 'его лицо' (1), *тӟңрі* 'божество' (6), *бӟндāң* 'скамья' (11);

---

[27] В. В. Радлов признает изменение *т* в *ч*, по-видимому, только в виде явной ассимиляции (Phonetik, §§ 201, 209, 228).

AIT: *öŋrä* 'раньше' (32). Звук *ŋ* удерживается также в аффиксах притяжательного падежа, повелительного наклонения и в формах принадлежности.

н) Образование *ŋ* из *н+ŋ(г)*. Процесс образования *ŋ*, происходивший на стыке аффиксов принадлежности и аффикса дательного падежа, основы и аффиксов понудительного залога, может быть отмечен главным образом в диалектах западной группы тюркских языков. Показателем имевшего здесь место полного слияния указанных звуков является обычное для *ŋ* выпадение задненязычного элемента, ср. *башїн+ŋа* 'к его голове' > *башїнŋа* > *башїŋа* > *башїна*, *сізін+гä* 'вам' > *сізінгä* > *сізіŋä* > *сізінä*.

В отдельных случаях *ŋ* вторичного образования выпадает полностью, см. МК, III: *са* < *сŋä* 'тебе' (208); ср. МР: *сä* 'к тебе' (251, 257), *ар* 'ему' (268); Ком. ВН: *ма* 'мне' (41).

О ФОНЕТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ СЛОГА

Вопрос о древнем структурном типе слога не раз оказывался в центре внимания исследователей тюркских языков. Ему, в частности, посвящен один из разделов работы Н. А. Баскакова, считающего типичным для каракалпакского языка и для других тюркских языков слог (слог-корень), состоящий из трех элементов: согласный + гласный + согласный. Все другие комбинации, по мнению Н. А. Баскакова, развились из этого трехэлементного типа.[28]

В действительности слог из трех звуков имеет наибольший удельный вес среди других разновидностей и, может быть, в самом деле к нему восходят многие другие типы, однако едва ли можно сомневаться и в том, что не во всех случаях трехэлементный слог является первообразным.

Большие возможности для образования данного типа слога представляло протезирование гласного согласными *j* и *в*.

Существует также предположение, что типу трехэлементного слога в тюркских языках предшествует тип слога с конечным гласным и что для тюркского праязыка, так же

[28] Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, т. II. Фонетика и морфология, ч. I. М., 1952, стр. 100.

как и для монгольского, было характерно преобладание открытых слогов. Это предположение основывается на результатах анализа тюрко-монгольских параллелей (ср. у Б. Я. Владимирцова: „Значительное количество тюркских слов отличается от соответствующих монгольских только тем, что не имеют на конце гласного звука")[21] и исходит из того, что тюркские и монгольские языки имеют общий источник.

Вопрос о характере связей тюркских и монгольских языков пока еще не разрешен, однако уже теперь можно сказать, что генетическое родство их является сомнительным. Поэтому при разборе структурных типов тюркского корня следует воздерживаться от привлечения монгольских параллелей.

Другой стороной вопроса о структуре корня является характер распределения согласных. Анализ памятников восточнотуркестанского языка позволяет сделать следующие выводы:

1) На стыке морфологических элементов возможны любые сочетания двух согласных. Такое же положение имеет место внутри неразложимых основ. Довольно редки в этих условиях сочетания согласных, в которых вторым элементом выступают шипящие, свистящие звуки или аффриката *j*.

2) В начале слова стечения согласных отсутствуют.

3) В конечной позиции стечения согласных встречаются довольно часто, ср.: *анд* 'клятва', *тарт* 'тяни', 'тащи', *төрт* 'четыре', *jурт* 'страна', *арт* 'задняя часть', однако в большинстве случаев эти стечения однотипны: они образуются из сонорных и шумных *с*, *т*, *д*.

4) В заимствованных словах, содержащих группы согласных в начале слова, вставляется гласный или упрощается сама по себе группа согласных. В конечном положении и внутри как собственно тюркских, так и заимствованных слов интродукция гласных почти не наблюдается. Широкое использование вставочного гласного в тексте уйгурского варианта Огуз-наме, — ср. *kīpk* > *kĭpĭk* 'сорок',

[21] Б. Я. Владимирцов. Турецкие элементы в монгольском языке. ЗВО, т. XX, вып. II—III, СПб., 1911, стр. 157.

kopk- > *kopyk-* 'бояться', *тарт-* > *тарат-* 'тащить', — по, нашему мнению, объясняется принадлежностью составителя или переписчика рукописи к диалектной группе, испытавшей сильное монгольское влияние. Как известно, в монгольском письменном языке стечения согласных были нетерпимы не только в начале, но и в конце слога.

Несколько слов о положении в слоге гласного.

В слоге, состоящем из гласного и согласного, гласный может занимать и начальное, и конечное положение, ср.: *ат* 'лошадь', *ал-* 'взять', *от* 'трава', *ун* 'мука', *ӭт* 'мясо', *ит* 'собака', *дӭ-* 'говорить', *кара (ка-ра)* 'черный', *сарӣ* 'желтый', *ата (а-та)* 'отец'.

Таким образом, в восточнотуркестанском языке обнаруживается пять структурных типов слога (г, с+г, с+г+с, с+г+с+с, г+с), среди которых два открытых и три закрытых.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОНЕТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ СЛОВА

О некоторых особенностях фонетической структуры слова, например о гармонии гласных, о соотношении глухих и звонких согласных, говорилось выше. В данном разделе будет затронут вопрос о сочетаемости разных слогов в составе слова.

Взаимодействие или просто соединение слогов как активный структурный процесс происходит обычно при изменении грамматической формы слова. Когда один из слогов оканчивается согласным, а другой начинается любым звуком, или наоборот, основным результатом их взаимодействия оказывается ассимиляция, — ср., например, *кӭт-* 'уходить', *кӭтті* и *кӭтді* 'он ушел', но *кара-* 'смотреть' и только *карадӣ* 'он смотрел'.

Особый случай представляет взаиморасположенность слогов, создающих позиционное столкновение гласных. Поскольку стечение гласных является нетерпимым в восточнотуркестанском языке, используются так называемые „вставочные" звуки,[30] чтобы устранить его.

[30] См.: W. Kotwicz, Contributions aux études altaïques, IV (Sons intercalaires). RO, XII, Lwów, 1936, s. 122 и сл.

К „вставочным" звукам относятся согласные *ш, р, с, j*.

„Вставочные" *ш* и *р* выступают только при образовании разделительных числительных, ср. *іккірăр* 'по два', *алтĭрар* 'по шести'. Так как числительные *іккі* и *алтĭ* оканчиваются на гласный, то образование от них разделительных форм при помощи аффикса *-ăр, -ĕр* без „вставочного" согласного невозможно. К числительным, оканчивающимся на согласный, аффикс *-ăр, -ĕр* присоединяется без посредства „вставочного" *р*, — ср. *ӳчăр* 'по три', *тăртăр* 'по четыре', *вĕшĕр* 'по пять'.

„Вставочный" *с* употребляется в составе притяжательных и партитивных форм имени, — ср. *анасĭ (ана-с-ĭ)* 'его мать', *ік(к)інчісі (ікінчі-с-і)* 'второй из них', *ӳчăгӳсӳ (ӳчăгӳ-с-ӳ)* 'трое из них', но *ташĭ (таш-ĭ)* 'его камень', *атĭ (ат-ĭ)* 'его лошадь'.

Сфера употребления *j* охватывает главным образом глагольные формы, — ср. *мінă турур ăрді* 'он забирался' (*мін-* 'забираться'), но *авлаја турур ăрді* 'он охотился' (*авла-* 'охотиться'), *кӳтăјă турур ăрді* 'он пас' (*кӳтă-* 'пасти'); *турур* 'стоит' (*тур-* 'стоять'), но *сајрајур* 'поет' (*сајра-* 'петь'), *сӧзлăјӳр* 'говорит' (*сӧзлă-* 'говорить').

Иначе обстоит дело со „вставочным" *н*, который появляется в формах локативных падежей между падежными аффиксами с начальным согласным и основами, оформленными аффиксом принадлежности 3-го лица, ср. *башĭнда (башĭ-н-да)* 'на его голове', *ташĭндăн (ташĭ-н-дăн)* 'от его камня', *атасĭнӈа (атасĭ-н-ӈа)* 'его отцу'.

Природа „вставочного" *н* не совсем ясна. Учитывая некоторые особенности структуры тюркских языков, например так называемое двойное склонение, можно видеть в нем рудимент древней орудно-комитативной или притяжательной формы. В ряде случаев, не объяснимых с этой точки зрения, *н*, по-видимому, является конструктивным элементом корня, восстанавливающимся только в производных формах, ср. *ол* 'он', *анлар* 'они'; *бу* 'этот', *бунда* 'здесь'. Во всяком случае фонетическое происхождение „вставочного" *н* в высшей степени сомнительно.

ПУТИ ФОНЕТИЧЕСКОГО ОСВОЕНИЯ ЗАИМСТВОВАННЫХ СЛОВ

Наибольший интерес представляют вопросы о том, каким образом и в какой мере заимствованные слова приводятся в соответствие с особенностями фонетической структуры восточнотуркестанского языка, насколько в случаях присоединения к заимствованным словам тюркских морфологических элементов сохраняется гармония гласных и каково влияние звуковых особенностей иноязычных слов на фонетику восточнотуркестанского языка.

Необходимость фонетического освоения заимствованных слов определяется своеобразием действующих правил и закономерностей заимствующего языка, однако не всегда то или иное изменение звука или фонетического облика слова в целом объясняется нетипичностью его для данного языка.

Примеры мотивированных изменений:

постановка гласного перед начальным *р*, необычным для тюркских языков, см. TT, VII: *āpівaī* 'звезда' (12, 14; < санскр. *revati*); KB, II: *ӧрдāні, ӧрдіні* 'драгоценный камень' (35; < санскр. *ratna*, ср. согд. *rtn'yn'k* 'из драгоценностей', Benveniste, 231);

неопределенная передача специфического звука, — например, Suv.: *азу(ча)* 'или' (273, см. также TT, VI, 10; Uig., I, 37; MK, I, 88); KB, II: *ажу* 'или же' (10); Uig., I: *азун* 'мир' (44); MK, I: *ажун* 'мир' (77);

упрощение сочетаний согласных, см. ЛоОК: *чӧріг* 'войско' (13; < санскр. *kṣatriya*); AIT: *āфіакір* (5; < санскр. *avyākṛta*?); TT, VII: *ардīр* 'звезда' (10; < санскр. *ārdrā*), *бархасувадī* 'Юпитер' (26; < санскр. *Bṛhaspati*);

утрата звуков в необычном для заимствующего языка положении, см. IbM: *āңāр* 'якорь' (161; ср. перс. لنگر);

редукция конечных гласных, преимущественно в многосложных словах, — например, AIT: *анантріс-сабаг* 'тяжкие проступки' (7; < санскр. *ānantarya sabhāga*), *асанвір* 'грехи от несоблюдения религиозного предписания' (8; < санскр. *asaṃvara*), *бујан* 'благодать', 'достойное дело' (18; < санскр. *puṇya*); TT, VII: *ӷрах* 'планета' (3; < санскр. *graha*), *ашлīш* 'звезда' (10, 11, 101; < санскр. *aśleṣa*), *каркад* 'знак зодиака'

(рак?, 12; < санскр. *karkaṭa*), *анурат?* (12, 56, 101; < санскр. *anurādhā*), *аңарак* 'планета Марс' (14; < санскр. *Aṅgāraka*), *басаман* 'имя божества' (65; < санскр. *vaiśavana*); Uig., I: *абіжік* 'пожалованный' (34; < санскр. *abhiṣeka*); Suv.: *діан* 'созерцание' (44, 614; < санскр. *dhyāna*);

устранение дифтонга, — например, МК, III: *тапчаң* 'топчан' (3ℓ.5, < кит. *таочаң* 'священное место').[31]

Изменения другой части слов трудно объяснить необходимостью сближения их с нормами тюркской фонетики. Примеры. Suv.: *баҳшї*, *бакшї* 'буддийский наставник' (276, 416; < санскр. *bhikṣu*); ЛоОК: *нәпсікі* 'боженька' (1; < санскр. *naivāsika*, см. Uig., II, ℓ3), *бӧндәң* 'скамья' (11; < кит. *бань* 'доска' и *дэн* 'табуретка', см. кит.-русск. словарь Колокова, стр. 441, 53ℓ); МК, I: *аңла-* 'понимать' (290; ср. согд. *'nγw* 'чувство', 'сознание', см. Benveniste, 207); Малов—Бартольду: *тәнбін* — название меры емкости (391; < кит. *тун* 'медь', *пён* 'таз'); ТТ, VII: *ашбіні* 'звезда' (11; < санскр. *aśvini*); ЛоОК: *бӧрі* 'волк' (17; ср. согд. *wyrk*, осет. *βerӕγ*, *βirӕγ*, см.: Gauthiot. Essai, 93, 121).

На вопрос о том, в какой мере в случаях присоединения к заимствованным словам тюркских аффиксов сохранялась гармония гласных, нельзя дать определенного ответа, так как использование в данной работе только сравнительно ранних источников исключает возможность привлечения сколько-нибудь значительных материалов. В памятниках, относящихся к X—XIII вв., количество заимствованных слов, соединяющихся как с твердой, так и с мягкой разновидностью аффиксов, невелико.

Исследованию гармонии гласных в заимствованных словах посвящена работа А. Фишера.[32] Хотя эта работа основана на материалах современного турецкого языка, многие положения автора вполне приемлемы и для древних источников.

---

[31] См.: A. Zajączkowski. Studia orientalistyczne z dziejów słownictwa polskiego. Wrocław, 1953, ss. 64—71.

[32] См.: A. Fischer. Die Vocalharmonie der Endungen an den Fremdwörtern des Türkischen. Leipzig, 1920.

Воздействие иноязычных норм в процессе лексических заимствований выразилось:

1) в появлении новых звуков, например *ж*, см, МК, I: أَژُن *ажун* 'мир' (77, < согд. *z'ωn* 'форма существования'); возможно, что все слова с указанным звуком в диване Махмуда Кашгарского заимствованы из других языков, см. МК, I: أَغُژ *азуж* 'молоко самки после родов' (55), أُژُك *ӱжӱк* 'слог' (71), أُژلَنك *ужлаң* 'рвота', с пометой „огузское" (116), أَرژُو *аржу* 'шакал' (127), أُژمَا *ӱжмӑ* 'тутовое дерево' (130), أُژمَلَندِى *ӱжӱмӑлӑндӑ* 'тут дал плоды' (297), كُژُج *кӱвіж* 'дерево со сгнившей сердцевиной' (366), تَژِك *тӑжік* 'таджик', 'персиянин' (387), كُژك *кӱжік* 'локон', с пометой „аргу" (391), بُژُن *бужӑн* 'черемша' (395);

2) в возможности употребления некоторых звуков в необычных позиционных условиях, ср.: вост.-турк. *бӧдӑн* 'тело', араб. بَدَن; *кӧнд* 'населенный пункт', 'город', согд. *knδ*; *дін* 'вера', 'религия', согд. *δ'yn* 'вера', *δ'ynδ'r* 'священник'.

Появление новых звуков нашло отражение в модернизации уйгурского письма, недостаточно приспособленного для передачи тюркских текстов. Один из любопытных примеров подобного явления представляют графические особенности Сирадж ал-кулуб в списке, относящемся к первой половине XV в.

УДАРЕНИЕ

Характер и история развития тюркского ударения до сих пор представляют область тюркологии, открытую для всевозможных споров, рассуждений и гипотез.

О современном состоянии ударения судят на основании экспериментальных исследований; что касается разрешения этого вопроса в историческом плане, то здесь, кажется, отсутствуют определенные данные, исключая некоторые косвенные факты, обычно рассматриваемые как следствие специфических особенностей ударения.

Общим, или почти общим, мнением исследователей тюркских языков с давнего времени является то, что ударение в них падает на последний слог. При этом под ударением обычно разумеется его экспираторная разновидность. Впервые В. Грёнбех в своей работе „Forstudier til Tyrkisk Lydhistorie“ [33] сделал заключение иного рода, высказав мысль о первоначальной постановке ударения на первом слоге.

Что касается возможности музыкального ударения, о чем в свое время писал Г. Ракетт,[34] имея в виду главным образом материалы турецкого языка, то вопрос этот чрезвычайно сложен. Кроме того, если музыкальное ударение хронологически предваряется экспираторным и представляет позднейшее явление, надобность изучения данного вопроса в исследовании, посвященном древнему состоянию тюркских языков, отсутствует.

---

[33] Цит. по работе: G. Raquette. The accent problem in turkisch. Lund—Leipzig, 1927.

[34] Там же, стр. 28.

Глава II

МОРФОЛОГИЯ

В восточнотурхестанском языке на основе учета морфологических данных, а именно — закономерностей сочетания одних языковых единиц с другими языковыми единицами того же самого или иного уровня, можно установить наличие трех частей речи (имени, глагола, наречия) и трех частиц речи (собственно частиц, послелогов, союзов).

Имя отличается от других частей речи тем, что имеет формы падежа. Своеобразие глагола как части речи заключается в способности образовывать формы полной и неполной вербальности. Наречие, в отличие от имени и глагола, лишено словоизменительных форм. Таким образом, имя и глагол имеют сложную морфологическую структуру, наречие же выступает как единая словоформа.

Внутри перечисленных частей речи существуют более мелкие грамматические разряды, различия между которыми проявляются главным образом в плане словообразования и отчасти в функциональном плане. Так, например, внутри имени могут быть выделены существительные, прилагательные, числительные, местоимения и на границе имени и глагола — отглагольные имена. В составе наречий — две группы: обстоятельственные и изобразительно-экспрессивные слова.

Что касается частиц речи, то они могут сочетаться только с языковыми единицами одного уровня. Иначе говоря, частицы лишены собственных форм словоизменения и словообразования или обнаруживают их в застывшем виде, как например некоторые послелоги.

ЧАСТИ РЕЧИ

ИМЯ

Словоизменение имени

Словоизменительные аффиксы, присоединяемые к именной основе, располагаются в следующем порядке: основа (первичная или вторичная) + аффикс привативности + аффикс числа + аффикс принадлежности + аффикс падежа (или аффикс уподобления).

Формы падежа

Мы рассматриваем некоторые грамматические категории в одном разделе как принадлежность имени вообще. Нет необходимости, скажем, останавливаться на падеже числительного, прилагательного и местоимения в отдельности. Каждый из указанных разрядов имени воспроизводит морфологические черты существительного или по своей природе (местоимение), или вследствие неограниченной возможности функционального сведения одних имен к другим, в данном случае вследствие субстантивации (числительное, прилагательное). То же самое можно сказать и о формах уподобления. Вместе с тем понятно, что частные различия между именами существуют, даже в пределах тех грамматических категорий, о которых мы только что говорили выше.

Своеобразие различных именных разрядов выражается прежде всего в степени обобщенности грамматического признака или в темпе изменения устаревших образований. Чтобы выявить эти отличительные признаки на конкретных примерах, достаточно обратиться к местоимениям. Для падежных форм местоимений характерна бо́льшая подвижность морфологического состава и четкая функциональная разграниченность. Местоимения раньше других частей речи утрачивают устаревшие формы и приобретают новые. Так, например, ни один из памятников восточнотуркестанского языка не обнаруживает в широких размерах следов древних форм орудного к

винительного падежей местоимений, или, наоборот, „стяженного" направительного для существительных (ср. *аңар, ан-ɣар; муңар, мун-ɣар; мӣңӓр, мӣн-гӓр*).

Необходимо также указать на относительную частоту оформления объекта, выраженного местоимением, и почти полное отсутствие оформления у имен существительных (в так называемом неопределенном состоянии).

Перечисленные различия, однако, не настолько существенны, чтобы говорить о наличии для каждого имени своего типа склонения (см.: KSz, XVIII, S. 125). Они не образуют устойчивых границ между отдельными именами, и поэтому разбор тех или иных грамматических категорий или, точнее, их формального выражения, независимо от принадлежности к разным лексико-грамматическим группам слов, является не только практическим приемом, но и следствием учета специфики языковой структуры.

Основной падеж (именительный). Основная падежная форма восточнотуркестанского языка, как и всех других древних и современных тюркских языков, не имеет специального морфологического показателя. Она обладает самыми разнообразными значениями, наибольшее число которых выступает при соединении ее с другими именами, когда простое соположение образует элементарную синтаксическую связь, именуемую обычно примыканием, ср.: *таɣ таш* 'горный камень', *тӧмӱр таш* 'железный камень'.

Функции основной формы имени в предложении вне отмеченных сочетаний определяются выражением подлежащего, прямого и косвенного дополнений, именной части сказуемого и т. д., что и послужило причиной наименования ее в некоторых грамматиках неопределенным падежом.

Примеры употребления основного падежа — XX: *сӓнің барлығыңға танубалық бӧрӱр* 'твоему существованию дает свидетельство' (3), *ӱлӱш болды малы кішілӓр ара* 'было поделено его добро между людьми' (120, см. также XX, 36, 128); MK, I: *ол јол азды* 'он сбился с дороги', *ол таɣ ашты* 'он перешел гору' (173), *бір бічім кавун* 'одна скибка дыни', вместо *кавунның бір бічімі* (395; ср. Сл. Замахшарй, II: *бір будаɣ ӱзӱм*

'одна гроздь винограда', 251), *ол каβук ӧвӓ ілӓmmі* 'он принес дыню домой' (214).

Основная форма имени ввиду отсутствия специальных средств выражения вокатива является также формой обращения. См. XX: *ілӓхӏ бӥӱш хамд ајурмӓн сӧңӓ* 'о аллах, я премного хвалы воздаю тебе' (1), *аја тіl төрӓт мӓдх ӧтӱңіl канӏ* 'о язык, воздай-ка хвалу и почести' (20), *аја шахӏм* 'о мой шах' (29). При этом имя, обозначающее лицо, к которому обращаются, часто присоединяет к себе особую усилительную частицу *а*, — например, Uig., I: *ај моβочлар-а* 'эй, маги!' (7), *т(э)ңрілӓр ілігі-ј-ӓ* 'о предводитель богов' (31); Uig., II: *ӓ ӧмӓк-ӓ* 'о горести' (30); Uig., IV: *ај јӧклӓр-ӓ* 'о демоны!', *ілілӓр ілігі-ӓ* 'о предводитель владык' (12).

Винительный падеж. Форма винительного падежа образуется присоединением к основе аффикса *-нӏ*, *-ні* и выступает синтаксически как прямое дополнение. Как отмечалось выше, эта же функция характерна и для основного падежа.

Функциональное совпадение двух морфологических образований свидетельствует о неодновременности их происхождения и о некотором своеобразии грамматических значений. Было бы правильнее сказать, что сам факт параллельного употребления двух форм привел в конечном итоге к образованию разных оттенков.

Употребление той или другой формы зависит от определенности или неопределенности объекта. Определенным объект считается тогда, когда он выступает в форме принадлежности и непосредственно связан с числительным или местоимением. Определенность объекта делает непременным или, по крайней мере, необходимым оформление его аффиксом *-нӏ*, *-ні*. Примеры. KP: *оβлумӏн* 'моего сына' (19), *бозаβусӏн* 'своего теленка' (38); ЛоОК: *бу кӓтпӏ* 'это чудовище' (3), *шул буβунӏ* 'того марала' (4), *Оβуз каβаннуң јарлӏβӏн* 'приказ Огуз-кагана' (15), *ӓl кӱнін* 'его народ' (19); MK, I: *ол атӏк арпалдӏ* 'он накормил свою лошадь ячменем' (316); XX: *ӧзӱңні* '(ты) себя' (40), *ашӏңӏ* 'твою пищу' (163); USp: *бу јӧрӏлӓрімні* 'эти мои земли' (15).

Оформление объекта аффиксом *-нӣ, -ні* является обязательным также и в тех случаях, когда имеет место большой разрыв между объектом и глагольной формой.

Нарушение указанных норм допустимо чаще всего в поэтических текстах и обусловлено стремлением сохранить единый и постоянный ритм, см. КВ, II: *сӛңа бӛрді бу пӛнт ӛзӱм, ај оӈул* 'этот совет я дал тебе сам, о сын' (27), *сӛңӛ-ок ачармӛн муңум хӛм башӹм* 'открою тебе свои печали и думы' (41); ЛоОК: *сізләргӛ бӛрӛмӛн јуртум* 'вам я отдаю свои владения' (42); XX: *бу кітаб ... чӹкартӹм* 'я создал ... эту книгу' (34), *калӹ кіјсӛң атлас унутма бӛзӱң* 'если наденешь атлас, не забывай свою бязь' (175), *улуӈка кічіккӛ сӛлӛк тут сӛзӱң* 'большому и малому скажи свое чистое слово' (176).

Во всех других случаях прямое дополнение в предложении выступает неоформленным. Примеры. КВ, II: *јашӹл көк јараттӹ јӛмӛ јулдузӹ* 'он создал голубое небо и звезды' (22); КР: *кӛнтір ӛңірӛр* 'сучит коноплю' (8), *јӛтінч күн ӛрд(ӛ)ні алӹп барӹң* 'на седьмой день понесите драгоценности' (28); МК, I: *ол куш учурдӹ* 'он заставил лететь птицу' (176), *ол кабун ӛвӛ ілӛттӹ* 'он принес дыню домой' (214), *ол јаҙ ӛрӱӱрді* 'он растопил масло' (227).

Почти всегда отсутствует оформление объекта при числительном *бір*, придающем повествованию неопределенный, неконкретный характер.

При понудительных формах глагола, когда в предложении выступают сразу два объекта, неоформленным, как правило, оказывается опосредствованный объект, или объект действия, в то время как непосредственный объект, или объект побуждения, получает форму дательного падежа, см. МК, II: *ол аңар бітіг бітіттӹ* 'он заставил его написать документ' (325).

Параллельно аффиксу *-нӣ, -ні* в восточнотуркестанском языке употребляется его разновидность без конечного гласного — *-н*. Эта форма винительного падежа характерна для имен с аффиксом принадлежности 3-го лица. Примеры. ЛоОК: *Оӈуз калканӹн* 'щит Огуза', *кіатнің ічкіјсін* 'внутренности чудовища' (5), *Урум каҕаннуң каҕанлуӈӹн* 'каганат Урум-кагана' (19); МК, II: *ӛр атӹн сатӹндӹ* 'человек, кажется,

продал свою лошадь' (150); XX: *aja шахым ӧртӓмӓрін санаӯн* 'о мой шах; сосчитай-ка его достоинства' (29), *јазуқлуқ кішінің јазуӯн кӧчӯр* 'прощай проступки грешного человека' (167). В позднейших памятниках преобладает другая разновидность рассматриваемого аффикса — *-(i)нї*, *-(i)ні*, степень распространения которой увеличивается по мере продвижения на север, ср. XX, 41, 202.

Старая, архаическая форма винительного падежа, образуемая при помощи аффикса *-ӯ, -і*, наблюдается чаще всего у имен существительных, — например, KB, II: *пајат атї бірлӓ сӧзӯг башладїм* 'с именем бога начал я свою речь' (13), *кӯнӯг кӧр* 'смотри солнце' (77); KP: *тїнлїғлараң ӧлӯрӯр* 'умерщвляет живые существа' (8), *ӓдгӯ ӧкli тӓнінің уза(т)мї* 'доброго мудрого принца он проводил' (21); МК, I: *ол сӧзӯг аңладї* 'он понял слово' (290); МК, II: *кӯн токуқ курїттї* 'солнце высушило одежду' (304); Man., I: *јана ӯғачақ ӧртӓјӯр* 'снова зажигает дерево' (7), *јана камақ тӧмірӓг кӓнтӯ јанчар* 'и еще все железо пробивает сам' (8), *ӓдгӯ номуқ бӧрті* 'он дал хороший закон' (12). Значительно реже она встречается у местоимений. Примеры. KB, II: *јашїл көктӓ ӧрсӓ көр ӧндрӯр сӓӯг* 'если будет на голубом небе, смотри, низвергнет себя' (91); TT, VI: *мӓнің аткаңмак* 'ручательство за меня' (462).

С точки зрения функциональных возможностей форма винительного падежа беднее основной и имеет очень ограниченный круг значений, выступая главным образом в качестве прямого дополнения.

В заключение следует отметить многочисленные случаи совпадения аффикса *-нї, -ні* с усеченной формой притяжательного падежа, — например, Man., III: *анї ӱчӱн* 'из-за этого', 'поэтому' (8), *сізні ӱчӱн* 'ради вас' (37); МН: *бізні ӱчӱн* 'для нас' (10).

Местный падеж. Исследование обширных материалов показывает, что в восточнотуркестанском языке аффикс *-да, -дӓ*, помимо основного значения (место, время), выражал некоторые побочные значения исходного падежа, — например, значение партитива, см. KB, II: *буларда бірісі* 'один из этих' (24, 37), *аj ӧрдӓ башї* 'о предводитель мужей' (70); ЛоОК:

күнләрдә бер күн 'однажды' (букв. 'в один из дней'; 3). Случаи выражения собственных значений исходного падежа не многочисленны, ср. КВ, II: *әшітмәдің әрсә әшіт мәндә сөз* 'если ты не слышал, послушай меня' (19); МН: *төрт улуғ әмәкдә куртулалім* 'от четырех мучений мы желаем избавиться' (2; ср. также Мал., II, 9). Немногочисленны и случаи употребления формы местного падежа в значении направительного, см. Мал., I: *с(әң) нәләй кәлтің бізінтә* 'ты почему пришел к нам' (33).

В послеложных сочетаниях аффикс *-да, -дә* полностью соответствует форме исходного падежа. Примеры. КВ, II: *тұмән йілда бәрү тұл ёрдім тулас* 'я с давнего времени был брошенным вдовцом' (19), *мәнің jok сағінчім мунұңда адін* 'у меня нет другой печали, кроме этой' (112); КР: *анта кін* 'затем' (35); Мал., I: *анта бтрү* 'затем' (9); Tiš.: *анда өтрү* 'после этого' (12); USp: *бүкүнтә кін* 'после сегодняшнего дня' (45).

Генетическая неразделимость местного и исходного значений сказывается на семантической структуре локатива и после образования специальной формы исходного падежа. Так, на почве древнего нерасчлененного значения аффикса *-да, -дә* в восточнотуркестанском языке развивается оттенок дистрибутивности, сближающий данную форму с послелогом *сайі, сайін*, см. МК, I: *күндә їшї jүкәбән jokap ауар* 'с каждым днем его дело возвышается' (320); см. также КВ, II, 29. Эту особенность формы местного падежа П. М. Мелиоранский отмечает и в современных тюркских языках: „Иногда временной местный падеж сам по себе имеет значение 'всякий год, день и т. д.'".[1]

Исходный падеж. Форма исходного падежа образуется при помощи аффиксов *-дін, -дін, -дан, -дән, -дун, -дүн (-тін, -тін...)*, из которых первые две пары характеризуют рассматриваемые памятники с точки зрения их принадлежности различным диалектам. Что касается третьей пары, с огласовкой *у, ү*, то она обязана своим существованием влиянию соот-

[1] П. М. Мелиоранский. Краткая грамматика казак-киргизского языка, ч. I. СПб., 1894, стр. 23.

ветствующего гармонического типа знаменательной части слова и, следовательно, имеет чисто фонетическую природу, ср. ЛоОК: *кӧгӱсӱндӱн* 'из груди' (1), *кӱмӱштӱн* 'из серебра' (28), *урушдуун (соң)* 'после сражения' (30).

Огласовка *а* известна из манихейских текстов, объединяемых по характеру языковых особенностей понятием *н*-диалекта, или уйгуро-огузского диалекта, — ср., например, Man., III: *мунтадан* 'отсюда' (23), *т(ӟ)нрі јӟрін(тӓ)н* 'с божественной земли' (35). Эту разновидность можно проследить также в языке рунических надписей Енисея. В более поздний период она находит широкое отражение в диване тюркских языков наряду с разновидностью на *ı, i*, — например, МК, I: *мӟндӓн* (مَنْدَن) 'от меня' (40), *андан үстӱн* 'выше него' (108), *јолдан азӟтды* 'он сбил с дороги' (155; ср. *јаӈӣдӣн* 'от врага', 520), — а также в Сказании об Огузе, см. ЛоОК: *андан соң* 'после этого' (10), *тојдан соң* 'после тоя' (11), *сӟнӣрдӓн* 'от вас' (12). Впрочем, сказание об Огузе следует исключить из этого перечня, так как смешение в нем букв, обозначающих гласные *а, ӓ* и *ӣ, і*, не позволяет точно установить характер огласовки аффикса.

Таким образом, вокализация аффиксов посредством *а* в зависимости от качества гласного звука в основе и независимо от этого имеет место чаще всего в уйгурских и огузских текстах. Во всех памятниках карлукского происхождения в огласовке формы исходного падежа предпочтительнее употребление узкого звука, ср. KB, II: *мӟніңдін* 'от меня' (27); XX: *мӟндін* 'от меня' (15), *тӟңізтін* 'от моря' ('чем море', при сравнении; 33); КР: *үракӟтін* 'издалека' (24).

Форма исходного падежа — относительно новое образование. Она отсутствует в рунических надписях Орхона и Енисея, где свойственные ей значения, как мы указывали выше, передаются формой местного падежа. В восточнотуркестанском языке эта форма используется довольно часто.

Из основных значений исходного падежа могут быть отмечены:

а) собственно исходное, см. МК, II: *ӟр ӟвдін чӣкдї* 'человек вышел из дому' (17); Man., III: ... *т(ӟ)нрі јӟрінтӓн інті*

'...он снизошел с божественной земли' (35); USp: *онунчы айнӣңтӣн бӧрӱ* 'начиная с десятого месяца' (31);

б) трансгрессивное, см. МК, I: *ок кӱйіктӓн өттӣ* 'стрела прошла сквозь зверя' (171); КВ, II: *ӓт'ӧз ӱлгі барча боӱздӣн кірӱр бу јан ӱлгі чӣн сӧз кул(ӷ)актӣн урур* 'вся телесная пища входит через горло, духовная пища — истинное слово — бьет через ухо' (90);

в) каузативное (причинное), см. XX: *мілӣндӣн төкӱлді тӧлім ӧр канӣ* 'из-за языка пролилось много крови людской' (69), *сӧзӱңтін өзӱңгӓ өкӱнч кӧлмӓсӱн(?)* 'пусть не будет у тебя раскаяния из-за твоих слов' (83);

г) значение временной или пространственной последовательности при сопоставлении двух имен, см. XX: *өлӱктӣн тірӣ хӓм тіріктӣн өлӱг чӓкарур* 'за умершим живого, за живым мертвого извлекает (делает)' (9);

д) объектно-причинное, см. XX: *сӓнің рахматӣңдӣн умармӓн оңа* 'я надеюсь на твою милость' (1);

е) партитивное (ср. в русском языке родительный части: хлеба, чаю и т. д.). Мы не располагаем примерами употребления в восточнотуркестанском языке формы исходного падежа в этом значении, хотя известны некоторые факты, свидетельствующие о возможности существования указанного значения. К их числу можно отнести соответствующие примеры из Мукаддимат ал-Адаб — см. Сл. Замахшарӣ, II: *ауладӣ судӣн* 'он взял пригоршню воды' (108), *судӣн кандӣ* 'он напился воды' (290), *кандурдӣ анӣ судӣн* 'он удовлетворил (напоил) его водой' (291) — к случаи употребления исходного падежа в современных тюркских языках, например в узбекском: *чӓјдан ӓлІб кӧлің* 'принесите чаю', *нӓндан ӓлІб кӧл* 'принеси хлеба'.

К наиболее примечательным особенностям функционирования аффикса *-дӣн, -дін* относится его использование в сочетаниях со словом *сӣңар*, — например, Uig., II: *төртдін сӣңар* 'в четырех направлениях' (37); Uig., III: *кандӣн сӣңар* 'во всех направлениях' (29), *ічтін сӣңар* 'вовнутрь' (30); Uig., IV: *кајудӣн сӣңар* 'в каком направлении' (36). Указанная особенность

охватывает узкую группу слов и представляет своеобразный штамп книжного языка.

Слово *сĭңар* в данной конструкции должно иметь значение 'сторона', 'направление', ср. Uig., III: *төртдĭн jĭңак* 'в четырех направлениях' (27), *таҕдĭн jĭңак* 'в направлении гор' (30); ср. также ҢŠ: *бакĭб байлар сĭңару* 'посмотрев на баев, в сторону баев' (69). Нет никаких оснований видеть в нем особую форму или считать его морфологической частью предыдущего слова, как это делает А. Габен (StO, XIV, S. 13).

При наличии бесспорного соответствия сочетаний *төртдĭн сĭңар* и *төртдĭн jĭңак* и лексической самостоятельности второго члена аффикс *-дĭн, -дĭн* необходимо рассматривать как словообразовательную форму, омонимичную и, возможно, родственную форме исходного падежа, см. Uig., II: *кӱнтĭн jĭңак* 'южное направление' (45); AIT: *кӱнтӱн таҕтĭн* 'южный и северный' (26); ЛоОК: *кӱндӱнкі* 'южный' (33).

Ничего общего с этим случаем не имеет употребление комплекса *сĭңар* в составе слова *ортусĭңару*, которое М. Рясянен справедливо считает формой направительного падежа от *орту, орту-сĭ-н-ҕару* (JSFOu, L, pp. 8—9).

Дательный падеж. Аффиксом дательного падежа, независимо от структуры морфологических наращений основы, является *-ҕа, -гä, -ка, -кä*. Примеры. КР: *тӓлінкä* 'принцу', *jĕркä* 'земле', 'месту' (15), *сізіңä (сізін-гä)* 'вам' (28); ЛоОК: *šlчiläрiнä* 'его послам' (12), *таҕнуң адаҕĭҕа* 'к подножию горы' (15), *балукка* 'к городу' (20).

Употребление слитных форм, обычно рассматриваемых как принадлежность южных и западных языков, исчисляется единичными случаями, см. КВ, II: *оҕлума* 'моему сыну' (27), *көңlумä* 'моему сердцу' (99); XX: *достĭна* 'его другу' (130); ср. Теф. (СВ, VI): *ӟвінä* 'в свой дом', *ajакĭна* 'на свои ноги', *ідімä* 'моему владыке' (27); AQJB: *атамĭза* 'нашему отцу' (36), *атасĭна* 'своему отцу' (37); МР: *тӓңізінä* 'в его море' (255).

Аффикс *-ҕа, -гä (-ка, -кä)* у местоимений (в единственном числе) часто сохраняет конечный *р (-ҕар, -гär, -кар, -кär)*, например: КВ, II: *мӓңär (мӓң-гär)* 'мне' (33), *муңар* 'на это' (81); МК, I: *аңар* 'ему' (177).

Обычными значениями формы дательного падежа являются:

направительное — KP: *ōтрӱ оӷлӣ тӓлінкӓ інчӓ тӓп ӂ(а)рлӣӷӷадӣ* 'затем так приказал своему сыну, принцу' (15), *ол бӓш йӱз ӧр камуӷун ол көрмӓс јӧрчіӷӓ ōтӱнтілӓр* 'те 500 мужей молились все тому слепому путнику' (19), *ічім тӓлінкӓ сӓвдр ӧрті* 'он любил моего младшего брата, принца' (30);

значение цели — MK, I: *бӧі авка чӓктї* 'бек вышел на охоту' (81);

объяснительное — USp: *улакка бӧрдім* 'за подводу дал я', *улак тӧріӷӓ бӧрдім* 'я дал в качестве платы за телегу' (31), *ӂілан ӂілкї калапка ӧлчіӷӓ бӧрмішім* 'в год змеи в качестве подати я дал послу' (38);

местно-временное — Малов—Бартольду: *төртӱнч ај токуз одузка* 'четвертого месяца 29 (дня)' (390), *Арам ај бір јаӈїка* 'в месяц Арам первого (дня) нового месяца' (391);

значение прямого объекта или посредствующего субъекта при глаголах в понудительной форме — MK, I: *ол аӈар сув ічӱрді* 'он заставил его напоить водой' (177).

Исходным для аффикса *-ӷа...* мы считаем аффикс *-ӷару*, значительно видоизменившийся вследствие ряда фонетических преобразований, которые можно охарактеризовать в целом как утрату одного из слогов или последнего гласного звука.

К указанному аффиксу, по-видимому, восходит и аффикс *-(а)ру*, встречающийся главным образом в текстах южного (огузского) происхождения, см. AQJB: *канчару* 'куда' (17); CD: *јокару* 'вверх', *ічарӱ* 'внутрь', *аӈару* 'туда', *канјару* 'куда', 'докуда', *іларӱ* 'вперед' (161).

Особое происхождение имеет аффикс *-ра, -рӓ*, сохраняющийся в составе служебных слов и наречий, см. MK, I: *асра, ісрӓ* (126), *ічрӓ* (367), *ташра, тӧгрӓ* (424).

Аффикс *-ра* передавал только направительные значения, в то время как содержание аффикса *-ӷару* было несколько шире. После распадения *ӷару* (на *ӷа (ӷар)* и *ру*) последний компонент его контаминировался с аффиксом *-ра* и сузил значение. Напротив, первый компонент расширил свои функции.

Первоначальное (направительное) значение древней формы дательного падежа прослеживается преимущественно в манихейских текстах. Примеры. Man., III: *күнбатс(ї)кїңәару* 'на запад' (9), *сізінгәрү* 'вам' (24), *кутуңүзәару* 'вашей святости' (25), *өзүңүзгәрү* 'самим вам' (27), *өзүтгәрү* 'к душе', *ханқәару* 'к хану' (31), *ордусїңәару* 'в ставку (правителя)' (32), *үйәурқәару* 'к уйгурам' (40); KP: *бірігәрү бап* 'связав в одно (воедино)' (39).

Притяжательный падеж. Едва ли оправдывает себя выделение в восточнотуркестанском языке притяжательного, или относительного, падежа, так как аффикс *-нїң*, рассматриваемый как показатель этого падежа, является всего лишь одним из средств выражения двусторонней связи имен, сочетающихся в форме основных падежей, — например, ЛоОК: *үйәурнїң каған*ї 'каган уйгуров' — *үйәур(-нїң) каған(-ї)* (12). Употребление аффикса в первом члене „изафета" носит плеонастический характер, и вполне допустимое опущение его не влечет за собой существенных преобразований.

Отсутствие аффикса *-нїң*, *-нің* возможно при любом оформлении основы, ср. KB, II: *сөз аскї* 'польза слова' (31), *будун тілі* 'язык народа' (94); MK, I: *ідімізә јарлїуї* 'приказ нашего повелителя' (87), *көңлүм ічүн өртәді* 'он жжет „нутро" моего сердца' (245), *алплар башїн тоқрадїм* 'я сек головы героев' (125). Отсюда можно предположить, что возникновение рассматриваемой формы было связано с необходимостью усиления субъектной части (субъект владения) в тех случаях, когда все сочетание имело поссесивный характер. Ср. *бәг-нің ат*ї 'бек (принадлежность) — лошадь (его)' = 'лошадь бека'.

Примеры, допускающие трактовку *-нїң*, *-нің* как падежной формы, немногочисленны, см. KP: *мәнің ӟітә* 'в моей стране' (15); MK, III: *бізің ӟв* 'наш дом' (370), *мәнің карїн тодтї* 'я наелся' (букв. 'мой живот насытился') (439); XX: *улуғлуғ мәнің сіз алїнман тәді* 'не лишайте меня (не берите) моего величия, сказал' (140). Нетрудно заметить, что все они содержат в качестве первого члена местоимения 1-го и 2-го лица. Таким образом, о притяжательном падеже в восточнотуркестанском языке можно говорить, имея в виду только местоимения.

Функцию форматива I уместно сравнить с ролью местоимения *ол* в обычном предикативном сочетании. Близость того и другого подчеркивается их положением в конечной позиции. Разумеется, случаи типа *дамӣ кӣзӣл ӡв* 'дом с красной крышей' или *дамӣ јанан ӡв* 'дом с горящей крышей', отмечаемые Ж. Дени в современном турецком языке и широко распространенные в древних языках, — ср. Сл. Замаҳшарӣ, II: *тізігӣ тӡінчӑ ak at* 'до колен белая лошадь' (272), *јӱзінің бір јанӣ ak at* 'лошадь, у которой одна сторона морды белая' (277), — представляют результат позднего развития тюркского „изафета".

Учитывая относительно позднее появление морфологических показателей в поссесивных конструкциях, мы рассматриваем сочетания типа *бӡг atӣ* 'лошадь бека', *баш aғрӣӡ* 'головная боль', *арӣ јаӡӣ* 'жед', часто встречающиеся в восточнотуркестанских текстах, как наиболее древние. Путь развития их схематически, с учетом дополнительных преобразований, может быть представлен следующим образом:

У существительных	У местоимений
**бӡг at*	**мӡн at*
бӡг at-ӣ	**мӡн at-(ӣ)-мӡн*
бӡг-н-ің at-ӣ	*мӡн-ніӊ at-ӣм*
	мӡн(н)ің at

Данная схема не учитывает связи формальных преобразований с семантическими особенностями составляющих изафетное сочетание компонентов. Не углубляясь в детали,[2] отметим, что в зависимости от этого обстоятельства конструкции типа *бӡг atӣ* и типа *бӡнің atӣ* становятся синхронными (передавая разное содержание). Первая конструкция служит целям квалификации определяемого предмета как родового понятия с видовым признаком. Вторая конструкция характеризует предмет со стороны его принадлеж-

[2] См.: А. К. Боровков. Природа „турецкого изафета". Сборник в честь Н. Я. Марра, Л., 1935, стр. 165—177; С. С. Майзель. Категория уникальности и плюральности. Труды МИВ, № 4, М., 1947, стр. 7—31.

пости или качественного отношения к другому предмету и, кроме того, имеет значение партитива, — например, *кішіларнің барчасі* 'все люди', букв. 'все из людей'; *кішіларнің бірісі* 'один из людей'. Существенное различие партитивной и посессивной разновидностей полного „изафета" заключается в том, что первая из них обратима, ср. *кішіларнің барчасі* ~ *барча кішілар*, *кішіларнің бірісі* ~ *бір кіші*, в то время как для второй возможность обратимости исключена.

Употребление полной формы аффикса *-нің* — черта, свойственная главным образом восточнотуркестанскому языку. По этому поводу В. В. Радлов пишет: „Форма *бізің* редко встречается в джагатайском языке, где обыкновенно употребляется *бізнің*, между тем как *бізің* — форма, употребительная в западных и южных наречиях" (ЯТ и ЯТК, 26).

У местоимений в восточнотуркестанском языке притяжательный аффикс одинаков для всех лиц и имеет форму *-нің*. В западных языках форма притяжательного аффикса для 1-го лица единственного и множественного числа — *-їм*, *-ім*, *-ум*, *-ӱм*, ср. Houtsma: *манӱм* 'мой', *бізӱм* 'наш' (36); Telegdi: *бізім* 'наш' (292); для 2-го и 3-го лица — *-їң*, *-ің*, *-їн*, *-ін*, ср. Houtsma: *сӓнін* 'твой', *анїн* 'его', *сізін* 'ваш', *анларнїн* 'их' (36).

Орудный падеж. В текстах восточнотуркестанского языка и во всех других памятниках, примыкающих к древнейшим письменным источникам тюрок, имеет место использование особой формы орудного падежа на *-їн*, *-ін*.

Основные значения аффикса *-їн*, *-ін*:

псевдокомитативное — КР: *м(ӟ)н улуғ көзӱшін бу чінтамані ӷрд(ӓ)ні алїп сізіңӓ бушї бӟрӱрмӓн* 'с большим желанием я подарю вам это сокровище' (?) (26); КВ, II: *бӱнчӱн сїҕїт бірлӓ јїғлап ӧкӱн* 'кайся, плача с печалью и раскаянием' (117); МН: *ӧрӱнчлігін ӟралім* 'поживем-ка с радостью (в довольстве)' (22);

значение посредства — КВ, II: *јашїл көк бӟӓдің тӱмӓн јулдузїн* 'ты украсил голубое небо тысячами звезд' (14); Man., I: *нӓң ӓт'ӧз с(ӟ)вінін увутсуз ішіг сӱрӱумаз* 'нельзя делать через телесную любовь бесстыдное дело' (16);

орудное — KB, II: *bilingiz sözin öz başïn jöjür* букв. 'невежда словом ест свою голову' (26), *milin ämäniš ör nägü tär išitt* 'послушай, что говорит человек, измученный языком' (25); USp: *bu bitinki män Buyan-Tämür öz ölïn bitijü tägirtim* 'этот документ я, Буян Тимур, написал своею рукой' (15);

псевдоорудное — KB, II: *bu jaŋlïγ tabuγïn jïlïndï ajun* 'услугой, подобной этой, согрелся мир' (20), *tabuk kïl uγanda tünün kün* 'служи богу днем и ночью' (109).

В XI—XII вв. форма орудного падежа утрачивает словоизменительные функции, трансформируясь в особый словообразовательный тип, выделяющий одну из групп наречий. Выразителем всех перечисленных выше значений становится послелог *birlä*, см. ЛоОК: *bälbaγï birlä* 'своим поясом', *čubuγï birlä* 'своим прутом' (4), *kïlïč birlä* 'мечом' (5). Следует, однако, заметить, что аффикс *-(ï)n*, *-(i)n* никогда не передавал собственно комитативного значения, типичного для послелога *bilä ~ birlä*. Поэтому было бы неправильно рассматривать последний в плане последовательной преемственности функционального содержания орудной формы. Иначе говоря, аффикс *-ïn*, *-in* и послелог *birlä* — разные по своему значению образования, и переход первого из них в разряд непродуктивных словообразовательных средств только способствовал расширению содержания последнего.

В памятниках, относящихся к южной группе или обнаруживающих влияние последней, наряду с указанными образованиями широко распространена форма орудного падежа на *-la*, *-lä*. Примеры. AQJB: *bizümilä* 'с нами' (14), *ililä*, *ilin* 'рукой', *dilin* 'языком' (21); 'Äsyqpäsä: *ol baktïn* 'тогда', *bu käzin* 'на этот раз' (15) (в последних примерах мы имеем дело уже с окаменевшей грамматической формой). Орудный падеж на *-la*, *-lä* был известен и восточнотуркестанскому языку, тем не менее он не являлся в нем ведущим образованием.

Следует также отметить наличие в восточнотуркестанском языке надежной формы предела-уподобления с аффиксом

-ча, -чӣ (ср. *-ҕача, -ҕачӣ*), хотя эта форма становится общеупотребительной в более поздний период (XIII—XVI вв.).

Чаще всего аффикс *-ча, -чӣ* присоединяется к отглагольным именам на *-мак, -мӓк* и *-ҕу, -ҕӱ*, оформленным аффиксами принадлежности 3-го лица. В целом эта форма придает одному действию значение конечного предела другого действия. Примеры. KB, II: *бу ӓр ӧлмӓгінчӓ ӧрімӓс кірі* 'пока не умрет этот муж, не исчезнет его грязь' (81), *ӧлӱм тутмаҕӣнча* 'пока не схватит смерть' (82); KP: *оҕлум савӣ ӧдӱ јавлаҕ білӱргінчӓ кӣнлӣкта јатсун* 'до тех пор, пока не сообщит (второй мой сын) хорошего или плохого, пусть он пребывает в заключении' (32); USp: *ӧшӓкні бӧргінчӓ бу јӧјімні јӧсӱн дӧп нӣшан чізіп бітіı бӧрдім* 'сказав: „пока не отдам ишака, пусть ест этот мой корм", — я сделал знак и дал документ' (3).

Форма предела турфанских текстов типа *јӧтмішінчӓ* 'достигая' (USp: *кӱчі јӧтмішінчӓ карӣшӣкланӣп* 'насколько хватило сил смешавшись', 43) находит соответствие в узбекском *јӧтгӓнічӓ*, с различием, заключающимся в использовании неодинаковых с точки зрения принадлежности разным языковым группам причастий прошедшего времени: *јӧт-кӓк* и *јӧт-міш*.

Возможно также образование форм предела от отглагольного имени на *-дук, -дӱк, -тук, -тӱк*, — см. XX: *улуҕ болдуҕунча тӱзӱнрӓк болуп* 'став лучше до того, как вырастешь' (176), *кӱні кӓлтӱгінчӓ хаӣр кӓтгӱлӱк* 'пока придет истина, уйдет доброта' (193), — встречающееся чаще всего в текстах южного происхождения, ср., например, 'Āśyqpāšā: *вардӣҕӣнча* 'пока он не пошел' (18).

Довольно редким является употребление аффикса *-ча, -чӣ* с причастием на *-ӱр (-гӱр?)*, см. Man., I: *калтӣ от отунлуҕ күјүгӱрчӓ* 'подобно тому как горит в огне сухое топливо' (17).

Характерно, что многие из приведенных выше падежных образований не выражают никаких значений. Будучи омертвевшими для данного рода синтаксической связи, — например, в послеложных сочетаниях или отдельных словах, когда

одна падежная форма сочетается с другой, — они выступают лишь как формы управления. Примеры. KB, II: *анīңсīз* 'без него', *караҕа тӣгі* 'до черного (до земли), (14), *мӣнің-дін* 'от меня' (27), *бізіңдӣ* 'нам' (70); KP: *мунтуда jӯғрāк* 'лучше этого' (23); AIT: *бізнітāғ* 'подобно нам' (15); Map., III: *бізні ӱчӱн* 'для нас' (6), *анī ӱчӱн* 'из-за этого', 'поэтому' (8), *сізні ӧзӧ* 'через вас' (9), *анта ічрӣ* 'внутри него' (10), *ікі jігірмі тӣңрі кӧркінӣн бірlӣ* 'с двенадцатью божественными девами' (16), *акта кін* 'после этого' (19); Suv.: *бізіңӣ* 'нам' (443); Tiš.: *jӱз кӱзгӣ тӣгі* 'до ста осеней', (4), *анта ӧтрӱ* 'после этого' (12); Uig., I: *оларнӣ бірlӣ* 'с ними' (6); Uig., II: *кīлīнчта ӧткӱрӱ* 'через действие' (7); Uig., IV: *сӣнтӣдӣ адīн* 'кроме тебя' (36); USp: *таңтака тӣгі* 'до завтра' (9), *мің jīл тӱмӣн кӱнӣ тӣгі* 'навечно' (13).

Наиболее примечательными из приведенных форм являются те, присоединение которых в каждом конкретном случае связано с образованием промежуточной или посредствующей формы, ср. *анīңдīн* 'от него', *сӣніңдін* 'от тебя'. Двойственность формальных наращений проливает свет на явление так называемого вставочного *н*, выступающего в группе локативных падежей, см. KP: *сізіңдӣ (сізінӣ)* 'вам' (19, 26), *башīнта (кī)* 'находящийся на голове' (30), *талуj ічінтӣ* 'в море' (29); MK, I: *оғлīңа* 'своему сыну' (180), *ӟвіңӣ* 'к своему дому' (514). Можно предположить, что указанный звук является остатком древней падежной формы, тем более, что возможность употребления последней в послеложных сочетаниях не вызывает сомнений, ср. Map., III: *анаң көңӱлін ічрӣ* 'в его сердце', *jӱзӱн отру* 'перед его лицом' (22); Suv.: *ікін ара* 'между двумя' (9, 32, 67).

Учитывая сказанное выше, можно сделать следующий вывод: парадигма склонения имени, восстанавливаемая при учете падежных форм, встречающихся в текстах восточно-туркестанского языка, отражает один из переходных этапов развития этой категории в тюркских языках, ср.:

им. —

вин. *-нī, -ні (-їн, -ін, -їнī, -іні)*; *-їҕ, -іг, -аҕ, -āг*;

местн. *-да, -дā, -та, -тā*;

исходн. *-дӣн, -дін, -дан, -дән, -дун, -дүн, -да, -дә* (и варианты с глухим начальным согласным);

дат. *-ға, -гә, -ғарӣ, -гәрі, -ғар, -гәр* (и варианты с глухим начальным согласным);

притяж. *-нӣң, -нің, -нуң, -нүң*;

орудн. *-ӣн, -ін, -ун, -үн*.

Приведенные формы оказываются большей частью новейшими, и только формы винительного падежа на *-ӣғ, -ігі* и орудного падежа на *-ӣн, -ін*... могут быть признаны древними образованиями.

Формы числа

Форма единственного числа — „нудевая".

Множественное число во всех текстах и для всех частей речи выражается при помощи аффикса *-лар, -лär*, — например, МК, I: *капуғлар* 'двери' (239), *бәгlär* 'беки' (285); Suv.: *mәгінlär* 'принцы' (609). Иногда выступают и другие аффиксы множественного числа, например *-(a)н, -(a)т*.

На существование аффикса *-(a)н* указывали в свое время К. Грёнбех, А. Габен, Д. Синор[3] и др. Так, А. Габен приводит три примера употребления рассматриваемого аффикса: *оғ(у)лан* 'юноши', *ӗрän* 'мужчины' и *ӧртän* 'огни'. Д. Синор дополняет этот ряд словом *кīркун* (китайское наименование киргизов) и склоняется к такому же объяснению слова *копан* 'все' (*коп-ан*).

В восточнотуркестанском языке встречаются две-три формы множественного числа, образованные при помощи аффикса *-ан, -ӓн*. Примеры. МК, I: *ӗрän* 'мужчины' (76); КВ, II: *аjунда нӓ jаңлығ ӗрän туғдӣ көр* 'что за мужи родились в этом мире, посмотри' (28); XX: *сүңäккä jілікtäк ӗрängä білігі* 'для мужа знание, как для кости мозг' (44); КР: *бізің бӧш jүз ӗрän канча бардӣ* 'куда отправились наши пятьсот мужей' (29; ср. КР., 19: *бӧш jүз ӗр*).

[3] K. Grönbech. Der türkische Sprachbau. Kopenhagen, 1936, S. 58; A. Gabain. Alttürkische Grammatik, S. 61; D. Sinor. On some ural-altaic plural suffixes. AM, NS, vol. II, pt. 2, Leipzig, 1951, SS. 208—210.

По свидетельству Маҳмӯда Кашгарского (МК, I, 74), уже в XI в. *оғлан* и *ӧрӓн* использовались для выражения единственного числа, хотя эквивалентными им он считает формы *оғуллар* и *ӧрӓн*. При этом первые оцениваются автором дивана как необычные образования: „... это не в соответствии с правилом, так как по правилу признак множественного числа — *-лар, -lӓр*" (МК, I, 35).

В одинаковом положении с *-(a)н* находится аффикс *-(a)т*,[4] см. Uig., III: *tӧrtimlӓr (tӧrtin)* 'принцы' (24, 42); МК, I: *tӧrit* (355), ср. форму *тарқат (тарқан)*, которая, по убеждению П. М. Мелиоранского, в древнетюркском языке неразложима (ПКТ, 80). Третий пример употребления аффикса *-(a)т*, который приводит Д. Синор, — в слове *сӱт* 'молоко', ср. (?) монг. письм. *sӓn* 'молоко'. Он пытается также выделить показатель множественного числа в восстанавливаемой форме *тӱркӱт*, являвшейся жужаньским наименованием тюрок.[5]

В 1884 г. Б. Мункачи высказал предположение о существовании в древних тюркских языках и, следовательно, в восточнотуркестанском языке третьей формы множественного числа (resp. kollektiva) — с аффиксом *з*, ставшим в настоящее время составным элементом различных морфем. Согласно этому предположению, указанный аффикс прослеживается в словах, обозначающих парные предметы, живые существа или части тела, — например, КР: *кӧз* 'глаз' (31); АІТ: *кӧгӱз* 'грудь' (24), *мӱӱз* 'рога' (28); МК, II: *омуз* 'плечи', *ікіз* 'двойня', 'близнецы', *тіз* 'колени', *мӱӱз* 'рога' (327); КВ, II: *јодаз* 'голени' (67), ср. Алт.-русск. сл.: *јодо* 'голень' (176).

Следующим аффиксом множественности, обнаруживаемым в восточнотуркестанских текстах, является *-гӱн*. Однако случаи употребления его единичны, а выражаемое им значение — довольно неопределенное.

---

[4] Большое количество примеров использования аффикса *-(a)т* с губной огласовкой собрано А. Габен, см.: A. Gabain. Alttürkische Grammatik, S. 63 (*оғлақут* 'герои', *ұруғут* 'воины', *бағақут* 'богачи', *тақшут* 'стихотворения').

[5] D. Sinor. On some ural-altaic plural suffixes, ук. соч., стр. 214.

Как видно из изложенного выше, аффиксы *-ан, -ат, -гӱн* являются непродуктивными словообразовательными элементами; единственное продуктивное морфологическое средство выражения множественного числа — аффикс *-лар, -лär*.

Перейдем к обзору значений, выражаемых формами единственного и множественного числа.

Анализ текстов позволяет сделать вывод, что форма единственного числа, помимо значения единичности, содержит понятие рода,[6] парности, собирательности и множественности, ср. КР: *jӛміш сӛгӱт* 'фруктовые деревья' (*... jӛміш сӛгӱт ӛзӛ бірär чӣңартқу асӣң* '... повесьте на фруктовые деревья по одному колокольчику'; 39); ЛоОК: *адаҕӣ* 'его ноги', *сачӣ* 'ее волосы' (9), *ат* 'лошади' (*... jӱклӛмäккä кӛлдӱрмäккä ат каҕатӣр уд азлӣк болдӣ* '... для погрузки и доставки грузов лошадей, мулов и волов было мало'; 31); МК, I: *тӱтӱ чӛчäк* 'разные цветы' (179), *бӛгläр атӣн арӷуруп...* 'беки, утомив лошадей...' (486); МК, III: *отуң* 'дрова' (351), *jӱң* 'шерсть' (361).

В отличие от последней, форма множественного числа выражает преимущественно множественность.[7]

Параллелизм в употреблении форм единственного и множественного числа может быть проиллюстрирован примерами из эпических отрывков первого тома дивана Маҳмуда Кашгарского, из уйгурского варианта сказания об Огузе и т. д.

---

[6] Ср. в связи с этим примеры Т. Ковальского: *атӣң бірі* 'лошадь' — представитель рода, *атларӣң бірі* 'лошадь' — представитель группы данных лошадей. — T. Kowalski. Zur semantischen Funktion des Pluralsuffixes -lar, -lär in den Türksprachen. Kraków, 1936, s. 7.

[7] В данном случае отличие не такое уж существенное, и поэтому можно согласиться с утверждением Т. Ковальского, что содержание обеих форм до известной степени совпадает. Справедливо также замечание, относящееся к современным языкам и устанавливающее в них для аффиксов *-лар, -лär* развитие значения единичности: 1) при оттенках ласкательности, уменьшительности; главным образом в поэзии; 2) при выражении почтения (Pluralis maiestaticus); 3) при обозначении времени и передаче отвлеченных понятий; 4) при своеобразном выражении категории определенности. — T. Kowalski. Zur semantischen Funktion..., стр. 7—14.

Форма единственного числа	Форма множественного числа
1) единичность — КР: *эдиӱ ӧкӏі тӓгінӟ* 'доброго привца' (21);	1) —
2) парность и множественность — ЛоОК: *адаӈӣ* 'его ноги' (2), *анӈ сачӣ* 'ее волосы', *анӈ тіші* 'ее зубы' (9), *ӱч кӱмӱш ок* 'три серебряных стрелы' (36); МК, I: *мің ніші* 'тысяча человек' (243); КР: *ікі кӧз* 'два глаза' (31);	2) ЛоОК: *кӧзӏдӣрі* 'его глаза' (1); Man., I: *булар* 'эти'(21); Man., III: *тӓгімӏдӣр* 'привцы' (34); МК, I: *капуӷлар ачаӏшдӏ* 'двери открылись' (239), *бӓлдр сӓмӱл атланур* 'сытые бекя сядятся на лошадей' (285); XX: *дӓлілдӣр мің* 'тысяча доказательств' (4); Suv.: *бу ӱч тӓгінӟдӣр* 'эти три привца' (609);
3) понятие рода — МК, I: *кіші ара кірдім* 'я вошел в среду людей' (87); ЛоОК: *нік ав авлаја турур ӧрді* 'охотился на кийиков' (2);	3) МК, I: *алплар арӏӷ алкӏшур* 'герои отлично сражаются' (237), *кушлар нібі ӱчӏмӟ* 'как птицы мы летели' (483), *ішлар ӱзӱп кӟчӱрӟйн* 'они прервали (его) дела' (522);
4) собирательность — МК, I: *будун камуӷ* 'весь народ' (239), *тӓлім ӱзӱм* 'много винограда', *тӓлім тарӏӷ* 'много проса' (514); ЛоОК: *кӧп алтун кӱмӱш* 'много золота и серебра' (21).	4) ЛоОК: *кӧп мӱрӓнӟдӣр* 'много рек' (3), *кӧп кікӏдӣр* 'много кийиков' (88); МК, I: *каклар камуӷ* 'все сухие земля' (179), *олар камуӷ* 'они все' (241), *тӓлім башлар* 'много голов' (397).

Сравнение примеров, приведенных выше, показывает, что различия в значении форм единственного и множественного числа в восточнотуркестанском языке не более как зачаточные. Вместе с тем отсутствие примеров, где аффикс *-лар* мог бы выступать со значением единичности, свидетельствует о том, что выделение его явилось следствием насущной языковой потребности в формальной дифференциации значений единственного и множественного числа.

Следовательно, то, что неоформленное имя воспроизводит любое значение аффикса *-лар*,[8] можно объяснить как пережиток его первоначальной многозначности. В том же, что аффикс *-лар* лишен значения единичности, необходимо видеть результат усиливающейся специализации формы единственного числа.

[8] Ясно, что это не распространяется на случай так называемого pluralis maiestaticus.

Большой интерес представляет исследование вопроса об употреблении аффикса *-лар, -лär* в конструкциях тюркского „изафета". Если обозначить первое имя буквой *А*, а второе — буквой *Б*, все возможные случаи выражения множественного числа в „изафете" можно представить в следующей схеме:

1) *А* + *-лар* *Б* + *-лар*
2) *А* *Б* + *-лар*
3) *А* + *-лар* *Б*

Рассмотрим каждый случай в отдельности. Двустороннее употребление аффикса *-лар*, являющееся вообще редким, имеет место при передаче множественности как в определяемой, так и в определительной части, а также в случае одностороннего выражения множественности, см. ЛоОК: *ӟl kӱnlärnің kӧӊӱllärідä* 'в сердцах людей (народа)' (19), *чӟрілärнің араларїда* 'в войсках, среди войск' (18). Ср. ниже *чӟрігнің тапукларїда* 'перед войском'.

Употребление *-лар* только у определяемого члена связано с необходимостью одностороннего выражения множественности или имеет специальное назначение, сближающее его со словообразовательным элементом. Примеры. а) ЛоОК: *ануӊ достларї* 'его друзья' (34); МК, I: *ата анаӈнің савларїнї кадїрма* 'советы родителей не отвергай' (508); б) ЛоОК: *чӟрігнің тапукларїда* 'перед войском' (17, 25), *бӧрінің артларїн катаӷлаб* 'следуя за волком' (17).

Третий случай допускает преимущественно двустороннее выражение множественного числа. Примеры. КВ, II: *кӧзї ток кіші болдї байлар башї* 'довольствующийся человек стал предводителем богатых' (230); МК, I: *алплар башїн тоӷрадїм* 'я сек головы героев' (125), *таӷлар башї кӟртілӱр* 'надскаются вершины гор' (160), *таӷлар башї ілärді* 'вершины гор смутно показались' (179), *таӷлар сувї акїшдї* 'стекались горные воды' (186). Как видно из примеров, в последнем случае определяющий член очень часто выступает в форме основного падежа.

Арабские формы множественного числа в восточнотуркестанском языке утрачивают свою грамматическую специфику

и присоединяют к себе аффикс *-лар, -лӓр* наравне со всеми непроизводными формами, ср. КВ, II: *халайықларығ* 'людей' (93; араб. خَلَائِق от خَلِيقَة).

Формы уподобления

Особое место в ряду морфологических средств, характерных для имени, занимает аффикс-послелог *-дағ, -дӓг*, обозначающий объект сравнения. Примеры. КВ, II: *Кӧгӓл-Ғазықантӓг* 'как Кызыл-Гази-хан' (18), *төрӓтті тіläктӓг төзӱ аламығ* 'создал по желанию весь мир' (22), *кӓліндӓг* 'как невеста' (49), *сӧнідӓг кӧчӱргӓj сӧн анұ кӧчӱр* 'как он тебе простит, ты (так же) прощай его' (109); ЛоОК: *ұл адаұығдағ* 'подобно ногам быка', *аduғ көкӱзіндӓг* 'подобно груди медведя' (2), *ӱнjүдӓг* 'словно жемчуг' (9); ХХ: *jіlантӓг бу аjун* 'этот мир подобен змее' (105); Man., III: *күн тәңрітӓг* 'подобный богу-солнцу' (45).

Следующий уподобительный аффикс — *-ча, -чӓ*, см. Man., III: *калтӣ арслан ӧкӱзӱг бӧрі коjінка ӧпӱнӱ кӓлірчӓ...* 'подобно тому, как нападает (?) лев на быка, волк на овцу...' (11), *ӧзінің̇чӓ* 'как свою' (22), *күн тәңрічӓ* 'как бог-солнце' (33). Аффикс *-ча, -чӓ*, прослеживается широко только в манихейских текстах и, очевидно, является особенностью уйгуро-огузского диалекта, из которого происходит также послелог *кібі* (см. МК, III: *анің̇ кібі* 'как он', 119), выражающий аналогичное значение.

Третий аффикс уподобления — *-сіг, -сі*, см. КВ, II: *адӱрмас ма бӧгсіг jа кулсіг кіші* 'не различают человека как бека и как раба' (76); МК, III: *кулсіг ӧр* 'мужчина, похожий на раба', *бу карї ол оғлансіг* 'этот старик, как тот юнец', *бу ӧр ол бӧгсіг* 'этот мужчина, как тот бек' (128).

В диалектах кыпчакской группы аффиксу-послелогу *-дағ* соответствует аффикс *-лаj, -läj*, см. МР: *куртлаj* 'подобно червю' (253), *бузовлаj* 'подобно теленку' (256), *кӱмӱшläj* 'как серебро' (270), *ӧтмäкläj* 'как хлеб' (276). Формы уподобления на *-лаj, -läj*, — точнее, их разновидность с огласовкой конечного согласного (*-лаjу, -läjӱ*), — представлены и в восточно-

туркестанском языке, см. KB, II: *adïɣlajy* 'словно медведь' (64); MK, I: *böplājÿ* 'подобно волкам' (*uлïшïб ɔ̈ран böplājÿ* 'завыли мужи подобно волкам'; 189), *kšlŋizlājÿ* 'подобно бурным ручьям' (343). Обычным для языка кыпчаков наряду с аффиксом *-лаj, -lāj* является аффикс-послелог *-даj, -дāj*, — например, MP: *хÿндāj* 'как солнце' (252), — получивший в результате тесного и продолжительного взаимодействия западных (кыпчакских) диалектов с восточнотуркестанскими широкое распространение в староузбекском и, позднее, в узбекском языке.

Формы принадлежности

В восточнотуркестанском языке имена принимают следующие аффиксы принадлежности:

ед. ч. 1 л. *-(ï)м, -(i)м; -(y)м, -(ÿ)м; -(ɔ)м, -(ɔ̄)м*
2 л. *-(ï)ŋ, -(i)ŋ; -(y)ŋ, -(ÿ)ŋ; -(ɔ)ŋ, -(ɔ̄)ŋ*
3 л. *-сï, -сi* (после гласных): *-ï, -i*
мн. ч. 1 л. *-мïз, -мiз (-бïз, -бiз)*
2 л. *-ŋïз, -ŋiз; -ŋyз, -ŋÿз*
3 л. *-сï, -сi; -ï, -i*

Достаточно самого поверхностного обзора последних, чтобы убедиться в том, что все они восходят к личным местоимениям. При этом некоторые притяжательные аффиксы сохранили тесную связь с местоимениями, тогда как другие претерпели существенные изменения.

Единственное число. 1 л. — *ташïм* [*таш-ïм* < *таш-(ï)-мāн*] 'мой камень'. Ср. в татарском языке сокращение формы настоящее-будущего времени: *бара-м* < *бара-мāн*.

2 л.—*ташïŋ (таш-ïŋ)* 'твой камень'. Сближению *ïŋ (iŋ)* с местоимением *сɔ̄н* препятствуют два обстоятельства: отсутствие начального *с* и различие в качестве конечного согласного. Можно предположить, что звук *с* выпал в результате позиционного столкновения с другим согласным и что у основ, оканчивающихся на гласный, усеченная форма закрепилась по аналогии. Различие конечных *ŋ* и *н* не требует специального объяснения. Достаточно вспомнить о проявлении аффиксального *ŋ* в составе глагольной формы настоящего времени, —

например, в современном татарском языке, ср. *бара-сың* 'ты идешь'.

3 л. — *ташы (таш-ы)* 'его камень', *анасы (ана-сы)* 'его мать'. Известны случаи, когда в качестве выразителя предикативности выступает указательное местоимение 3-го лица *ол*. Использование *ол* вместе с местоимениями *мын* (1-е лицо) и *сын* (2-е лицо) придает данному явлению характер определенной системности. Развивая точку зрения, высказанную выше, мы считаем, что и в формах *таш* 'его камень', *анасы* 'его мать' аффиксы *-ы* и *-сы* имеют местоименное происхождение.

Особого внимания заслуживает вопрос о двойственности формы принадлежности 3-го лица. Не останавливаясь на перечне всех существующих точек зрения по этому вопросу,[9] отметим, что в нашем распоряжении пока еще нет таких данных, которые могли бы пролить свет на природу данного явления.

Несколько слов относительно особенностей употребления аффикса *-(с)ы, -(с)і*. В некоторых случаях, выступая в составе имен, он придает им значение определенности. С прилагательными указанный аффикс выражает значение превосходной степени, см. КВ, II: *бу ӟдгӱ іш ол барча іш ӟдгӱсі* 'это хорошее дело лучше всех' (85), а с числительными — значение партитивности, например, ЛоОК: *ӱчӑӱсӱ* 'трое из них' (38). Кроме того, аффикс *-(с)ы, -(с)і* может служить средством выражения атрибутивной связи при постановке определяемого перед определением, см. КР: *ол ӧдӱн аӷычӑ улуӷы ҳанҳа інчӑ ӧтӱнті...* 'тогда главный казначей так сказал правителю...' (11).

Множественное число

1 л. — *ташымыз* [*таш-ымыз* < *таш-(ы) -быз (бі + сі)*] 'наш камень'.
2 л. — *ташыңыз* [*таш-ыңыз* < *таш-ың-ы-з* (< *сы*)] 'ваш камень'.
3 л. — так же, как и в единственном числе.

---

[9] См.: W. Bang. Studien zur vergleichenden Grammatik der Türksprachen. SPAW, LI, LII. Berlin, 1916, S. 1236 и сл.

Именные формы привативности

Так обычно называют формы, образованные при помощи аффикса *-сїэ, -сіз*[10] и обозначающие отсутствие предмета или признака, выраженного именной основой. В функциональном отношении эти формы ничем не отличаются от прилагательных и наречий, см. KB, II: *кічіґлікта мӛнсіэ калурсӛн бӱґӱн* 'останешься в раннем возрасте без меня' (112); XX: *біліисіз бахасїэ* 'невежественный', 'нестоящий' (42), *арїусїэ* 'грязный' (55), *таварсїэ* 'неимущий' (62), *асїксїэ* 'бесполезный' (171); Man., I: *увутсуэ* 'бесстыжий' (16); Man., III: *сізінчсіэ* 'лишенный сомнений' (24), *ӧгсӱэ, кӧӈӱісӱэ* 'неразумеющий', 'бессердечный' (47); Suv.: *мӛнсіэ* 'без меня' (145, 222), *мӛніӈсіз* 'без меня' (210); USp: *ӟвріліичсіэ* 'неизменный' (26). Привативная форма с аффиксом орудного падежа образует особую подгруппу наречий, см. MK, I: *таварсїзїн калїп бӟґ ӟрӓнсізін ӓмгӓјӱр* 'бек, оставшись без имущества, будет мучиться нечеловечески' (362).

Словообразование имени

Морфологическое своеобразие имени заключается не только в наличии специфических форм словоизменения. Оно создается также существованием особых именных основ, сочетающихся со строго определенными аффиксами.

Именные основы могут быть первичными и вторичными, т. е. непроизводными и производными. Производные основы образуются от непроизводных при помощи словообразовательных аффиксов, которые группируются в соответствии с делением имен на лексические разряды (существительные, прилагательные и т. д.). При этом отдельные словообразовательные элементы у разных имен могут совпадать.

---

[10] Этот аффикс В. Банг разлагает на две части, сї и *з*, из которых первая, по его мнению, — форма притяжательности 3-го лица единственного числа, а вторая — слово *аз* 'мало' без гласного (см. SPAW, LI, LII, S. 1237). Вопрос о том, как в этом случае следует рассматривать другой привативный (глагольный) аффикс *-сїра*, бесспорно связанный с первым, В. Банг обходит молчанием.

Формы словообразования принято рассматривать с двух сторон: со стороны передаваемого ими содержания и с точки зрения границ их использования. Выражение нового понятия во всех случаях характеризует словообразование в отличие от словоизменения, так что с этой стороны не представляется возможной классификация самих словообразовательных типов. Все-таки не мешает отметить, что значительный ряд форм, относимых к словообразованию (формы ласкательности, уменьшительности и т. д.), фактически занимает место на границе его, обнаруживая некоторую близость к словоизменению.

Что касается границ использования словообразовательных форм, то можно, например, встретить формы, объединяющие большие группы слов, менее значительные группы, два-три слова и, наконец, такие формы, которые представляют единичный тип словообразования. В соответствии с этой особенностью следует говорить или о грамматических формах словообразования, или о лексических.

Существительное

Лексические формы словообразования существительных

Лексические формы словообразования — условный термин, объединяющий сложные слова с разной степенью слияния их компонентов. Мы различаем два типа лексических форм словообразования. К первому относятся сложные слова, внутреннее объединение которых подчеркивается рядом фонетических моментов (гармонией гласных, расположенностью к звуковым преобразованиям главным образом в месте слияния). Примеры:

XX: *караваш (кара баш)*[11] 'невольница' (147); USp: *карабаш* (110);

---

[11] Разложение *караваш* на *кара* и *ваш* А. Зайончковский считает народной этимологией. — A. Zajączkowski. W sprawie badań nad semantyką turecką. Sprawozdania t-wa naukowego warszawskiego, t. III, Warszawa, 1949, ss. 162—164.

MK, I: *ӱчӱл, ӱчил* 'треугольник' (105);

Малов—Бартольд: *тәнбін* (< кит. *тун* 'медь', *пїн* 'таз') — название меры емкости (391);

Man., I: *әт'өзӱмӱз (әт өз)* 'наши тела' (28; см. также Ṭiš., 32);

MK, I: *тутмач (тут-ма ач < аш?)* 'кушанье' (452), ср. IbM: *булҕамач* 'мучная каша' (22); Сл. Замахшарй, II: *тутмач* 'лапша' (151);

AIT: *jan(ї)ҧak (janїp kak?*, см. Алт.-русск. сл.: *kak* 'лист древесный и растительный', 186) 'лист' (54); MK, III: *janурҧak* (51); Раб.: *jабурҧak* (22), *jафрак* (340); Suv.: *jабїрkak* (693); AIT: *jавӱшӱ* (55); Ṭiš.: *jалпїрҧak* (32);

MK, I: *карлїҕач (карлї кач < каш < куш?)* 'ласточка' (527);

TT, VII: *jәтікән (jәті кән < кан < каҕан?)* 'Большая Медведица' (65, 67).

Ко второму типу относятся устойчивые сочетания, подразделяющиеся по характеру сохраняющихся внутри них семантико-синтаксических связей на несколько групп.

Определительные сочетания (composita determinativa). В определительных сочетаниях одно слово своим общим значением дополняет другое и таким образом выступает в качестве приложения. Примеры. KP: *удчї әр* 'пастух', букв. 'пастух-мужчина' (35); Man., III: *јултузчї әр* 'астроном' (30); Uig., III: *кӧјікчі әр* 'охотник' (58).

В эту группу входят также слова, выражающие в лексической форме словосочетания естественные различия пола, — например, MK, I: *өгај кїз* 'падчерица' (123), *әркәк такаӱ* 'петух', букв. 'мужчина-курица', *тіші такаӱ* 'курица', букв. 'женщина-курица' (447), *өгај ата* 'отчим', *өгај оӱл* 'пасынок' (123); Раб.: *әркәк арїслан* 'лев-самец' (323); Man., III: *тіші кішіләр* 'женщины', букв. 'женщины-люди' (22).

Лексический инклюзив (composita copulativa). Лексический инклюзив объединяет сочетания слов с разными или противоположными значениями, составляющими в сумме более общее понятие, ср. USp.: *aka inilәp* 'братья', букв. 'старший и младший брат' (22), *ӟчім інім* 'мои братья' (30); Man., I: *оӱл ӄїз* 'дети' ('мальчик и девочка', хотя обычно *оӱл* 'ребенок', см.

также KB, II, 107), *öиї каңї* 'его родители', букв. 'его мать и отец' (15).

Сочетания лексического инклюзива могут иметь специальное морфологическое оформление: одностороннее — аффикс *-ла, -lā*, см. Теф. (CB, VI): *ӱч тӱнlā кӱндӱз* 'три ночи и дня', *тӱнlā кӱндӱз* 'ночью и днем' (30; правда, приведенные примеры можно объяснить как обычные сочетания наречных форм), или двустороннее — „род парного аффикса" *-лї, -lī*,[12] — например, KB, II: *ӣпарлї bilidi* 'мускус и знание' (35); MK, I: *ӭnli тӣрнаклї* 'мясо и ногти' (177); Теф. (CB, VI): *тӱndi кӱndi* 'ночь и день', *акlї каралї* 'белое и черное' (31); Uig., II: *кiшili кiшi ӭрмӓsli* 'человек и не являющийся человеком' (20).

Парные слова (synonym-composita). В сочетаниях этой группы выступают синонимичные слова, и функцией подобного словообразовательного типа является исчерпывающее и многостороннее раскрытие значения, близкое к образному. Примеры. KB, II: *сӣӱӣm муңак* 'печаль' (19); KP: *талуj öӱз* 'океан' (15, 21, 22, 29); MK, I: *уруғ тӯрlғ* 'родственники' (64); Man., I: *аӱї барам* 'имущество' (15); Suv.: *ka kadaш* 'родственники' (554); Uig., I: *ӣл ӣпар хуа чӧчӓк* 'благовоние и цветы' (30); USp: *ад маңал* 'слава' (60).

Слова-дублеты („mots-échos"). Под словами-дублетами разумеются такие сочетания, в которых второе слово воспроизводит с незначительным фонетическим изменением начальной части первое слово, имеющее определенное лексическое значение. Началом второго компонента могут быть звуки *б, п, м*, реже *с*, см. MK, I: *аусак буҳсак* 'хромой и прочее' (465); MK, III: *чӓңli мӓңli*[13] 'качели и прочее' (379), *арслан бурслан*

---

[12] Впрочем, иногда и аффикс *-лї, -lī* может оформлять сочетания лексического инклюзива только с одной стороны, см.: G. Ramstedt. Einführung in die Altaische Sprachwissenschaft, т. II. Helsinki, 1952, S.41.

[13] В объяснении словообразований дублетного типа В. В. Радлов исходит из тюркского материала (*от мат* < *атмї ат*, где *мї* — вопросительная частица), — см. W. W. Radloff, Phonetik, §465. — В. Д. Смирнов указывает персидский источник (*ат ма ат*, где *ма* — отрицательный член), см.: ЖМНП, ноябрь 1884, стр. 99. — Существует также предположение о связи *ма* с санскритским *maha* 'великий, большой', см.: J. Deny.

'львы и прочие хищные звери' (418), ср. в современных языках: *аран паран* 'этажерка и все прочее', *табак мабак* 'домашняя утварь и все прочее', *хаср наср* 'толща'.[14]

Различие первого и второго компонентов нередко определяется чередованием гласных. Примеры. МК, III: *јаш јуш* 'всякая зелень' (143), *јак јук* 'всякая грязь' (160).

Сюда же можно отнести и случаи редупликации с усечением одного из компонентов, — например, МК, I: *чар чармак* 'семья' ('жена и дети'; 469), см. Сл. Радл., III: *чар чабук* 'очень скоро' (1859); МК, III: *сĭм сĭмрак* 'род пищи' (136). См. у Ж. Дени:[15] *бăт бăрăкăт* 'благословение'; Uig., III: *кап карањуда* 'в сильном мраке' (61).

Следует, однако, отметить, что неполная редупликация для имен существительных нехарактерна и ее необходимо рассматривать как необычное, исключительное явление.[16]

Частным вопросом исследования дублетных сочетаний является происхождение звуков-субститутов (*б, п, м, с* и т. д.). Не останавливаясь на этом вопросе специально, обратим внимание на то обстоятельство, что в формальном отношении слова-дублеты очень близки к редупликативным формам типа *кап-кара, кĭп-кĭзĭл* и отличаются от последних только тем, что дублетный компонент в них занимает не первое, а второе место. Сравнение тех и других позволяет высказать предположение о произвольном изменении дублетного компонента, преследующем цель сделать его таким, чтобы он сам по себе не выражал никакого значения. По нашему мнению, никаких значимых источников для звуков-субститутов не существует.

Выделенные выше (по семантическому принципу) типы устойчивых сочетаний, или сложных слов, не являются однородными по характеру их назначения. Такие типы, как

Structure de la langue turque. Conférences de l'Institut de linguistique de l'Université de Paris, IX, Paris, 1950, p. 24.

[14] J. Deny. Structure de la langue turque, стр. 24—27.

[15] Там же, стр. 22.

[16] См.: R. Godel. Formes et emplois du redoublement en turc et en arménien moderne. Cahiers F. de Saussure. Genève, 1945, p. 16.

compositа determinativa и лексический инклюзив, выполняют в языке преимущественно стилистические и словообразовательные функции, что же касается дублетных слов, то они в основном выражают грамматические значения. Сам принцип образования дублетных слов очень напоминает принцип образования грамматической формы, и поэтому слова-дублеты следовало бы рассматривать наряду с другими собственно грамматическими средствами языка.

Грамматические формы словообразования существительных

Формы отыменного образования. Аффикс *-чӣ, -чӥ* обозначает производителя, деятеля. Он присоединяется только к именам, и значение, выражаемое им, есть в сущности отношение лица к прямому и посредствующему объекту занятий или к действию (если имя образовано от глагола или имеет процессуальное содержание). Семантические возможности аффикса *-чӣ, -чӥ* могут значительно расширяться, в результате чего первоначальные элементарные отношения уступают место более сложным, — ср., например, *борчӥ* не 'виноградарь', как следовало бы ожидать, а 'торговец вином'; *тузавчӣ* не 'делатель силков', а 'птицелов'; *йолчӥ* 'проводник', но не 'путник'. Примеры употребления аффикса *-чӣ, -чӥ* — KP: *балӣвчӣ* 'рыбак', *авчӥ* 'охотник' (8), *колдучӥ* 'просящие', 'нищие' (11), *халтӣучӣлар* 'нищие', 'попрошайки' (37); KB, II: *окӣчӣ* 'читатель' (15), *кӛңӑшчӥ* 'советчик' (16), *табукчӣ* 'слуга' (20), *ӑйучӣ* 'правитель' (32), *алчӣ* 'обманщик' (206); ЛоОК: *ӟлчӥ* 'посол' (14); MK, III: *тарӣвчӣ* 'хлебопашец', *сорувчӣ* 'проситель' (242); USp: *бавчӣ* 'садовник' (22), *йулукчӣ* 'рвач' (?) (30), *алӣмчӣ* 'должник' (32), *ӥнанкучӣ* 'верующие' (45); Раб.: *качкӣнчӣ* 'беглец' (354); MK, I: *ӧлӣтчӥ* 'убийца' (52).

Аффикс *-чӣн, -чӥн*, близкий к *-чӣ* семантически, по-видимому, является его разновидностью, см. MK, I: *балӣкчӥн* 'птица, ловящая рыбу' (512).

Аффикс *-лаӄ, -ӏäг, -лак, -ӏäк* указывает на место, часто воспринимаемое не непосредственно в связи с содержанием

именной основы, а в некоторой зависимости от семантики глагольной формы, ср. *kĭш* 'зима', *kĭшла-* 'зимовать', *kĭшлаҕ* 'зимовка'; *tарĭҕ* 'просо', *tарĭҕла-* 'сеять', *tарĭҕлак* 'пахотная земля'; *jaj* 'лето', *jajла-* 'проводить лето', *jajлаҕ* 'летовка'. Учитывая это обстоятельство, необходимо различать *-лак* из *-ла+k*, о котором мы только что говорили, и *-лак* с нераздельным морфологическим значением, — например, МК, I: *кушлаҕ* 'место птиц' (465); ср. АФТ: *атҕулак* 'самострел' (065); Сл. Замахшарй, II: *тузлак* 'солончак' (137), *сулак* 'водопой' (269). Кроме указанных выше значений, аффикс *-лак* в восточнотуркестанских текстах имеет значение собирательности. Примеры. МК, I: *бӧчкӓм уруп атлак(k)а | уйҕурдакĭ татлак(k)а | оврĭ јавуз ӳтлак(k)а | кушлар кібі учтӓмӟ* | 'порубив на лошадях бачкамов, | на иноверцев в уйгурские земли, | против злых собак, | мы полетели словно птицы' (483).

Аффикс *-даш, -дӓш* выражает совместность, соучастие, соположение, — например, МК, I: *тӱдӓш* 'предметы одного рода' (406), *карĭндаш* 'родственник', *ӟмікдӓш* 'молочный брат', *јӟрдӓш* 'земляк', *кӧӊӱлдӓш* 'единомышленник' (407); ЛоОК: *карундаш* 'родственник', 'брат' (20); КВ, II: *адаш* ва *кадаш* 'друг и товарищ' (35), *колдаш* 'друг' (36); ср. Houtsma: *карандаш* 'брат', 'сестра', *јолдаш* 'спутник', *аӱĭлдаш* 'сожитель', *аjудаш* 'домработница', *јӟрдӓш* 'земляк', *кӱкӟрдӓш* 'молочный брат' (21).

К числу значений, передаваемых аффиксом *-дӱӊ, -дің, -дӱн, -дін*, относятся действие предмета, результат этого действия или явления, связанные с ним. Примеры. МК, I: *ajдӱӊ* 'свет луны' (117), ср. АФТ: *ajдӱн* 'лунная ночь (077).

Другие аффиксы отыменного словообразования:

-ӱш, -іш — TT, VII: *кӧӊіш* 'широта' (*кӧӊ* 'широкий'; 76);

-чук, -чӱк — МК, I: *оҕулчук* 'матка' (*оҕул* 'ребенок'; 149; автор дивана относит эту форму к особенностям языка „огузов", см. МК, I: *ӧрчӱк* 'локон', 103);

-ӱн, -ін — Rach. H., I: *алĭн* 'лоб' (*ал* 'перёд'; 89, 90, см. также TT, VII, 32):

-ч — МК, I: *ўчлўч* 'капкан для ловли зайцев' (*ўчлў* 'тройной', 'из трех прутьев'; 95);

-ған, -ғăк — МК, I: *арпаған* 'род травы, похожей на ячмень' (*арпа* 'ячмень'; 140);

-чĭм, -чім — КВ, II: *бўдкчім* 'место выхода источника' (*бўдк?*; 89);

-дĭр, -дір, -тĭр, -тір — МК, I: *бўктір* 'перевал' (*бўк* 'горный проход'; 456);

-ғак, -ғăк, -kak, -кăк — ЛоОК: *ăркăк* 'мужчина, самец' *ăр* 'мужчина'; 1);

-дурук (дук), -дўрўк (дўк) — МК, I: *кöмўлдўрўк* 'нагрудник' (*кöмўл ~ кöңўл* 'грудь'; 17); ср. Сл. Замахшарй, II: *бойĭнтуруғ* 'ярмо' (*бойĭн* 'шея'; 227). Мехди хан считает *-дурук* типичным аффиксом староузбекского языка, выражающим значение орудности (Мабани' л-луғат, 90).

Формы отглагольного образования. Аффикс *-(ĭ)ғ, -(i)ı, -(ĭ)k, -(i)к, -(a)ғ, -(ă)ı, -(a)k, -(ă)к, -(y)ғ, -(ў)ı, -(y)k, -(ў)к* образует имена, служащие наименованиями предмета-орудия, места самого действия или его результата. Примеры. ЛоОК: *jарук* 'луч' (*jар-* 'освещать'; 6), *бузук* 'обломок' (*буз-* 'ломать'; 41); МК, II: *бітік* 'письменный документ', 'книга' (*бітi-* 'писать'; 325); АІТ: *отруғ* 'остров' (*отур-* 'сидеть'), *орнағ* 'трон' (*орна-* 'усаживаться', 'размещаться'; 30), *бтўк* 'просьба' (**öт-* 'просить'; 33), *карак* 'зрачок' (*кара-* 'смотреть'; 35), *кĭлĭк* 'характер', 'нрав' (*кĭл-* 'делать'; 37); Мап., I: *сĕвіг* 'любовь' (*сĕв-* 'любить'; 16); USp: *сатĭк* 'стоимость' (*сат-* 'продавать'; 8), *танук* 'свидетель' (*тану-* ~ *танĭ-* 'узнавать', 'признавать'), *тўшўк* 'вид подати' (*тўш-* 'падать', 'опускаться'; 22), *білік* 'знание' (*бil-* 'знать'; 23), *салĭк* 'вид подати' (*сал-* 'класть'; 25).

Приблизительно такие же значения, но с разными оттенками, обусловленными семантическим своеобразием глагольной основы, выражают остальные аффиксы. Примеры:

-мăш, -міш — МК, III: *jĕміш* 'фрукт', 'плод' (*jĕ-* 'есть'; 12); *-ĭм, -ім, -ум, -ўм* — КВ, II: *бĭўм* 'смерть' (*бĭ-* 'умирать'; 82); МК, I: *акĭм* 'течение' (*ак-* 'течь'; 75), *ғірім* 'место скопления воды', 'водоворот' (*ғір-* 'вертеть'), *октам* 'расстояние, изме-

ряемое полетом стрелы' (*окта-* 'стрелять'; 107); USp: *jӟjім* 'корм' (*jі-* 'есть'; 3), *бӧрім алїм* 'расходы' (*бӧр-* 'дать', *ал-* 'взять'; 11), *јарїм* 'половина' (*јар-* 'делить'; 38);

-їч, -іч — Раб.: *авїч* 'горсть', 'пригоршня' (*ав-* 'собираться', 'стекаться'; 174);

-чу, -чӱ — Thom. Stein. man., II: *абїнчу* 'утешение' (*абїн-* 'успокоиться'; 57);

-мур, -мӱр — МК, III: *јамӟур* 'дождь' (< *јаӟмур*; *јаӟ-* 'дождить'; 38);

-(ӱ)т, -(ї)т — КВ, II: *сїӟїт* 'печаль' (*сїк-* 'давить'; 19), *јанут* 'ответ' (*јан-* 'возвращаться'; 110); МК, I: *качут* 'бегство' (*кач-* 'бежать'; 12), *ӧлӱт* 'смерть' (*ӧл-* 'умирать'; 52);

-ӟїч, -ӟіч, -кїч, -кіч... — ЛоОК: *ачкїч* 'ключ' (*ач-* 'открывать'; 28); Man., I: *ӽїсӟач* 'щипцы' (*кїс-* 'сжимать'; 8); ср. АФТ: *јулӟуч* 'щипцы' (*јул-* 'рвать'; 0118), *јонӟач* 'рубанок' (*јон-* 'рубить', 'строгать'; 0119);

-ма, -мӓ — ЛоОК: *сӱрмӓ* 'вино', 'пшеничная водка' (*сӱр-* 'гнать водку'; 2); МК, I: *кӟсмӓ* 'пучок волос, подрезанных над лбом' (*кӟс-* 'резать'; 11); ср. IbM: *їсїтма* 'горячка' (*їсїт-* 'согревать'; 36);

-(а)н, -(ӧ)н — КВ, II: *ӟбран* 'судьба' (*ӟбір-* 'вращать'; 20), *кішан* 'путы' (*кішӓ-* 'спутывать'; 66); АІТ: *карїн* 'брюхо' (*карї-* 'загребать'; 35);

-чак, -чӓк, -чук, -чӱк — МК, I: *басїнчак* 'несчастный, подавленный человек' (*басїн-* 'испытать давление'; 501);

-кak, -кӓк — КВ, II: *тутkак* 'захват' (*тут-* 'держать'; 125); МК, III: *тірсӓк* 'локоть' (*тірӓс-* 'опираться'; 424); Раб.: *ајӟак* 'доносчик' (*ај-* 'говорить'; 82), *качкак* 'беглец' (*кач-* 'бежать'; 139); ср. АФТ: *авкак* 'ступа' (*ав-* 'собираться'; 074);

-мал, -мӓл — ЛоОК: *тӱшімӓл* 'кудесник', 'предсказатель' (*тӱшї ~ тӱшӓ-* 'видеть сны'; 35); ср. Сл. Замаҳшарӣ, II: *чїдамал* 'способный' (*чїда-* 'мочь'; 133);

-ман, -мӓн — МК, I: *сїкман* 'время давки винограда' (*сїк-* 'давить'), *сӧкмӓн* 'человек, сокрушающий ряды противника в бою' (*сӧк-* 'рассекать'; 444); ср. IbM: *сїкман* 'место, где давят виноград' (61);

-їш, -іш — KB, II: *алкіш* 'благословение' (*алка-* 'благословлять'; 71); *аўїш* 'подъем' (*аў-* 'забираться'; 99), *ініш* 'спуск' (*ін-* 'спускаться'; 99);

-jak, -jäк, -jук, -jўк — MK, I: *jöргäjäк* 'локоны' (*öргä-* ~ *jöргä-* 'обматывать'; 135); *бігäjўк* 'привычка' 'обычай' (**бігä-* 'учиться'; 159);

-ї, -і — MK, I: *тірґі* 'стол' (**тірґ-* 'устанавливать'; тур. *тірґä-* 'воздвигать' является, по-видимому, позднейшим растяжением основы *тірґ-*, ср. *сор-* ~ *сора-* 'спрашивать', *jўр-* ~ *jўрä-* 'ходить'; 429);

-кў, -кї — MK, I: *кёскў* 'режальный инструмент', 'ножницы' (*кёс-* 'резать'), *бїчбу* 'нож' (*бїч-* 'резать'; 13), *ёскў* 'решето' (*ёс-* 'веять', 'дуть'; 129); AIT: *орнанбу* 'место' (*орнан-* 'размещаться', 'усаживаться'; 30);

-ган, -гän, -гїн, -кан, -кäн, -кун, -кўн, -кїн,-кін — MK, I: *тутқун* 'пленник' (*тут-* 'держать', 'хватать'; 205), *баркїн* 'путешественник' (*бар-* 'идти'; 440); ср. АФТ: *басган* 'большой молот' (*бас-* 'давить'; 080);

-ч — Suv.: *аjманч* 'боязнь' (*аjман-* 'бояться'; 614).

Многие имена, образованные от глагола, первоначально были именами действия или причастиями. Часть из них перешла в разряд имен существительных в результате омертвения всего словообразовательного типа (ср. *аjманч, сёвінч* и т. д.), часть — вследствие семантической трансформации каждого отдельного слова (ср. *басган, тутқун* и т. п.).

Формы субъективной оценки (уменьшительность, ласкательность):

-кї — MK, III: *атакї* 'папочка', *анакї* 'мамочка' (212);[17]

-(ш)-ка, -(ш)-кä — KP: *аґїнбa* (19); Раб.: *абушка* 'старик' (96, 227); USp: *абучка* (32). См. Грамматику алтайского языка: „В названиях родственных отношений любезность выражается: а) иногда приставкой *ка(ке)*...; иногда приставкой *ш*: *аба* 'отец' — *абаш* 'дедушка'...".[18] В восточнотурке-

[17] См.: С. М. Муталлибов. Морфология ва лексика тарихидан қисқача очерк (XI аср ёзма ёдгорликлари асосида). Тошкент, 1959, б. 35.

[18] Грамматика алтайского языка, составленная членами алтайской миссии. Казань, 1867, стр. 24.

станском языке *ш* несомненно теряет это значение и вместе с аффиксом *-ка* полностью сливается с основой;

-ч — МК, I: *анач* 'матушка' (любовное обращение к молодым женщинам) (52);

-ӓн, -кӓн — Ман., III: *т(э)ңрікӓнім* '(мой) Боже' (34);

-чук, -чӱк, -чак, -чӓх — МК, III: *бакачук* 'лягушечка' (226).

Ср. в языках (диалектах) южной и западной групп: Telegdi: *атӹ̈на* 'лошадка', *атлардӹ̈на* 'лошадки', *кулӹ̈кая* 'раб' (291); AQJB: *оғланчӹ̈к* 'мальчик' (19); Houtsma: *ітӓк* (от *іт*) 'молодая собака' (20), *көшӓк* 'молодой верблюд' (100); Ferah-name: *оғланӷук* 'мальчик', *ітӷӱгӓз* 'собачка', *тунӷузая* 'одежонка' (149).

Абстрактные существительные и относительные прилагательные

Еще П. М. Мелиоранский энергично отстаивал точку зрения, устанавливающую для текста памятника в честь Кюль-Тегина строгое разграничение абстрактных имен существительных (аффикс *-лӹ̈к, -ліг*) и относительных прилагательных (аффикс *-лӹ̈ғ, -ліг*). П. М. Мелиоранскому казалось невероятным, чтобы из одного и того же орхонского *-лӹ̈ғ, -ліг* (𐰴𐰇𐰛; 𐰇𐰽) могли развиться впоследствии в „южнотурецком" *-лӹ̈к, -ліг* для имени и *-лӹ̈, -лі* для прилагательных (ПКТ, 95—97).

О возможности употребления *-лӹ̈к, -ліг* у прилагательных и существительных говорит В. В. Радлов. Он возводит *-лӹ̈ғ, -ліг* к *-лӹ̈к, -ліг*, считая, что первоначально в этих формах был конечный гласный: *-лӹ̈к+і = -лӹ̈ғӹ̈, -лӹ̈ғӹ̈ > -лӹ̈ғ*, — и указывая на наличие подобных соотносительных разновидностей у других имен, ср. „чаг." *јакӹ̈*, кюарч. *јағ*.[13]

Несколько своеобразна точка зрения Ф. Е. Корша, различающего *-лӹ̈к* и *-лӹ̈ғ* не только по конечному согласному, но и по качеству гласного звука. Так, в древнетюркском языке Ф. Е. Корш отдает предпочтение аффиксу *-луғ, -ліг* для относительных прилагательных и возводит к нему осман-

[13] W. W. Radloff. Phonetik, § 269.

ское *-лу, -лӱ*. Вместе с тем Ф. Е. Корш не отрицает возможности существования относительных прилагательных с нелабиализованным гласным. [20]

Каждое из приведенных мнений, если исключить гипотезу В. В. Радлова о конечном гласном и не рассматривать вопрос о соотношении указанных аффиксов в генетическом плане, является в какой-то мере справедливым.

Так, в языке орхонских надписей, действительно, трудно допустить наличие единого оформления. С разделением абстрактных имен существительных и относительных прилагательных в этих памятниках согласуется позднейшее разделение их в наиболее близких к орхонскому языках южной группы, а также в западных языках, ср. Telegdi: *cözlï* 'словесный', *'ilmli* 'знающий', *бағдадлї* 'багдадец' (292); AQJB: *mӱplӱ* 'разный' (12), *шахорлу* 'городской' (20); АФТ: *датлу* 'сладкий' (090), *сачлї* 'волосатый' (094). И в тех, и в других различие аффикса *-лї(ӷ), -li(i)* и *-lïk, -lïx* имело определенное морфологическое значение, хотя нередко происходили колебания в сторону смешения обеих форм. Так, например, автор كتاب ترجمان فارسی و ترکی و مغولی (АФТ, 013), описывая диалект тюрок, близкий к языкам южной группы, говорит о двух формах.

Несколько иное соотношение аффиксов *-лїӷ, -lïг* и *-лїк, -lïk* в восточнотуркестанском языке. В уйгурской письменности заднеязычные согласные мягкого и твердого ряда передавались двумя знаками — ﻕ и ﻙ — без различения звонкости и глухости, что затрудняет разбор соответствующего вопроса на материале уйгурских памятников.

Четкое разграничение того и другого ряда звуков проводится в текстах манихейского письма и Брахми-шрифта. Исследование последних позволяет отметить в них преобладание орхонской традиции, т. е. наличие для имени существительного и относительных прилагательных фонетически не

[20] Ф. Е. Корш. По поводу второй статьи проф. П. М. Меликовского о турецких элементах в языке „Слова о полку Игореве". Отд. отт. из „Известий Отделения русского языка и словесности АН" (т. XI, кн. 1, СПб., 1906, стр. 32—35).

совпадающих аффиксов. Примеры. Man., I: *ǯəǯmlγ* 'духовный' (31); у Г. Стённера (SBAW, XLIV, S. 8): *ātkəlγγ, tapkapkγlγk, tγkəlliγiγ*. Аналогичное явление можно отметить и в текстах арабской письменности, различающей написание звонкого *g* (ڭ) и глухого *k* (ك), ср. MK, I: *makγklγγ ər* 'муж, имеющий кур' (497), *balīklīγ ākγǯ* 'река, изобилующая рыбой' (493), но *tapīgīlīk* 'амбар', 503; MK, III: *kyjaslīγ ər* 'человек, живущий в Куясе' (178).

Между тем факт постоянно возрастающего смешения аффиксов имен абстрактных и относительных в восточнотуркестанских диалектах не вызывает сомнений. Важным доказательством существования этого процесса еще в X—XI вв. является то, что фонетическое развитие обеих разновидностей происходило параллельно и что ни в одном из текстов не имело места выпадение конечных согласных в группе имен прилагательных, ср. KP: *kγmγǯlγ* 'серебряный' (23); MH: *jīdlīγ* 'благоухающий', *jarγklγγ* 'светящийся', *jašγklγγ* 'блестящий' (4); USp: *ərklīγ* 'сильный' (21), *altγnlγγ* 'золотой' (43), *əmākliī* 'мучительный' (102).

Вследствие консервативности орфографической традиции сближение и совпадение двух первоначально различавшихся морфологических типов обнаруживается лишь в сравнительно позднее время, например в староузбекских текстах XV—XVI вв.

На основании краткого разбора форм абстрактных имен существительных и относительных прилагательных в текстах, относящихся к различным языковым группам, можно сделать следующие выводы:

1) Первоначально показатели тех и других во всех тюркских языках различались (для существительных *-līk, -lik*, для прилагательных *-līγ, -lig*).

2) Наиболее строгое и закономерное разграничение *-līγ* и *-līk* продолжительно сохраняется у южных и западных тюрок. Естественным следствием этого разграничения явилась утрата конечного *g (ɣ)* у прилагательных.

3) Для восточнотуркестанской группы характерен длительный процесс сближения двух форм, завершающийся их сли-

фикацией на основе окончаний абстрактных имен существительных.

Остановимся на характеристике значений аффикса *-лӣк, -лік, -лук, -лӱк* в восточнотуркестанских текстах. Исследование многочисленных случаев употребления данной формы позволяет установить, что среди значений, выражаемых ею, большой удельный вес имеет значение места. Примеры. МК, I: *оқлук* 'колчан' (*оқ* 'стрела'; 100); Suv.: *йӛмішлік* 'сад' (*йӛміш* 'фрукт'; 31, см. также Uig., I, 28); AIT: *ӛтлік* 'мясная лавка' (*ӛт* 'мясо'; 12), *борлук* 'виноградник' (16).

Как известно, аналогичную семантическую нагрузку имел в древних тюркских языках аффикс *-лак*. То обстоятельство, что значение места становится основным значением именно этого аффикса, приводит к постепенной утрате соответствующего значения аффиксом *-лӣк*. У последнего появляются новые оттенки, характеризующие его развитие по пути передачи чисто отвлеченных значений, независимо от содержания основы, — например, МК, I: *отлук* 'съестное', 'корм' (*от* 'трава'; 98), *адашлӣк* 'преданность' (*адаш* 'друг', 'товарищ'; 149), *ачӣлӣк* 'голод' (*ачӣғ* 'голодный'), *ануқлук* 'готовность' (*анук* 'готовый'; 150); Раб.: *йӣғачлӣк* 'мера расстояния' (*йӣғач* 'дерево'; 228), *душманлӣк* 'вражда' (*душман* 'враг'; 235); ЛоОК: *ӧңлӱк* 'внешность' (*ӧң* 'перёд'; 1), *білдӱрӱлӱк* 'оповещение', 'послание', *чалунғулук* 'повинование' (12), *достлук* 'дружба' (*дост* 'друг'; 22, 23), *азлӣк* 'мало', 'малость' (31), *бузғулук* 'поломка' (39); ТТ, VII: *камағлӣк* 'все' (41).

Прилагательное

При разборе материалов восточнотуркестанского языка можно обнаружить две структурно обособленные группы прилагательных.

Прилагательные первой группы не оформлены. Примеры. КВ, II: *көк* 'голубой' (18), *чӣн* 'истинный' (38), *кудғу* 'серый' (39), *кӣс* 'редкий' (80), *шӱк* 'спокойный' (87), *ач* 'голодный' (131); КР: *кӱ* 'знаменитый' (11); МК, I: *інч* 'спокойный' (74);

XX: *таң* 'одинаковый', 'равный' (43), *күні* 'правдивый', 'истинный' (78; в предложении *күні сөзіä сөзні*, по-видимому, инверсия), *jаңī* 'новый' (96), *аҳī* 'щедрый' (112), *сук* 'завистливый', 'жадный' (126), *тар* 'узкий', *кӧң* 'широкий' (156), *ал* 'алый' (169); Man., III: *кал* 'прокаженный' (49).

Прилагательные второй группы имеют специальные или общие с именем существительным морфологические показатели, — например, аффиксы *-лїҕ*, *-ldiг*, *-кї*, *-кі* и т. д.

Прилагательные и той, и другой группы морфологически выделяются способностью образовывать формы интенсива.

Первая форма интенсива, обозначающая чрезмерную насыщенность признака, образуется посредством редупликации, с усечением повторяющейся основы. Примеры. ЛоОК: *кїп-кїзїл* 'красный-красный' (19), *ап-ак* 'белый-белый' (27), *кап-кара* 'черный-черный' (34); МК, I: *ӧп-ӧрӱң* 'очень белый' (34), *көп-көк* 'голубой-голубой' (328), *сап-сарїҕ* 'желтый-желтый' (329), *сӱм-сӱчӱг* 'очень сладкий' (338); МК, III: *jап-jашїл* 'очень зеленый' (19).

Редуцированный элемент удвоения, как видно из приведенных примеров, содержит первый слог основы с присоединенным к нему согласным *п* (<> *б*) или *м*. Колебание согласных, прослеживаемое в ряде случаев, не является чисто фонетическим, так как в двух вариантах может быть представлена одна и та же основа, например, *көп-көк* и *көм-көк* (МК, I, 338). Согласно указанию Маҳмӱда Кашгарского, последний вариант типичен для языка огузов, ср. Telegdi: *jам-jашїл*, *көм-көк* (292, 312). С языком огузов и отчасти кыпчаков связано, кроме того, озвончение конечного согласного (*п* > *б*), см. Telegdi: *аб-ак* 'очень белый' (292); Теф. (СВ, VI): *каб-кара* 'черный-черный', *тӱјб-тӱјз* 'очень ровный' (34); Сл. Замахшарй, II: *аб-ак* 'очень белый' (129).

Возможны также аналитические формы интенсива, выражающие высшую степень обнаружения признака. Примеры. ЛоОК: *бәдӱк jаман* 'очень плохой' (3), *көп їсїҕ* 'очень жаркий' (33); КВ, II: *ӟң ӱстін* 'самый высокий' (22), *ӟді кїз* 'са-

мый редкий' (54; см. также Uig., I, 51), *эң ашнуғы* 'самый первый' (74); IbM: *ӣм ak* 'совсем белый', *ӣм kara* 'совсем черный' (26; ср. южнохорезмские *дӯм ak*, *дӯм kara*); USp: *чок jалӣнлӣғ* букв. 'очень пламенный' (46). Ср. также аналитические формы с частицами *кӯд* ~ *кӯт* (см. Uig., I, KB, II и т. д.), *ӯртінӣ* (см. Uig., I) и наречием *асру*, широко распространенным в староузбекском языке.

Следующая форма интенсива, образуемая при помощи аффикса *-шӣн*, *-шін*, выражает неполноту признака, см. KB, II: *көкшін* 'седоватый' (141; ср. *көкчін*, 164); MK, I: *көкшін* 'голубоватый' (437). Сюда же можно отнести и формы на *-шӣл* и *-сӣман*, см. Сирадж ал-кулуб: *карашӣл* 'черноватый' (49 б); Сл. Замахшарӣ, II: *карасӣман* 'черноватый' (292).

Особое место среди форм интенсива занимает форма на *-рак*, *-рāк*, которая выражает небольшую недостаточность или, наоборот, небольшую избыточность признака. Часто она используется для сравнительной качественной характеристики предметов или явлений и выступает при этом в сочетании с именем в исходном падеже, см. KP: *мунтуда jӯрāк* 'лучше этого' (23); KB, II: *сӧвӱк jандӣн ӯрді сӧвӱкрāк мӯңā* 'он был для меня милее любимой души' (любимого существа?; 16); ЛоОК: *jакшӣ нāпсікілāрдāн көрӱкӱрāк* 'красивее прекрасных ангелов' (1), *мундун артӣрак* 'больше этого' (2), *аjдан кӱзгулугурак* 'более блестящий, чем луна' (6); XX: *тӯңізтін кāрімрāк* 'благороднее моря' (33). Однако в подобного рода сочетаниях рассматриваемая форма является независимой, синтаксически необусловленной, так как вместо нее может быть употреблена и форма без аффикса *-рак*, *-рāк*, см. MK, I: *андан ӱстӱн* 'выше его' (108; ср. Telegdi: *бу андан бӣраз jахшӣдур* 'это немного лучше того' = *бу андан jахшӣракдур*, 292).

Сочетание прилагательных с существительными происходит без морфологически выраженного согласования, и формы падежа и числа у прилагательных появляются лишь в случае их самостоятельного употребления, — см., например, XX: *кӱтāзгіl аjа дост улугlар акӣн* 'о друг, оберегай целомудрие великих' (171), *улугlарнӣ пушруп сӯңā бу мізах кі-*

ишіларні күстәҳ кәлур 'эта шутка навлечет на тебя гнев больших, а малых сделает дерзкими' (172), *улуҕка кічіккә сәлӛк тут сөзүң* 'большому и малому скажи чистое свое слово' (176).

Лексические формы словообразования прилагательных

Прилагательные, как и имена существительные, образуют в большом количестве парные и удвоенные сочетания, ср., например, КР: *асан түкәл* 'здоровый' (18, 19, 29), *ӓдгү ӧкli* 'добрый', 'разумный', *адасҭэ тудасҭэ* 'неопасный' (18), *јүксӓк ӓдіэ* 'высокий' (32); Suv.: *ӓдгү аўҕлӏ* 'добрый и злой' (552); КВ, II: *каралӏ ӧрүңli* 'черный и белый' (535). Аффикс *-лӏ, -li*, формально закрепляющий взаимосвязь между двумя компонентами в последних примерах, по-видимому, является одной из разновидностей древнего комитатива.

Необходимо отметить также возможность образования устойчивых сочетаний качественных и относительных прилагательных, используемых для выражения частных признаков, см. ЛоОК: *көк јаллуҕ* 'сивогривый', *көк түүлүкlүг* 'сивовласый' ('с голубой шерстью'; 17), *ак сакаллуҕ* 'белобородый' (35).

Грамматические формы словообразования прилагательных

Формы отыменного образования. Аффикс *-лӏҕ, -li, -луҕ, -lүг* — КВ, II: *ӓвli* 'жена' (букв. 'домашняя'; 25), *кумлуҕ* 'песчаный' (30), *кәрәкli* 'нужный' (35); КР: *бозушлуҕ кал(ҕу)л(у)ҕ* 'печальный и огорченный' (10); ЛоОК: *башлӏҕ* 'глава', 'главенствующий' (28); Раб.: *оңлуҕ соңлуҕ* 'и так, и этак' (букв. 'правый, левый'; 17); Suv.: *јүрәкli* 'мужественный' (букв. 'имеющий сердце'; 122); ТТ, VII: *ічli* 'беременная' (37). В приведенных примерах аффикс *-лӏҕ, -li* выражает значение обладания или близкие к нему значения. Вместе с тем этот аффикс используется для выражения местной при-

надлежности лица или предмета. Примеры. Раб.: *балхлӣк* 'житель Балха', *кәрманлӣк* 'кирманец' (229);

-ӯӣ, -ӣ, -кӣ, -кӣ — KB, II: *јазӯӣ* 'весенний' ('летний'; 17), *јајӯӣ* 'летний', *кӯзӣ* 'осенний', *кӣшкӣ* 'зимний' (23); USp: *бурункӣ* 'прежний', 'давнишний' (22); XX: *јазӣнӯӣ* 'весенний' ('летний'; 110). Прилагательные, образующиеся с помощью указанного аффикса от локативных форм имени и соответствующих послелогов, выражают в качестве признака значение места, ср. KB, II: *јаӯӣә јӯрдӣкӣ* 'находящийся на темной (бурой) земле' (91); ЛоОК: *кӣндӯнкӣ* 'южный' (33); Man., I: *сув ичдӣкӣ* 'находящийся в воде' (35);

-сӣк, -сук, -сак — AIT: *ачсӣк* 'голодный' (4), *тосӣк* 'сытый' (47); KB, II: *баӯӣрсак* 'милосердный' (15), *таң таңсук* 'удивительный' (74);

-чӣл, -чил (ср. персидскую приставку *сер-*), — KB, II: *ичил* 'болезненный' (398); MK, III: *јаӯмурчӣл* 'обильно политый дождем', 'водянистый' (56);

-дам, -дӣм — AIT: *кӯндӣм* 'солнечный' (27), *т(ә)ӊрідӣм* 'небесный', 'божественный' (46; см. MSFOu, XXXVII, S. 38, Anm.; ср. форму превосходной степени в древнеиранских языках: авест. *-tama*, согд. *-tm*);

-ӣә, -ид — USp: *ӣәгӣ* 'другой' (32);

-кӣн — Man., I: *т(ә)ӊрікӣн* 'божественный' (31);

-ӣн, -ін — KB, II: *ӣстін* 'верхний' (22), *алдӣн* 'нижний' (23); Tiš.: *ӣстӣӊ* 'верхний' (190);

-чӣӯ, -чіг — Man., II: *адӣнчӣӯ* 'другой', 'иной', 'различный' (10);

-ча, -чӣ — AIT: *інчӣ* 'такой' (21); Man., II: *тӣркчӣ* 'тюркский' (10);

-ӣз, -із — KB, II: *ӣдіз* 'высокий' (*ӣдіʔ*; 69); XX: *јавуз* 'злой' (< *јавӯ* < *јаӯ* 'враг'; 106).

В ряде случаев аффиксы прилагательных утратили свою морфологическую определенность и слились с основой, образовав неразложимые формы, см. KB, II: *адӣн* 'другой' (13), *ӣскі* 'старый' (64), *ӯјуз* 'плохой', 'недостойный', *аӯӣн* 'глупый', *јалаң* 'голый', 'нагой' (139; ср. *јалӯуз* 'одинокий', 142), *јалак* 'худой', 'скверный' (141), *тӣрӣӯа* 'прекрасный' (?) (147),

коҕуя 'пустой' (149); KP: *ӡдіӱ* 'хороший' (14); MK, I: *таврак* 'быстрый' (468); MK, III: *мӛңӱ* 'вечный' (65).

Формы отглагольного образования. Аффиксы *-(ī)ҕ, -(i)н, -(у)ҕ, -(ӱ)н, -(а)ҕ, -(ā)н, -(ī)к, -(i)к, -(у)k, -(ӱ)к -(а)k, -(ā)к* — KB, II: *jīрak* 'далекий', 'отдаленный' (*jīра-* 'удаляться'; 6); ЛоОК: *бӛдӱк* 'большой' (*бӛдӱ-* 'возвышаться'; 10); MK, I: *тӱнāрік* 'темный' (*тӱнāр-* 'темнеть', 'мрачнеть'; 488); AIT: *jaҕyk* 'близкий' (*jaҕy-* 'приближаться'; 54); Man., III: *аҳсаҕ* 'хромой' (*аҳса-* 'хромать'; 49); Suv.: *jумрак* 'мягкий' (**jумра-* 'становиться мягким', ср. *jум-ша-k*; 347); USp: *абīнīk* 'спокойный' (*абīн-* 'успокаиваться'; 43);

-(ī)л, -(i)l, -(а)л, -(ā)l — XX: *кīзīл* 'красный' (*кīз-*; 13), *тӱгāl* 'законченный', 'совершенный' (*тӱг-*; 39). Очевидно, при помощи этого же аффикса образуются прилагательные от имен существительных, — например, MK, III: *јашīл јушул* 'зеленый' (19; ср. MK, III: *јаш јуш* 'всякая зелень', 4); Suv.: *јӛрӱңil* 'светлый' (28; ср. TT, VII: *јӛрӱң* 'светлый');

-ҕаз, -ґäз, -ҕуз, -ґӱз... — MK, I: *ӛркӱз* 'талый' (*ӛрі-* 'таять'; 96);

-ӱґл, -ül — MK, I: *бīчӱґл* 'треснувший', 'разрезанный' (*бīч-* 'резать'; 15, 480);

-мīр — TT, VI: *алмīр* 'жадный' (*ал-* 'брать'; 71);

-ду, -дӱ, -дī, -дi — KB, II: *мӛңӛдӱ* 'подобный' (*мӛңӛ-* 'быть подобным'; 64), *окшадī* 'подобный' (*окша-* 'быть подобным', 'походить'; 70);

-ҕу, -ґӱ — KB, II: *kīрҕу* 'красный' (*kīр-* ?; 100); Раб.: *буjнаҕу* 'рослый' (*буjна-* 'расти'?; 57); Suv.: *адīнаҕу* 'другой', 'различный' (*адīна-* 'изменяться'; 611);

-у, -ӱ — MK, III: *толу* 'полный' (*тол-* 'наполняться'; 232);

-(ī)нчу, -(i)нчӱ, -(ун)чу, -(ӱн)чӱ — MK, I: *атīнчу* 'брошенный' (*ат-* 'бросать', ср. порядковые числительные: *алтīнчī, іккінчі* и т. д.), *ӛтінчӱ* 'сделанный' (*ӛт-* 'делать'; 133); Тіš.: *ӱзӱӱнчӱ* 'разорванный' (*ӱз-ӱl-* 'рваться'; 17);

-чаң — AIT: *ајакчаң* 'почтительный' (*ајан-* 'почитать'; 9).

Числительное

Морфологическое своеобразие числительных проявляется в наличии словообразовательных форм относительности, собирательности, разделительности и т. д., которые у других имен выступают довольно редко или отсутствуют вообще.

По характеру оформления числительные делятся на несколько групп, причем первая из них — количественные числительные — противопоставлена всем другим отсутствием каких-либо морфологических показателей.

Количественные числительные

Количественные числительные включают в себя две подгруппы: неопределенные количественные числительные и определенные.

Неопределенные числительные выражают неопределенное число и не соотносимы в морфологическом плане ни с порядковыми, ни с собирательными числительными. Примеры. КВ, II: *ӧкӱш* 'много' (16), *бірапча* 'несколько', 'немного' (22, 71), *бірқач* 'несколько' (37), *аз* 'мало' (91); КР: *ҳач* 'несколько' (22); МК, I: *мӧлӥм* 'много' (514); Man., III: *коп* 'много' (36); Uig., IV: *анчақ̆ja* 'немного' (8).

Определенные числительные — обозначения единиц, десятков, сотен и т. д.

бір — 1	*он* — 10
ікі — 2	*jiiірмä* — 20
ӱч — 3	*отуз* — 30
тӧрт — 4	*кїрк* — 40
бӧш — 5	*ӭllix* — 50
алтї — 6	*алтмїш* — 60
jӧti — 7	*jӧтмїш* — 70
сӧкіз — 8	*сӧксӧн* — 80
тоқуз — 9	*тоқсон* — 90

jӱз — 100

мiң — 1000

бан — 10000 (< хит. *wán*, *man*)

В функциональном отношении наиболее примечательным является числительное *бір* 'один', которое нередко выступает

как своеобразный неопределенный артикль, — ср., например, ЛоОК: *бу jӛрдӑ бір улуӡ орман бар ӛрді... орман іч(і)ндӑ бӛдӱк бір кїат бар ӛрді... кӱнӏӑрдӑ бір кӱн авӡа чїктї... бір бубу алдї...* 'на этой земле был (один) большой лес... В лесу находилось (одно) огромное чудовище... Однажды (в один день) Огуз вышел на охоту... Поймал (одного) марала...' (4). В сочетании со словами, передающими степень, число, *бір* выражает значение неопределенного количества, — например, КВ, II: *біранча* 'несколько' ('некоторое расстояние'; 22, 49); ЛоОК: *бірнӵӑ* 'несколько' (18).

Порядковые числительные

Аффикс порядковых числительных имеет две разновидности — *-нчӑ, -нчі* и *-нч* (факультативно *-нтї*). В восточно-туркестанском языке чаще используется второй вариант. Примеры. КВ, II: *ікінч* 'второй' (22), *тӧртінч* 'четвертый' (23); КР: *ӱчӱнч* 'третий', *тӧртӱнч* 'четвертый' (16), *бӧшінч* 'пятый' (17), *jӧтінч* 'седьмой' (21); МК, I: *бірінч* 'первый' (373), *онунч* 'десятый', *jігірмінч* 'двадцатый' (449); Man., I: *ӱчӱнч* 'третий' (12); Man., III: *сӛкізінч* 'восьмой', *тоқузунч* 'девятый', *бір jігірмінч* 'одиннадцатый', *ікі jігірмінч* 'двенадцатый' (19).

Установить причину двоякого оформления порядковых числительных, так же как и „бо́льшую древность более короткого окончания",[21] пока невозможно. Вероятнее всего, появление данной подгруппы связано с образованием древнего имени действия типа *сӛвінч, урушунч (сӛв-ін-ч, ур-уш-ун-ч...)*. Аналогичным путем образуются собирательные числительные, ср. *бӧш-ӑ-гӱ* 'пятеро', *ӱч-ӑ-гӱ* 'трое' и т. д. Полное окончание можно рассматривать как результат присоединения к форме отглагольного имени аффикса принадлежности 3-го лица. Вместе с тем не исключена возможность, что полная форма порядковых числительных является разновидностью

[21] См. у П. М. Мелioранского (АФТ, стр. III, IV).

древнего причастия, ср. МК, I: *атӣнчу* 'брошенное' (133), *авӣнчу* 'утешенный' (134). В таком случае первоначальной следовало бы считать именно эту форму.

Что касается формы на *-нтӣ*, то она известна лишь для одного числительного. Примеры. КР: *ікінтӣ* 'второй' (16); МК, I: *ікінді* (186); Man., I: *ікінтӣ* (12). К. Грёнбех выделяет в ней аффикс *-тӣ*, *-дӣ*, общий, по его мнению, с аффиксом *-тӣ* в *ӧдгӱтӣ*.[22] Нам кажется более правильным связать рассматриваемую форму с одним из распространенных в древности причастий, ср. МК, I: *акӣндӣ сув* 'текущая вода', *ӧкінді тарӣз* 'посеянное просо', *ітінді нӧң* 'оттолкнутая или отброшенная вещь' (140); IbM: *сӣкӣндӣ* 'сок', т. е. нечто отжатое (61). Причастия этого типа в виде обособившихся и омертвевших форм образуют значительный слой в словарном составе алтайского языка, см. Алт.-русск. сл.: *кавӣнтӣ* 'колодец' (192), *пӧрӧлтӣ* 'дарование', 'польза' (236), *салӣнтӣ* 'отпущенник' (247), *суралтӣ* 'прошение' (252).

Необычная и трудно объяснимая разновидность числительного *ікінчі (ікінді)* в форме косвенного падежа встречается в Суварне и других уйгурских текстах из Турфана, см. *бір ікінтішкӣ* 'один другому' (Suv., 195; Uig., III, 23, 68; ср. Uig., III: *бір ікінтіка*, 65). Примечательно, что с этим оборотом даже глагол *тӧ-* 'говорить' приобретает форму взаимного залога, — например, Uig., III: *бір ікінтікӣ тӧп тӧштілӓр* 'говорили друг другу' (65).

Единственным в своем роде образованием является также форма *баштӣнкӣ* (*баш-тӣн-кӣ*, ср. ЛоОК: *кӱн-дӱн-кі* 'южный', 33), заменяющая порядковое числительное *бірінч* 'первый', 'начальный', см. Suv., 553, Uig., I, 19. Ср. IbM: *ашну, ашнукӣ* 'первый', 'начальный' (12); Suv.: *баштӣң* 'начальный' (493); Uig., II: *ілкі* 'первый' (7).

Форма порядковых числительных на *-ланчӣ*, *-ӓнчі* известна только из тефсира, см. Теф. (СВ, VI): *тӧртӓнчі* 'четвертый' (37).

---

[22] K. Grönbech. Der türkische Sprachbau, S. 30.

Номинативно-разделительные и наречно-разделительные числительные

Номинативно-разделительные числительные образуются присоединением к количественным, собирательным и порядковым числительным аффикса принадлежности 3-го лица единственного числа, см. ЛоОК: *бірінчісіга* 'первому из них' (10), *үчағүсү* 'трое из них' (38); KB, II: *бірісі* 'один (из них)' (90).

Для наречно-разделительных числительных (Adverbia distributiva) характерны аффиксы *-ар*, *-ăр* и *-ĭн*, *-ін*. Примеры. KB, II: *бірăр* 'по одному' (26, 92); Man., III: *бірăр бірăр* 'по одному' (33); USp: *ӱчăр* 'по три', *алтĭрар* 'по шести' (34); MK, III: *бірін бірін* 'по одному' (360), см. также Теф. (CB, VI), 37.

Формы типа *ікіläj* и *ікăӱläjін* (форма орудного падежа от *ікăӱlă*) в восточнотуркестанском языке встречаются редко, хотя само числительное *ікіläj* занимает в нем значительное место.

Собирательные числительные

Собирательные числительные образуются при помощи аффикса *-ағу*, *-ағӱ*, ср. *ікăгӱ* 'двое', *ӱчағӱ* 'трое', *төртағӱ* 'четверо', *бӧшағӱ* 'пятеро' и т. д.

Восточнотуркестанским формам на *-ағу*, *-ағӱ* тождественны южные (огузские) формы типа *іккălă* 'двое', *алтала* 'шестеро', см. AQJB, 23.

Особая группа собирательных числительных оканчивается на *-гӱн*, см. Man., III: *ікігӱн* 'вдвоем' (14), ср. Теф. (CB, VI): *ікăгӱн* 'вдвоем', *ӱчағӱн* 'втроем' (37).

Числительные на *-гӱн* имели скорее адвербиальное, чем субстантивное значение. Возможность употребления их в карлукско-уйгурском диалекте маловероятна.

Нумеративные слова

Нумеративные слова сопровождают количественные, неопределенные и другие числительные при конкретном счете. К ним относятся:

баш („голова"), — Теф.: *алтї баш кіші* 'шесть человек' (75; ср. араб. نَفَر, перс. كَس); *кат, ката, катла* („слой") — KB, II: *мің ката* 'тысяча раз' (11); KP: *кач ката* 'несколько раз' (19); Uig., I: *ӱчӑр ката* 'трижды' (29), *бірӑр отуз ката* 'двадцать один раз' (45); USp: *ӱч ката* 'три раза' (14);

курлаjу (?) — Tiš.: *ӱч курлаjу* 'три раза' (29); ср. ĻŠ: *мің курла* 'тысяча раз' (75).

Нумеративы, заимствованные из арабского и персидского языков, встречаются преимущественно в поздних текстах, см. Раб.: *kīrk kārrāt* 'сорок раз' (22).

Система счета

Наряду со старой системой счета (единицы—десятки, с обозначением последующего десятка, например два двадцать = 12) в восточнотуркестанских текстах получает широкое распространение новая система (десятки — единицы, с фактическим значением), ср. Man., III: *ікі jіґірмі* 'двенадцать', букв. 'два двадцать' (16), *ікі jіґірмінч* 'двенадцатый' (19); USp: *ікі отуз* 'двадцать два', букв. 'два тридцать' (1), *он сӧкіз* 'восемнадцать' (12), *jӱз ікі* 'сто два' (13).

Для обозначения десятков после сотен или единиц после десятков иногда вводится слово *артук* 'больше', 'свыше', — например, Man., I: *бӧш jӱз артукї ікі отузунч* 'пятьсот двадцать второй', букв. 'пятьсот (и) свыше двадцать второй' (12).

Местоимение

Местоимения отличаются от других имен отсутствием словообразовательных форм.

В составе местоимений — несколько групп, каждая из которых выделяется своими функциональными и семасиологическими особенностями.

Личные местоимения

Некоторые сведения о личных местоимениях уже были изложены выше, в разделах о падеже имени и о способах

выражения единственного и множественного числа. К изложенному добавим, что, согласно указанию Маҳмӯда Кашгарского, в произношении (восточнотуркестанских) тюрок личные местоимения 2-го лица единственного числа имеют в качестве огласовки фатху, тогда как у кенчеков (по-видимому, огузское племя) — кесру, ср. МК, III: سَنْ *сэ̄н* и سِين *сін* (138).[23] Это относится и к местоимению 1-го лица.

Личным местоимениям множественного числа в восточнотуркестанском языке свойственна огласовка посредством кесры: *бі̄з*, *сі̄з*.

Различие единственного числа и собирательности у личных местоимений выражено в их структуре:

(б)мэ̄н — бі̄з,

сэ̄н — сі̄з, — что особенно наглядно выступает при сопоставлении морфологических показателей глагольных форм: *бардӣң* 'ты пошел' и *бардӣңӣз* 'вы пошли'.

Выражение множественности в самой структуре местоимений не исключает возможности присоединения к ним аффикса *-лар*, значение которого всегда зависит от содержания основы. Так, с местоимениями *мэ̄н*, *сэ̄н* аффикс *-лар* выражает собственно множественность (см. ЛоОК, 38), с местоимениями *бі̄з*, *сі̄з* передает особые оттенки (см.: ЛоОК, 42; МН, 8) и обычно не имеет никакого отношения к значению числа, выраженному формой самого слова.

Соотношение местоимений *мэ̄н*, *сэ̄н*, с одной стороны, и *бі̄з*, *сі̄з*, с другой, а также первоначальное значение конечных *н* и *з* остаются неясными. По мнению Б. Мункачи *н* был первоначально указательным местоимением (KSz, XVIII, S. 126). Что касается *з*, то В. Котвич рассматривает его как рудимент формы двойственного числа.[24]

---

[23] В. Котвич, учитывая наличие узкого гласного в местоимениях множественного числа (ср. *бі̄з*, *сі̄з*) и, очевидно, имея в виду особую смысловую нагрузку гласных в маньчжурском языке (ср. *бі* 'я', *бӯ* 'мы'), считает формы с *і* — *мін*, *сін* — более древними, чем формы с *э̄* — *мэ̄н*, *сэ̄н*: W. Kotwicz. Les pronoms dans les langues altaïques. Kraków, 1936, p. 5.

[24] Ср. там же, стр. 8, 14, 33.

Основа местоимения 3-го лица в древних языках — **а(н)*, при наличии разновидности **i(н)*. Первая из указанных форм выступает в косвенных падежах и в наречных образованиях, вторая — только в последних, ср. *їнча* (*інчӑ*), *їнчӑп*, *інчӑк* (**їнчак*), *їнару*.

В связи со смешением в 3-м лице двух форм — личного местоимения 3-го лица **а(н)* и указательного местоимения *ол* — наблюдается образование двух разновидностей соответствующего местоимения во множественном числе. Примеры.

1) Теф.: *улар* (76); Tiš.: *олар* (8);

2) Теф.: *анлар* (75); XX: *анлар* (100).

Ниже мы приводим таблицу личных местоимений:

Единственное число	Множественное число
1 л. *мӗн, бӗн*	*біз*
2 л. *сӗн*	*сіз*
3 л. *ан, *і(н)*	*анлар, улар, олар*

Поскольку появление аффикса *-лар* относится к позднему времени, можно предположить, что местоимение **а(н)* первоначально имело значение и единственного и множественного числа.

В целом парадигма личных местоимений восточнотуркестанского языка предстает в следующем виде:

Единственное число

1 л.	Им.	*бӗн, жӗн*
	Вин.	*бӗнї, мӗнї*
	Местн.	*мӗндӑ, мӗнтӑ*
	Исходн.	*мӗндін, мӗніңдін, мӗнтін, мӗніңтін*

Ед. ч.	1 л. *мӑ(н), бі(к), ж(и)*	Мн. ч.	1 л. **ба(н), жа(к)*
	2 л. *сӑ(н), сі(к)*		2 л. **са(к)*
	3 л. **а(н), *і(н)*		3 л. *а(к)*
Двойств. ч.	1 л. *біз*		
	2 л. *сіз*		
	3 л. **із*		

В. Шотт считает *з* древним показателем множественного числа: W. Schott. Versuch über die Tatarischen Sprachen. Berlin, 1836, S. 60.

	Дат.	*бӧңӑ, мӧңӑ, мӧңӑр*
	Притяж.	*бӧнің, мӧнің, мӧннің*
2 л.	Им.	*сӧн*
	Вин.	*сӧні*
	Местн.	*сӧндӑ, сӧнтӑ, сӧніңдӑ*
	Исходн.	*сӧндін, сӧнтін, сӧніңдін, сӧніңтін*
	Дат.	*сӧңӑ, сӧңӑр, сӧккӑр*
	Притяж.	*сӧнің, сӧннің*
3 л.	Им.	**ан*
	Вин.	*анӣ*
	Местн.	*андӑ, аӣтӑ*
	Исходн.	*андӣн, антӣн, аніңдӣн, аніңтӣн*
	Дат.	*аңӑ, аңар, *аккар*
	Притяж.	*анің, анӣ*

Множественное число

1 л.	Им.	*біз*
	Вин.	*бізні*
	Местн.	*бізідӑ, бізіндӑ, бізіңтӑ, бізнідӑ*
	Исходн.	*бізідін, бізнідін, біміңдін*
	Дат.	*бізӑ, бізкӑ, бізіңӑ*
	Притяж.	*бізнің, бізні, бізің*
2 л.	Им.	*сіз*
	Вин.	*сізні*
	Местн.	*сіздӑ, сізіндӑ, сізіңтӑ, сізнідӑ*
	Исходн.	*сіздін, сізнідін, сізіңдін*
	Дат.	*сізӑ, сізкӑ, сізіңӑ*
	Притяж.	*сізнің, сізні, сізің*
3 л.	Им.	*анлар, олар*
		(так же как в единственном числе)

От основы местоимения 3-го лица *-ан* образуется форма орудного падежа — *анӣн*, имеющая свое, отличное от других местоименных форм, значение.

Все личные местоимения 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа могут выступать в качестве особых предикативных частиц (ضمایر متصله), постепенно сливающихся с причастием или деепричастием, например *бара-мӑн* или *бара-ман* 'я иду', *кӗлӑ-мӑн* 'я прихожу', *барар-сӑн* или *барар-сан* 'ты пойдешь', *кӗлӑр-сӑн* 'ты придешь' и т. д.

Определительно-обобщительные местоимения („весь", „все")

Алку, KP, 20; Tiš., 3;
алкуӈун, AIT, 6;
барча KB, II, 83; KP, 15; Man., I, 21; Man., III, 7;
бӱтӱн, KB, II, 38; AIT, 18;
јумкī, AIT, 57;
јумку, Rach. H., II, 406;
камаӈ, *камīӈ*, *камуӈ*, AIT, 35; Tiš., 9; USp, 99, 100;
камаӈу, Suv., 266;
камаӈун, *камīӈун*, AIT, 35; Suv., 160;
көп, Man., I, 9;
тӧзӑ (*тоза*), Man., I, 6;
тӧзӱ, KB, II, 16; AIT, 48;
тӧзӱн, AIT, 48; USp, 18.

Перечисленные местоимения, включаясь в изафетную конструкцию, приобретают типологические черты существительного, т. е. субстантивируются, — например, ЛоОК: *бӟданīӈӈ камаӈī* 'все тело' (2), *зī кӱннӱӈ камаӈī* 'все люди' (32).

Определительные группы подобного типа имеются также в современных языках: узб. *буларнің хаммасі* 'все эти', *студӣнтларнің барчасі* 'все студенты'. По сравнению с сочетаниями *хаммӑ булар* 'все эти', *барча студӣнтлар* 'все студенты' или *камуӈ тīнлīклар* 'все живущие существа' (ср. KB, II: *јӟрнī көкнī јаратқан камуӈ тīнлīкларӈа рузī бӟрӣн* 'создавший небо и землю, давший всем живущим пищу', 1) они являются более древними.

Тюркское *камуӈ* нередко контаминируется с персидским *хаммӑ*.

Не-тюркские формы определительно-обобщительных местоимений (иран. *хар*, *хаммӑ* и араб. *јамī*, *ба'зī* и др.) составляют большую группу в Кутадгу билиге и в Хибат ал-хака'ик, т. е. в источниках, написанных под большим влиянием арабской и персидской литературы.

Указательные местоимения

Указательные местоимения — *бу* и *ол*, которые соотносятся между собой по двум признакам: пространственному („этот" — который ближе, „тот" — который дальше) и хронологическому („этот" — о котором только что говорили, „тот" — о котором говорили раньше). Примеры. ЛоОК: *бу ӱч кӱмӱш ок* 'эти три серебряные стрелы' (36), *ол бӧг каʁардан сарунмӣш ӧрдӣ* 'тот бек покрылся снегом' (27). Местоимение *ол* нередко указывает также на отсутствующее лицо или предмет и входит в систему личных местоимений, ср. *мӓн* 'я', *сӓн* 'ты', *ол* 'он'.

Возможно, что местоимение *бу* исторически имело форму *бул*. Исчезновение *л*, несколько необычное в этой позиции для тюркских языков, повлекло за собой образование возмещательной долготы, отражающейся в текстах уйгурской и манихейской письменности в виде двойного обозначения гласного звука, — см. Man., I: *бӯ* (5).

В случае присутствия „вставочного" *н* в форме множественного числа начальный *б* изменяется в *м*. Примеры. ЛоОК: *мунлар* (32); ср. Man., I: *булар* (21).

В сочетании с частицами *ош* 'вот' и *ок*(*ӧк*) 'же' указательные местоимения *бу* и *ол* приобретают анафорическое значение („этот" — тот, о котором говорилось выше, который так или иначе известен). Примеры. КВ, II: *ошбу* 'вот этот' (44, 99, 102), *ошул* 'вот тот' (106, 115, 131); ЛоОК: *ошу* 'вот тот' (5); USp: *ӧшӱ-ӧк* 'тот же самый' (22). При этом формы с частицей *ок*(*ӧк*) употребляются преимущественно в памятниках южной группы, см. Fera̮h-nāme: *олок* 'тот же', *шолок* 'вот тот же' (152).

Местоимение *шул*, очевидно, восходит к *ошул*. Во всяком случае, значения, выражаемые ими, полностью совпадают.

Возвратно-выделительные местоимения

Возвратно-выделительных местоимений два: *ӧз* и *кӓнтӱ*. Они имеют одинаковые значения и могут сочетаться по образцу парных слов, см. КР: *ӓзӱм* 'я сам' (31); ЛоОК: *ӧзӣ*

'он сам' (7); MK, I: *кӧндӱ* 'сам' (419; см. также AIT, 23; Man., I, 8, 9); Suv.: *кэнтӱ өзӱм* 'я сам' (194).

Местоимение *өз* имеет те же падежные формы, что и имя существительное:

Им.	*өз(і)*
Вин.	*өз(і)н, өзіг*
Местн.	*өз(і)дӓ*
Исходн.	*өз(і)дін*
Дат.	*өз(і)нӓ*
Притяж.	*өз(і)ніӊ*
Орудн.	*өзін*

Что касается другого возвратного местоимения — *кэнтӱ*, то оно употребляется главным образом в старотурецком языке, и его парадигму можно построить только теоретически, см. CD: *гӓндӱ нӓф(ӓ)с* 'сам' (162, 163; ср. также: AQJB, 32, 37, 52, 69, 80); ср. Telegdi: *кӓнсі* 'сам' (293); Cod. Com.: *кӓнсі* 'сам' (30).

Особенностью данной группы местоимений является возможность их атрибутивно-определительного и атрибутивно-обстоятельственного употребления, в связи с чем происходит разграничение возвратного и усилительного значений, ср. ЛоОК: *өз аӷїзїӷа* 'своему рту' (30); Man., I: *к(ӧ)нтӱ өзін кӧрті* 'сам себя увидел' (6); KB, II: *өз өзігӥ бакїп* 'сам на себя посмотрев' (19).

Өз восходит к знаменательному слову, первоначальное значение которого 'сущность', 'самость' хорошо прослеживается даже в относительно поздних карлукских текстах, см. KB, II: *сӓні ӧрдӱгіӊтӓгі ӧгӱмӓс өзӱм* 'тебя я (букв. 'моя самость') не могу хвалить, как подобает' (15), *тірілік тіläсӓ өзіӊ ӧлмӓгіӱ* 'если захочешь жить ты (букв. 'твоя самость'), не умрешь' (27); XX: *кутулдї өзӱм* 'освободился я сам', букв. 'моя самость' (19).

Притяжательные местоимения

Функции притяжательных местоимений выполняет форма притяжательного падежа, что же касается обособленных, так называемых предикативных, образований притяжатель-

ности типа *мӓнікі, сӓнікі*, то они в памятниках X—XIII вв. не встречаются. Однако возможно в ограниченных размерах предикативное употребление атрибутивных форм, см. ЛоОК: *ја болсун сӓнlӓрнӱң* 'пусть будет вашим лук' (39).

Неопределенные и отрицательные местоимения

Неопределенные и отрицательные местоимения, как правило, являются составными или сложными, см. Малов—Бартольду, II: *бірӓк* 'кто-либо' (15). Ср. Теф.: *хӓч хімӓрсӓ* 'никто' (75), *бір кімӓрсӓ* 'некто' (78).

Вопросительные и относительные местоимения

Для восточнотуркестанского языка характерно большое разнообразие вопросительных местоимений, см. KB, II: *нӓ* 'что' (1), *нӓгӱ* 'как', 'какой' (28, 30, 123), *нӓрӓк* 'к чему', 'для чего' (*нӓрӓк бу сӓғӓт* 'к чему эта печаль?'; 113), *нӓlік* 'почему' (139); MK, I: *нӓlӓк* 'почему' (498); MK, III: *нӓlӱк* 'почему' (188); XX: *нӓкӱкӓ* 'к чему' (*бу нӓкӱкӓ кӓрӓк* 'это для чего необходимо?'; 155), *нӓрӓк* 'к чему', 'зачем' (*харїслїк нӓрӓк аjу бӓр мӓңӓ* 'скупость для чего, скажи мне?'; 155), *нӓlӱк* 'почему' (196); AIT: *нӓчӱк* 'почему', 'зачем' (28); Man., I: *нӓlӱг* 'почему' (*сӓн нӓlӱг кӓlдің бізінтӓ* 'ты почему пришел к нам?'; 33). Многие из этих форм известны также в диалектах южной группы.

Относительное местоимение — *кім* 'что', 'который'.

Отглагольные имена

Отглагольные имена, подобно другим именам, могут присоединять к себе падежные аффиксы и сочетаться с показателями принадлежности.

С функциональной точки зрения отглагольные имена можно разделить на две группы: субстантивные отглагольные имена и причастия. Отглагольные имена первой группы в синтак-

ческом отношении близки к существительным. Причастия же с этой стороны примыкают к прилагательным. Кроме того, они часто выполняют предикативные функции и более вербальны, чем имена первой группы, т. е. в большей степени расположены к переходу в грамматический разряд глагола.

Субстантивные отглагольные имена

Одно из значительных мест в восточнотуркестанских текстах принадлежит имени, оформляемому аффиксом *-ғу, -ғӱ*.

Господствующее значение формы на *-ғу, -ғӱ* — объектно-целевое, или, иначе говоря, значение супина, хотя употребление этой формы не ограничивается случаями ее постановки при глаголах движения, ср. ЛоОК: *атлағу тіләді* 'он пожелал отправиться на коне', *катағлағу бармас ѣрді* 'он не пошел присоединяться' ('защищать'?; 15); USp: *тарӣк тарӣқу јәр кәркәк болуп . . .* 'понадобилась земля (чтобы) пахать. . .' (11). Довольно часто указанная форма выражает также лишенное целевых оттенков процессуально-субстантивное значение, см. ЛоОК: *мунда қал, ач, қалӣқ ачуңдун соң кәл ордуға* 'ты оставайся здесь, открывай запор, а после того как откроешь, возвращайся в орду' (29). В отдельных текстах выделяются устойчивые сочетания типа „отглагольное имя на *-ғу, -ғӱ* + модальное слово", см. КВ, II: *мәліккә кәғӱдәғ ѣтінӱ кәрәк* 'как надо вести себя правителю' (6). Известны также примеры атрибутивного употребления данной формы, см. ХХ: *. . . аjун да тіріліғ кішісіз қалур* '. . . мир останется без живых людей' (180), *кіші турғу јәр* 'земля, на которой должны жить (еще) люди' (201).

Процесс утраты формой на *-ғу, -ғӱ* указанных выше значений, достигший впоследствии широких размеров, явился источником возникновения нового семантико-словообразовательного ряда имен существительных, — например, *қараңғу* 'темнота', *ічкӱ* 'напиток', 'питье', *ӱjқу* 'сон'.

Расхождения в значениях отглагольных имен на *-ғу, -ғӱ*, образованных от разных групп имени через посредство специальных глаголообразующих аффиксов, неодинаковы: у су-

ществительных и прилагательных они незначительны, у существительных же и числительных — существенны и очевидны.

Последний случай поясним примерами: форма на *-бу, -гу*, содержащая в качестве первичной основы количественные слова (*üч-ä-, tört-ä...*), представляет один из типов образования собирательных числительных, ср. КВ, II: *üčägü* 'трое' (75), *ikägü* 'двое' (116); ЛоОК: *üčägü(sü)* 'трое (из них)' (38); Tiš.: *törtägü* 'четверо' (11).

Форма на *-бу, -гу* довольно часто используется при образовании отвлеченных имен существительных и относительных прилагательных, см. Man., III: *jarabulubtaï* 'как подобающий' (14); Tiš.: *kïlabulyk* 'действие' (31).

Следующий тип отглагольного имени — форма на *-мак, -мäк*. Это имя в основном содержит те же значения, что и предыдущая форма, ср.: 1) ЛоОК: *avlamak tiläді* 'он захотел поохотиться' (3), *jükläмäkkä kötdürмäkkä* 'для того, чтобы погрузить и увезти' (31); 2) Man., III: *(a)чmak, suvsamak öqtün (ö)rür* 'голодать, жаждать (голод, жажда) приходится раньше всего' (13), *üčünč arïbïn turubïn ärмäkiг nomlajur* 'в-третьих, устанавливает сущность (существование) света и бытия' (21). Иногда форма на *-мак* сближается с причастием (что можно сказать и о форме на *-бу*) и выступает в предложении в качестве определительного члена. Примеры. КР: *kurtulmak jolda tägінälім* 'пойдем-ка по дороге освобождения(?)' (29); Man., III: *aqmak inмäk ajunlarïn körkіttіңіz* 'вы показали восходящий и нисходящий миры (миры восхождения и нисхождения)' (47).

Имя на *-мак, -мäк* преобладает в текстах, отражающих особенности уйгуро-огузского диалекта.

Нетипичность формы на *-мак, -мäк* для восточнотуркестанского языка очевидна из параллельного употребления двух разновидностей отглагольного имени в тексте уйгурского варианта сказания об Огузе и в сочинении Мухаммеда Салиха, ср. ЛоОК: 1) *ičägüsin jämäktä turur* 'пожирает внутренности' (5); 2) *jalbarbuda ärdі* 'он поклонялся небесному владыке' (6), *čärіgnіn tapuklarïda... jürüjüdä turur* 'движется перед войском...' (17); ср. также SN: *jämäk ičmäk bilä*

даім ҳушхал букв. 'питьем и едой он постоянно весел' (44), *ічкӱ јӣгӱ білә машҕул ӧрміш* 'он был занят едой и питьем' (364).

К различным языковым группам относятся и производные формы, образованные от рассматриваемых имен, — ср., с одной стороны, формы на *-ҕулук, -ҕӱлӱк*, с другой — на *-маклық, -мәклӱк*.

Третий аффикс, образующий отглагольное имя, — *-(ӣн)ч, -(ін)ч, -(ун)ч, -(ӱн)ч*.

В составе данного аффикса нетрудно выделить показатель возвратного залога *-н* и неизвестный аффикс *-ч*, напоминающий словообразовательную морфему порядковых числительных, ср. МК, III: *бірінч* 'первый' (373), *төртӱнч* 'четвертый', *ӱчӱнч* 'третий' (449).

Первоначальное значение аффикса *-(ӣн)ч, -(ін)ч* — герундиальное (В. Томсен) или собственно глагольное (В. В. Радлов) — отмечается лишь в языке орхонских надписей и только у вспомогательного глагола *ӧр-* 'быть'.[35]

В диване Маҳмӱда Кашгарского и других восточнотюркестанских текстах *ӧрінч* претерпевает существенную трансформацию, в некотором смысле общую с причастиями типа *ӧрміш, ӧркән*, ср. КР: *к(ӧ)нтӱ білінәј ӧрінч* 'сам должен быть известен' (12), *ол бодіотв ӧрінч* 'это должен быть Бодисатва' (26); МК, I: *ол кӧлді ӧрінч* 'он, вероятно, пришел' (132); МК, III: *ол бардї ӧрінч* 'он, вероятно, ушел' (449).

Семантическое развитие формы на *-(ӣн)ч, -(ін)ч* уже в относительно ранний период характеризуется постепенной субстантивацией собственного процессуального значения и утратой приобретенного модального оттенка, происходящими параллельно омертвению самого словообразовательного типа, ср. КВ, II: *арӱук кїлїнч* 'интриганство' (37); КР: *ҳїлїнч* 'деяние' (8), *сакїнч* 'дума' (26); МК, III: *сәвінч* 'любовь' (373), *кавҕанч* 'заработок', 'приобретение' (386); Мап., III: *сакїнч* 'мысль', 'дума' (31); USp: *коркїнч* 'страх' (42), *тарїкїнч* 'стеснение' (46).

Четвертый аффикс, образующий субстантивное отглагольное имя, — *-ӣш, -іш*. Примеры. КВ, II: *біліш* 'знание' (50),

[35] Об этой форме см. у П. М. Мелioранского (ПКТ, стр. 101).

кэчіш 'побег' (141); КР: *көсүш* 'желание' (26); ЛоОК: *уруш токуш* 'сражение', 'битва' (30), *күн токушідін-да күн батушіғача* 'от восхода до захода' (32). В Қысса-и Юсуф, тексте с преобладающими особенностями языков южного типа, эта форма встречается только один раз, см. AQJB: *көрүш* 'взгляд' (18). Столь же редкой оказывается она и в текстах кыпчакского происхождения, см. Telegdi: *олтуруш* 'сидение' (291); МР: *тәңрі сә болдї болуш, андан бізгә бар кутулуш* 'бог тебе был в помощь, от него нам (будет) освобождение' (272).

Последний тип отглагольного имени образуется при помощи аффикса *-дук, -дүк*. Примеры. ЛоОК: *Оғуз каған анї көрдүктә өзі калмадї* 'увидев ее, Огуз-каган лишился чувств' (7), *таң әртә болдукта* 'когда забрезжил рассвет' (25); Ман., III: *сіз тәңрі јәріндән өндүкдә* 'когда ты с божественного неба снизошел' (28), *ілігіміз їдук кут күн тәңріча јарлїкадук үчүн* 'из-за повеления нашего владыки Ыдукута как бога-солнца' (35), *калтї јарук тәңрі Мані Бурхан кәлтүкдә діндар болтї* 'подобно тому, как при приходе божественного Мани присутствовал манихейский священник' (39). Изредка эта форма выступает самостоятельно в качестве предиката, см. KB, II: *муңа мән ма дәвләт сәңә кәлдүгүм, мәнің кїлғім әрді бу көрүттүгүм* 'смотри, я, счастье, пришел к тебе, каков мой характер, я показал тебе' (62), *бу күрсі өзәлә өз олтурдуғї* 'он сам сидит на этом кресле' (75). Вплоть до настоящего времени эта форма широко распространена в языках южной группы. Типичным (и продуктивным) типом отглагольного имени для последней надо считать также формы на *-їm, -im*. Примеры. 'Āšyqpāšā: *кэчіл* 'перевал', 'ущелье', *бүт* 'совет', *дүшүт* 'калека' (12).

Кроме перечисленных форм, Г. Рамстедт (StO, XI, SS. 3, 4) выделяет в тюркских и других (так называемых алтайских) языках отглагольное имя на *-ї, -i*. Примеры: *коншї* 'сосед' (*кон-* 'жить', *-(ї)ш* — аффикс совместного и взаимного залога), *көршї* 'сосед', 'друг' (из *көрүш-* 'видеться' + *ї*), *јакшї* 'хорошо' (из *јакїш-* 'нравиться друг другу' + *ї*), *каршї* 'против' (*карїш-* 'противопоставляться' + *ї*), *калїсїз* 'без остатка' [*кал-*

'оставаться' + *ɣ* (*-сɣэ*)], ср. также *адрɣ* 'всякий предмет, имеющий раздвоенный конец', 'вилы' (< *адɣр-* || *аjɣр-* 'разделять').

Примеры Г. Рамстедта неоднородны в морфологическом отношении. Среди них можно обнаружить и наречия, и имена существительные, и прилагательные. Такие формы, как *калɣсɣэ*, могли образоваться только от именных основ. Что касается наречных и некоторых других форм, то они представляют результат длительного и сложного процесса развития деепричастия на *-а*, *-у*, *-ɣ*, (*бара*, *кɜлjу*, *такɣ*), см. стр. 158 настоящей работы.

Причастие

Причастия образуются от глагола при помощи аффиксов *-мɨш*, *-міш*, *-ɣан*, *-ɣăн*, *-ɣу*, *-ɣj*, *-ар*, *-ăр* и т. д.

Функциональные границы у причастий менее определенные, чем у субстантивных отглагольных имен. Не случайно авторы древних грамматик относили тюркские причастия и к типу اسم (масдар), и к типу صفت (причастие).

К формам, допускающим функциональный параллелизм, относятся прежде всего причастия на *-ɣу*, *-ɣj* и *-дук*, *-дjк*. Правда, что касается формы на *-ɣу*, *-ɣj*, то необходимо указать на возможность совпадения в ней двух разных морфологических образований (ср. монг. письм. *-уи* и *-уиl*).

Одним из наиболее употребительных в восточнотуркестанском языке причастий является причастие настояще-будущего времени на *-ар*, *-ăр*, *-ур*, *-ўр*, *-ɨр*, *-ір* (после гласного *-jур*, *-jўр*), которое в одинаковой мере выступает и в атрибутивной функции, — см. КВ, II: *кöрўр көз* 'видящие глаза' (52), *кўjăр от* 'горящий огонь' (62), *акар сув* 'текущая вода' (63); Suv.: *jатур орун* 'место лежания' (619), — и в качестве (или в составе) предиката, см. КР: *мɜн ɜмті ölўрм(ă)н* 'я теперь умираю' (25); ХХ: *jšмă төрт ɜшіңă ɣдурмăн салам* 'также приветствую его четырех друзей' (16), *білікліk кɜрăкліk сöзін сöзлăjўр* 'знающий скажет нужное слово' (58); ЛоОК: *аj*, *аj*, *а*, *а*, *öлăрбіз* 'ай, ай, ох, ох, умираем' (9), *дост тутармăн* другом посчитаю' (13); Мап., I: *јана ɣбачаɣ öртăjўр* 'снова

зажигает дерево' (7), *кіші анї көрсәр јана јарсїјур* 'если человек ее увидит, спугнет' (8).

Основываясь на материалах некоторых современных языков (азербайджанского, кумыкского, туркменского), где в той или иной степени проявляется разграничение аффиксов *-ар, -әр, -ур, -ўр* и *-їр, -ір* (первая пара для будущего, две следующие — для настоящего времени), Н. К. Дмитриев считает эти формы исторически неодинаковыми.[26] В несколько иной форме аналогичная точка зрения была высказана П. М. Мелиоранским. „В виде предположения, — писал он, — можно высказать мысль, что формы на › ‹ служили иногда и будущим временем, а формы на › ‹ — только настоящим" (АФТ, LXV).

В языке восточнотуркестанских текстов подобное разделение не обнаруживается. Ср. ЛоОК: *өләрбіз* 'умираем' (9), *кїлдурмән* 'сделаю', *дост тутармән* 'другом посчитаю' (13), *көрүрүрмән* 'покажу' (25); USp: *білўр* 'будет знать' (2, 19, 11), *імрәнїр* 'желает' (23), *ўләшўр* 'поделит' (28), *бәрір* 'даст' (34), *бәрўр* 'даст' (40), *кәлір* 'придет' (42); МН: *өтўнўрбіз* 'просим', 'молимся', *јалварарбіз* 'молимся' (22).

Отрицательная форма причастия настояще-будущего времени образуется при помощи аффикса *-мас* (*-маз?*),[27] см. ЛоОК: *тутмасмән* 'не держу' (15); МК, II: ол *бармас* 'он не идет', *мән бармасмән* 'я не иду', *біз бармасміз* 'мы не идем', *олар* (*булар*) *бармаслар* 'они не идут' (65—66). При этом причастие в составе предиката иногда дополняется связкой *тур(ур)*, см. ЛоОК: *достлуктан чїкмастурмән* 'дружбы не брошу', букв. 'из дружбы не выйду я' (22).

Неопределенность звукового содержания буквы ﻫ (ﻫ ـﻫ) не позволяет установить точно, какой согласный входил в состав

---

[26] Н. К. Дмитриев. Грамматика кумыкского языка. М.—Л., 1940, стр. 100.

[27] Этот звук сохраняет отрицательная форма будущего времени в старотурецком языке, см. Fetaḥ-nāme: *сўўлямәрдән* 'не скажу' (153). В тексте тефсира выделяется отрицательная форма настояще-будущего времени на *-мїм*, — например, Теф. (СВ, VI): *чїкмїм* 'не выйду', *кадғурмїм* 'не печалюсь' (49).

сложного аффикса ﻣﺪ, *з* или *с*. Ибн Муҳанна приводит примеры замены *з* звуком *с*, — например, *јарамаз* > *јарамас*, *кәлмәз* > *кәлмәс* и т. д. (см. АФТ, 8). Исходя из этого, можно предположить, что *з* в диалекте автора упомянутого сочинения был более ранним, чем *с*. Точно так же и в Қыҫаҫ ал-анбиӣ Рабгуаӣ звук *з* необходимо рассматривать как изначальный, хотя в отличие от предыдущего текста в последнем явно намечается тенденция к его отглушению, ср. Раб.: *кӣлмазмӣн* 'не сделаю' (55), *бӣлмәсмӣн* 'не знаю', *бутмасмӣн* 'не верю' (59). В целом для восточнотуркестанского языка было характерным, по-видимому, употребление *с*, конечный же *з* представлял лишь явление орфографического порядка. Что касается языков южной группы, то в них сохранение *з* можно считать вполне вероятным и для довольно позднего периода.[28]

Другим широко распространенным в восточнотуркестанском языке причастием является форма на *-мӣш*, *-міш*, выступающая преимущественно в качестве предиката, см. KB, II: *туранӣклар Кутадғу бӣлӣг тӧп аjмӣшлар* 'туранцы назвали Кутадгу билигом' (2); Man., III: *інчӑ тӘмішләр* 'так говорили' (33); USp: *бітіг ӣтмӣшсіз* 'вы послали письменный документ' (9), *jӣлан jӣлкӣ калинка ӣлчігӑ бӘрмішім* 'в год змеи я отдал послу в качестве подати' (38).

Форма на *-мӣш* выражает обычно действие прошедшего времени, известное не непосредственным, а косвенным путем. Так, например, предложение *ол Әвгӑ бармӣш* означает 'у меня есть известие, что он ушел домой' (т. е. я сам не был очевидцем), а предложение *ол мӘңӑ кӘлміш* имеет значение 'он пришел ко мне' (но я его не видел), см. МК, II, 60.

Примечателен отрывок из Бабур-наме,[29] где форма на *-мӣш*, *-міш*, будучи вообще редкой в староузбекском языке, выступает несколько раз в своеобразном контексте, наглядно выявляющем указанное выше значение: *тӱш кӧрӑрмӑнкі хазрати ҳоја Убајдулла кӘлмішләр, мӘн ӣстӣкбалларӣҙа*

---

[28] См. Маббӑнӣ л-луғат: „у румийцев ج вместо ماض" (стр. 41).

[29] Бобир-нома, ҷ. I. Тошкент, 1948, б. 102.

чӣкмӣшмӑн, ҳоҷа кӗлiп олтурдӣлар. Ҳоҷанӣң алдӣҫа ҫалiбо бӗтакаллуфраӄ дастурҫан салмӣшлар. Бу *ӣхаттӣн ҳазрат хатӣрӣҫа нимӑ кӗлмiш, мулла Баба мӗнiң сарӣ бакӣп ӣшарат кӣладур* 'вижу сон: пришел ходжа Убайдулла, я вышел навстречу. Ходжа вошел и сел. Перед ним расстелили скатерть, быть может, очень простую. По этой причине в сердце ходжи что-то запало. Мулла Баба, посмотрев в мою сторону, сделал знак'.

Образование причастия на *-мӣш, -мiш* от отрицательной основы глагола (ср. USp: *jӗтмӑмiш* 'он не достиг', 9)— редкое явление.

Причастие на *-мӣш, -мiш*, в отличие от других причастий, может сочетаться с модальными словами. Примеры. Теф.: *аjдӣлар бiрiңдӑ бiрiмiз бармӣш кӗрӑк* 'сказали они: один из нас должен пойти' (77); Tiš.: *буларӣң атларӣн тутмӣш к(ӗ)ркӑк* 'надо помнить имена этих' (26), *такӣ-ок сакӣнмӣш к(ӗ)ркӑк* 'подумать также надо' (32); ср. Теф.: *бӗрӣӱ кӗрӑк* 'надо дать' (75).

Соответствующее семантически форме на *-мӣш, -мiш* причастие типа *барҫан* в восточнотуркестанском языке встречается редко и обычно в качестве атрибута. Примеры. КВ, II: *окӣҫан бiтiмӑн унутмас мунӣ* 'читавший и писавший (т. е. 'образованный') не забудет это' (4); ЛоОК: *бунда уҷканлар куш көп ӗрдi* 'летавших здесь птиц было много' (3); ХХ: *кiтабӣмнӣ көрӑн ӗшiткӑн кiшi* 'книгу мою видевший и читавший человек' (35); ср. МК, I: *ол кiшi ол jолдан азӣҫан* 'этот человек сбил с того пути' (155); МК, II: *ол тарӣҵ тарӣҫан ол* 'он сделал посев' (319). В незначительной мере оно представлено и в южной группе. В этом отношении восточнотуркестанский язык и языки южной группы образуют общую линию, если не считать присущую последним тенденцию утрачивать согласный *ҫ, г*, см. МК, I: *баран* 'идущий' (33).

Возможно, что и форма типа *бараҫан*, имеющая учащательное значение, удерживается приблизительно в тех же языковых границах, что и причастие типа *барҫан*, см. МК, I, 33.

Следующее причастие образуется при помощи аффикса *-бу, -ӣй*. Оно имеет значение будущего времени с оттенком долженствования.

Для формы на -бу, -гӣй наиболее характерно предикативное употребление. Примеры. КВ, II: *ахӣр бӣгӣсі* 'в конце концов умрет' (28), *убушуӈ бiлiгi бэйм сөзлагӣ* 'мне самому надлежит говорить о понимании и знании' (32), *тірі болса өккӣ йылын хӓм айын* 'если будет жив, будет восхвалять годами и месяцами' (41), *газубум нӓ әргӣ бiлумӓс бэйм* 'в чем должен заключаться мой грех, не могу узнать сам' (60); XX: *йырак турбу думшак тӓп тнанмабу* 'он должен стоять далеко и не должен верить говорящему елейно' (106), *башӣ бардӣ хайрлӓӈ сонӣ барбусӣ* 'начало ушло, конец доброты уйдет' (194).

Границы распространения причастия на *-бу, -гӣй* в тюркских языках Средней Азии указывает Маҳмӯд Кашгарский, „...у чигилей, ягма, аргу, тухси и уйгуров — *барбу йэр* место, по которому следует идти', *турбу обур* 'время, в которое следует встать'; у огузов и кыпчаков — *барасӣ йэр, турасӣ обур*" (МК, II, 68—70). Последняя разновидность в более позднее время широко используется в старотурецких текстах.

От причастия на *-бу, -гӣй* присоединением аффикса *-чӣ, -чi* образуется имя действующего лица. Примеры. XX: *анӓӈ амрӣ бiрлӓ тэгӓр тӓккӣучi* 'по его велению достигает стремящийся' (224); МК, II: *тапынбучӣ* 'повинующийся', *йӣкӣнӣучi* 'поклоняющийся' (168).

К числу производных образований, имеющих в основе причастие на *-бу, -гӣй*, относятся также формы типа *барбулук, кэлгiйлiйк*, частично рассмотренные в разделе отглагольных имен. Эти формы в функции предиката употребляются только со связкой, — например, МК, II: *ол ат сувбарбулук эрдi* 'он намерен был напоить лошадь', *ол анӣ тодбурбулук эрдi* 'он намерен был его накормить' (256), *ол тутбулук эрдi* 'он намерен был взять', *ол сатбулук турур* 'он намерен продать' (297).

В семантико-грамматическом отношении близким к указанным формам оказывается причастие на *-бай, -кай*, которое,

по мнению В. В. Радлова, происходит из языков южной группы (Tiš., 64). Примеры. МК, II: *ол ат суварӣɣлӣ ӧрді* 'он намеревался напоить лошадь', *ол анӣ тоɣурурлӣ ол* 'он намеревается накормить его' (257), *ол анӣ тутуɣлӣ ол* 'он намерен схватить его', *ол таварӣн сатӣɣлӣ ол* 'он намерен продать имущество' (297).

Как показывают примеры, в диване Маҳмӯда Кашгарского причастие на *-ɣлӣ* дано только в предикативном употреблении. В других текстах функции данного причастия более широкие, ср. КВ, II: *кӧlirli турур кут јана барɣучӣ* 'пришедшее счастье снова уходит' (53); XX: *аја, шӓк јолӣнда јӧlirli* 'о блуждающий по дороге сомнений' (6), *оқуɣлӣ кішінің сӓвӱнсӱн јанӣ* 'пусть радуется душа читающего человека' (21), *кӧдінкі кӧlirli кішілӧр ара* 'среди грядущих потомков' (36); Man., I: *ӧlӱgӱ тірілӱrli бӧ* 'оживляющий мертвых бек' (24); Man., III: *амрадларӣң амраɣӣн сӧвінтӱрӱlісіз* 'ты (вы) есть радующий друга друзей (ваших)' (24).

С причастием на *-ɣлӣ* С. Е. Малов соотносит формы типа *кӧlігмӓ, көрӱгмӓ*, употребительные в рунических надписях,[30] а также — в меньших размерах — в уйгурских текстах, см. МН: *көрӱгмӓ күн тӧңрі* 'созерцающий бог-солнце' (4). Известна и стяженная разновидность аффикса *-ɣма, -гмӓ — -ма, -мӓ*, см. МК, I: *ӧрмӓ сач* 'заплетенные волосы' (11, 129); ср. Сирадж ал-кулуб: *тоɣма* 'ребенок', т. е. 'рожденный' (88 б).

Другие причастия, встречающиеся реже, образуются при помощи аффиксов:

-дачӣ, -дӓчі, -тачӣ, -тӓчі (настоящее-будущее время, возможно с оттенком долженствования). — Примеры. КВ, II: *јаруттачӣ јӧрні јарық тілні біl* 'знай светлый язык, который освещает землю' (25), *тірі болдӣң ӧрсӱ ӧзӱң ӧlдӓчі* 'если ты жив (ожил?), все равно умрешь' (97); МК, III: *ол ӧт тоɣрамадачӣ турур* 'тот человек не режет мясо', *ол јӱк јӱкlӓмӓдӓчі турур* 'он не грузит груз' (316); USp: *сӧн куруɣ калтачӣң* 'ты останешься сухим' (24); ср. Теф.: *біз*

[30] С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 127; см. также у В. В. Радлова (Tiš., 64).

jәrni kökni turudačï tәŋrigä tabïnurmïz, burxanγa tabïnmazmïz 'мы поклоняемся богу, создавшему землю и небо, будде не поклоняемся' (75);

-juk, -jük (значение установить трудно). Причастие на *-juk, -jük* обнаружено в буддийских текстах (см.: Suv., 386, 387 и т. д.);

-(ï)cak, -(i)cäk (намерение или желание). Примеры. МК, II: *ol ävkä barïγcak ol* 'он намерен (желает) пойти домой', *ol bärü kälicäk ärdi* 'он сюда намерен был прийти' (55), *ol at suvγarïγcak ärdi* 'он намеревался напоить лошадь', *ol anï suvdïn käčürüşäk ärdi* 'он намеревался перевести его через воду' (257); ср. *bolmakčï, kälmäkči* с глаголами *är-* и *бол-*, см. Раб., 231.

-γučï, -ičči (имя действующего лица). Примеры. МК, II: *tarïγučï* 'сеющий или сеятель' (49), *jorïγučï* 'ходок' (51); МК, III: *jazïγučï* 'писец или пишущий' (55). В отличие от причастий, рассмотренных выше, причастие на *-γučï, -ičči* в целом подверглось значительной субстантивации. Следует заметить, что, как и формы типа *barïγlï, barïγma, bardačï*, в восточнотуркестанских диалектах оно употребляется редко. Широкое распространение эта форма получила в языках огузской группы, в которых аффикс *-γučï* изменился в *-čï*, см. Houtsma: *alïčï* 'берущий' (23).

Несколько неопределенным в семантическом отношении является причастие, образуемое при помощи аффикса *-γur, -ür*. В восточнотуркестанских текстах форма на *-γur, -ür* встречается редко, зато в староузбекской литературе примеров употребления ее довольно много, см. Лутфи: *bu tojmaγur käzümgä* 'этим ненасыщающимся моим глазам' (24 б), *otka tüškür bu könüldur* 'это сердце охвачено огнем' (43 а);[31] Сирадж ал-кулуб: *kälgär* 'пришлый' (76 б), ср. у Мехди хана в Мабани' л-лугат: *tïnγur* 'успокаивающий' (=كننده آسايش), *ötür* 'проходящий' (=گذرنده), *ujγanmaγur* 'не пробуждающийся' (=نشونده بيدار; 31).

Приведенные примеры и, в особенности, персидские соответствия, указанные Мехди ханом, свидетельствуют о том,

[31] Рукописный отдел ИВ АН СССР, А. 109.

что аффикс *-бур, -гур* имел значение настоящего времени, может быть, настоящего длительного или настоящего продолженного, осложненного каким-то модальным оттенком.

В манихейских текстах, согласно предположению А. Лекока, аффикс *-бур, -гур* является формой пожелания, см. Man., I: *болунбур, тӱшӱнгүр* (прим. 39).

Общеутвердительные и общеотрицательные имена

В данную группу входят только два имени — *бар* 'есть' и *jok* 'нет', — которые полностью лишены форм словообразования, но могут принимать аффиксы падежа и личной принадлежности. Примеры. КВ, II: *көрмішім jok бу jаңлїk кіші* 'я не видел подобного этому человека' (54); XX: *jok ӓрдім, jараттїң jана jok кїлїп іхінч бар кїлурсӓн* 'меня не было, ты создал меня, и ты снова, уничтожив меня, обеспечишь (сделаешь) второе существование' (5); Suv.: *бар jӧмӓ ӓрмӓс jok jӧмӓ ӓрмӓс* 'ни (не) есть, ни (не) нет' (280); Uig., II: ...*күнтін jїңак бір улуң бӧдүк сөгӱт бар* '...на юге (в южной стороне) есть одно большое дерево' (45).

Близость *бар* и *jok* к именам была отмечена в свое время авторами грамматики алтайского языка: *парї joгїм* 'то, что есть у меня и чего нет',[32] ср. ст.-узб. *барїм joгїм*;[33] „слово *jok* ...есть собственное имя: несуществующий, ничто".[34] Авторам указанной выше грамматики принадлежит заслуга и в установлении семантико-синтаксического своеобразия слова *jok*, заключающегося в том, что последнее „отрицает бытие предмета, тогда как *ӓмӟс* отрицает отношение сказуемого к подлежащему или отрицает качество".[35]

К перечисленным выше словам примыкает общеутвердительное имя (частица?) *ӓвӓт* 'да', см. МК, I: *ӓвӓт* — у ягма, тухси, кыпчаков, *ӓмӓт* — у огузов, *jӓмӓт* — у других тюрок (51).

---

[32] Грамматика алтайского языка, сост. членами алтайской миссии. Казань. 1869, стр. 116.

[33] Tezkereh-i-Evlia, ed. A. Pavet de Courteille. Paris, 1889, note 38.

[34] Грамматика алтайского языка, стр. 271.

[35] Там же. См. также у К. Брокельмана (Osttürk. Gramm., S. 188).

ГЛАГОЛ

Словоизменение глагола

Морфемы, входящие в состав глагола, располагаются в следующем порядке: основа (первичная или вторичная) + аффикс полной или неполной вербальности + аффикс лица-принадлежности и числа (лицо и число выражены одним морфологическим показателем — местоименным окончанием).

Основными словоизменительными элементами глагола являются аффиксы, образующие формы полной (verbum finitum) и неполной вербальности (деепричастия).

Формы полной вербальности

Формы полной вербальности иначе могут быть названы формами наклонения. Они обладают всеми признаками истинно глагольных образований и по характеру выражаемых значений распадаются на несколько групп.

Формы повелительного наклонения

Форма обычного повеления, обращенного ко 2-му лицу, внешне совпадает с основой глагола, ср. КВ, II: *дуʻа кĭл мӟңӑ* 'молись за меня' (6); КР: *бӟкрӱ кізлӓп тут, оҕрӣ алмасун* 'основательно храни, чтобы не взяли воры' (30); МК, I: *тавракĭн кӟл* 'приходи быстро' (468).

Присоединение к основной форме частицы *чӱ* привносит оттенок просительности, см. МК, III: *кӟл-чӱ* 'приди же', *барма-чӱ* 'не ходи же' (207).

Эта же форма с аффиксом *-(ӱ)ң, -(ӱ)ң, -(ӱ)ң, -(і)ң* передает оттенок почтительного отношения к собеседнику, например, ЛоОК: *сӟн бӟг болуң* 'ты будь беком' (24); Man., III: *т(ӟ)ңрім ӧзӱңӱзгӓрӱ алĭң* 'к себе возьми(те), боже' (27).

Чаще она употребляется со значением множественного числа, причем в этом случае к ней может присоединяться аффикс *-лар, -лӓр*, — например, ЛоОК: *сӟлӓр барың* 'отправляйтесь' (38); КР: *кірің лӓр* 'входите', *болуңлар* 'будьте' (18); USp:

алӣңлар 'возьмите' (17); Ṭiš.: *jашаңлар* 'живите' (11); Man., I: *олуруң* 'сидите' (34); Man., III: *jӓмäң* 'не ешьте' (39). В южных и западных языках сочетанию *-ӣң* с *-лар* соответствует сложный аффикс *-ӣңӣз*, *-ӣңіз*. Так, у Махмӯда Кашгарского (KSz, XVIII, S. 35) „гузы и кыпчаки говорят: *kojмаңӣз* 'не ставьте'", ср. Раб.: *кірінӣз* 'войдите' (110); Ferah-nāme: *kӣлуӈуз* 'делайте' (150).

Форма 3-го лица образуется при помощи аффикса *-сун*, *-сӱн*. Наименование ее формой повелительного наклонения — условное. Дело в том, что к 3-му лицу повеление может быть обращено только косвенно, а поэтому теряет свою категоричность и приближается к пожеланию. Уместно в связи с этим напомнить об указании Мехди ҳана и других авторов на семантическое тождество рассматриваемой формы и формы типа *барӈай*, *кӧлгäй*. Только в определенном контексте форма на *-сун*, *-сӱн* приобретает повелительное значение.

Помимо аффикса *-сун*, *-сӱн*, форму 3-го лица повелительного наклонения образуют также аффиксы *-сунӣ*, *-сӱні* и *-су*, *-сӱ*, являющиеся его фонетическими разновидностями. Последние встречаются главным образом в языке Кутадгу билига и Хибат ал-ҳақа'ик, ср. KB, II: *сӧвӱг болсу* 'пусть будет радостным' (16), *кӧліп көрсӱ* 'пусть придет и посмотрит' (20), *jаӈа турсу jамӈур* 'пусть идет дождь' (21), *көрсӱні* 'пусть увидит', *кірсӱні* 'пусть войдет' (55); XX: *мӓнӓ болсу фавлӣң* 'пусть придет ко мне твоя милость' (37).

Согласно сведениям, сообщаемым авторами древних грамматик и словарей, огласовка формы повелительного наклонения 3-го лица могла быть двоякой: *у*, *ӱ* или *ї*, *і* (*-сун*, *-сӱн* или *-сӱн*, *-сін*). При этом существуют основательные доводы в пользу признания первого варианта огласовки специфической чертой древних восточнотуркестанских диалектов и южных, в противоположность западным, в которых допускались оба варианта. Примеры. KP: *кӧлӱрсӱнлӓр* 'пусть принесут' (18), *алмасун* 'пусть не берет' (30); ЛоОК: *jӱрӱсӱн* 'пусть идет' (12), *jӱрӱгӱрсӱн* 'пусть везет' (32), *калмасун* 'пусть не останется' (33), *кӧлдӱрсӱн* 'пусть приведет' (37); XX: *сӧвӱнсӱн* 'пусть радуется' (21); USp: *талашмасунлар* 'пусть

не спорят' (15), *сӱвдр болсун* 'пусть полюбит' (46); ср. МР: *бӧрсін* 'пусть даст', *јалбарсін* 'пусть молится', *болсун* 'пусть будет' (276).

Особой формой повеления, обращенного ко 2-му лицу, является категорический императив, см. КВ, II: *јӣгіl сӛн кӱлӓ* 'ешь ты, смеясь' (3); МК, I: *atka от бӧргіl* 'дай лошади травы' (35); ЛоОК: *кӛлдӱргіl* 'приведи' (25), *болӯл* 'будь' (28); ХХ: *сӧзлӓгіl* 'говори' (111); Man., I: *кӛгінч бӧргіl* 'сообщи' (19); Man., III: *бӧрӱнчлӱ ӧргіl сӛн* 'будь радостным' (33). В исключительно редких случаях возможно присоединение аффикса *-ӱl, -ıл* к форме повелительного наклонения 3-го лица, см. ЛоОК: *болсунӱл* 'пусть же будет' (1), *кӧк бӧрӱ болсунӱл уран* 'да будет паролем „голубой волк"' (11).

Форма повеления на *-ӱн, -ın*, широко распространившаяся в староузбекском языке после XIV в., нами обнаружена только в тексте Хибат ал-хаḳа'иḳ: *аја шахӣм ӧртӓмлӓрін санаӯн* (?) 'о шах; сосчитай-ка его достоинства' (29).

Формы предлагательно-желательного наклонения

Предлагательно-желательное наклонение представлено формами 1-го лица единственного и множественного числа, составляющими с формами повелительного наклонения единую парадигму.

Форма единственного числа образуется при помощи аффикса *-(a)jīn, -(ā)jīn, -(a)jan, -(ā)jān*. Примеры. КВ, II: *кӧрājін* 'увижу-ка я' (20); КР: *јатајӣн* 'полежу-ка я' (17), *кӧрмājін* 'не увижу-ка я' ('лучше бы мне не видеть'; 32), *барајӣн* 'пойду-ка я' (35); Man., I: *болајан* 'стану-ка я' (12), *олурајӣн* 'сяду-ка я' (33); Man., III: *кутқарајӣн* 'освобожу-ка я' (48).

Подобные же образования с незначительными фонетическими отклонениями прослеживаются и в источниках, принадлежащих огузам или представляющих смешанные типы, ср. AQJB: *ајтајӣн* 'скажу-ка я' (27), *варајӣм* 'пойду-ка я', *кӧрājім* 'увижу-ка я', *сатам* 'продам-ка я', *кӣлам* 'сделаю-ка

я' (28); CD: *ігрäjін* 'увижу-ка я' (167), *кїлам* 'сделаю-ка я', *бїläвäн* 'узнаю-ка я' (168); 'Äšyqpäšä: *ajдajум, ajдун, ajдaман, дірван* (ورون или ورزون), *дірам* 'скажу-ка' (16).

Аффикс предлагательно-желательного наклонения 1-го лица множественного числа — *-(a)лїм, -(ä)лім*, см. USp: *ajy бэрälім* '(рас)скажем-ка' (42); Мап., I: *болалїм* 'будем-ка' (29); МН: *куртулалїм* 'освободимся-ка' (2), *йäлім* 'воздадим-ка хвалу' (4).

Этот аффикс характерен для уйгуро-огузской языковой традиции и широко употребляется в текстах старотурецкого языка (см., например, AQJB, 28; CD, 167; Ferah-nāme, 150; 'Äšyqpäšä, 16). В карлукской диалектной подгруппе он факультативен; основным же является связанный с ним этимологически аффикс *-(a)лїң*, выступающий в сказании об Огузе, а также в памятниках староузбекского языка, где он теряет конечный *ң*.

Формы условного наклонения

Аффикс условного наклонения — *-сар, -сäр* ~ *-са, -сä*. Появление усеченной формы (без конечного *р*) относится к X—XI вв.[38] Так, например, в документах из Турфана употребляются обе разновидности (см. USp, 3, 9, 11, 29), в Кутадгу билиге и сочинении Маҳмӯда Кашгарского — одна, см. КВ, II: *булса* 'если найдет' (71), *їмїтса* 'если двинется' (75), *кїлдї эрсä* 'если он сделал' (110), *тэрсä* 'если соберет' (127).

Первоначально личные формы условного наклонения были полными, например:

Единственное число	Множественное число
1 л. *барса(р)мäн*	*барса(р)мїз* или *барса(р)к*
2 л. *барса(р)сäн* и *барса(р)-їң*	*барса(р)-ҥ-сїз*
3 л. *барса(р)*	*барса(р)*

[38] С. Е. Малов обнаружил полную разновидность рассматриваемой формы в сочинении Рабгӯзӣ, по списку XVI—XVII вв., однако воспринял ее как особое морфологическое образование (*-са* — форма желательного наклонения, *-р* — аффикс причастия настоящее-будущего времени), см. USp, 226, 305.

Их стяжение и разного рода фонетические преобразования происходят параллельно специализации значения, бывшего ранее скорее желательным или предположительным, чем условным.

Кроме собственно условного значения, аффикс *-са* (*-сар*) в восточнотуркестанском языке может выражать значение причины (?), см. ЛоОК: *jэl болса* '(потому что) ветер', *тѳмүр болса* '(потому что) из железа' (6).

Многие значения аффикса *-са* являются результатом его взаимодействия с другими формами: с модальным словом *кэрәк*, — например, ЛоОК: *мэн үйғурнің каған болайын кім jэрнің төрт булуңунуң каған болсам кэрәк турур* 'я являюсь уйгурским каганом, которому должно быть правителем четырех частей света (земли)' (12); со вспомогательным глаголом *бол-*, — например, КВ, II: *...качанда бэдізні итаса болур* 'всегда можно назвать совершенным' (16), *тілік сѳкса болмас* 'язык ругать нельзя' (93); USp: *ұдса болур* 'можно послать' (9); с деепричастием *тэп*, см. Теф.: *jэкүжа аш-азық алып кэлсә тэп...* букв. 'чтобы принес повесть пищу...' (77).

Посредством присоединения к условной форме числительного *нэчә* 'сколько' выражается отрицание любого условия. Примеры. КВ, II: *нэчә бэрсә дүн'ја тұнар, алғынур* 'сколь много ни даст мир, придет это к концу, исчезнет' (21), *нэчә тірсә* (?) *ахыр өлүм тутқусы* 'сколько бы ни жили, все равно (в конце концов) настигнет (схватит) смерть' (127).

Сочетания прошедшего категорического и вспомогательного глагола *эр-* в форме условного наклонения, или условного наклонения со вспомогательным глаголом *эр-* в форме прошедшего категорического, передают нереальное условие.[37] Примеры. КВ, II: *өлүр эрді эрсә камуғ ілгән, кіші калмағај эрді рузы jэпән* 'если бы умирали все больные, не осталось бы человека, вкушающего хлеб насущный' (101), *өлүмгә асық кілді эрсә от эм отачы туры калғај эрді улам*

[37] Слияние отдельных компонентов сочетания, выражающего нереальное условие, прослеживается только в тефсире, см. Теф. (СВ, VI): *болсадї* 'если бы он был', *болмасадї* 'если бы он не был' (48).

'если бы лекарства (оказывали пользу) были действенны против смерти, все врачи остались бы живыми' (110).

При наличии сочетания из причастия на *-ар* и вспомогательного глагола *ӓр-* в основной части предложения, нереальное условие может быть выражено одной условной формой. Примеры. КВ, II: *кӱjӓр ӓрдӣм отта кӱзӓтмӓсӑ ол* 'я сгорел бы в огне, если бы он не спас' ('не защитил'; 41); ср. Теф. (СВ, VI): *качмаса ӧлдӱрӱр ӓрдӣм* 'если бы он не убежал, убил бы я' (45).

Иногда этот комплекс, в сочетании с формой условного наклонения от *ӓр-*, имеет обычное значение условной формы, — например, КВ, II: *удӱр ӓрдӣң ӓрсӑ тур* 'если ты спал, вставай' (19).

Формы изъявительного наклонения

Наиболее примечательной формой изъявительного наклонения является форма так называемого прошедшего категорического. Она образуется при помощи аффикса *-дӣ*, *-дӣ*, *-ду*, *-дӱ* (*-тӣ*, *-ті*, *-ту*, *-тӱ*).

Содержание рассматриваемой формы, будучи строго ограниченным, вполне определено ее наименованием. Форма на *-дӣ* обозначает любое происходившее действие, независимо от того, было ли оно закончено или нет, — см. КВ, II: *ача бӑрдӣ* 'он открыл' (41); ЛоОК: *Калач ат кojдӣ, ilгӑрӱ кӓтті* 'он дал (ему) имя Калач и отправился вперед' (29); МК, I: *ол таварӣн алсӣктӣ* 'его имущество было захвачено' (243).

Известны также примеры, которые могут свидетельствовать о некоторых колебаниях в содержании формы прошедшего категорического, вызванных своеобразием контекста, ср. КВ, II: *нӓчӑ мӓн сӣнадӣм ӓзіз кӣлӌучӑ кӓтӑ бардӣ кӱндӑ* 'сколько я ни проверял, злоумышленники каждый день исчезали' (29); МК, I: *канча бардӣң aj оӈул...* 'сколько ты ни ходил, о юноша...' (74).

Огласовка *д* в текстах находится в некоторой зависимости от такой структурной особенности, как закрытость или открытость слога. Так, например, в 3-м лице *д* постоянно

вокализуется через *ï*, *i*, ср. КВ, II: *kïldï* 'он сделал' (1), *bajuï* 'он разбогател' (32); КР: *uzattï* 'он проводил' (21), *ölmi* 'он умер' (32), *olğurtï* 'он сел', *sözlädi* 'он говорил' (37). Исключения из этого правила немногочисленны, см. КВ, II: *öldü* 'он умер' (142); ЛоОК: *jürüdü* 'он отправился' (27); ХХ: *ölmädü* (?) 'он не умер' (47).

В 1-м и во 2-м лице вокализация *а* зависит от характера предшествующих гласных основы. Примеры. КВ, II: *kördüŋ* 'ты видел' (139), *jädürdüm* 'я кормил' (144); ЛоОК: *kördüm* 'я видел', *ötädüm* 'я выполнил', *jürüdüm* 'я ходил', *küldürdüm* 'я заставлял смеяться' (42).

После отрицания, при любом типе вокализма в основе, в аффиксе, как правило, выступает узкий гласный *ï*, *i*, см. КВ, II: *körmädim* 'я не видел', *küldädim* 'я не смеялся' (145).

Разделение диалектных или языковых групп по характеру огласовки аффикса проследить довольно трудно. Между тем, П. М. Мелкоранский указывает на كتابلاري (АФТ, XXX), где отмечается, что „туркмены" выговаривают его с конечной кесрой, в то время как „другие тюрки" произносят неодинаково — с кесрой, когда предшествует в основе кесра или фатха, и с даммой, если в предыдущем слоге стоит дамма. Приблизительно то же сообщает значительно позднее и Мехди хан, отмечающий вместе с тем, что у „румийских тюрок" правила литературного языка Туркестана не соблюдаются, ср. بيلدوم *bildüm*, الدوم *aldum*.[38] Махмуд Кашгарский рассматривает огласовку *а* только для тех случаев, когда приметой основы является фатха. Используя этот признак, он выделяет три группы, различающиеся произношением аффиксального гласного:

„тюрки" произносят — بردم *bardïm*

огузы и др. — بردم *bardam*

аргу — بردم *bardum*

(МК, III, 139—140).

[38] Мабани' л-луғат, стр. 64.

Ср. в манихейских текстах — Man., I: *бардамаз* 'мы пошли' (10); Man., III: *анаң* 'его' (22), *болупан* 'став', *күjүрүпän* 'зажигая', *тїкїпан* 'вставив' (28), *тәпän* 'сказав' (39), *ініпän* 'нисходя' (40), и т. д.

Таким образом, в восточнотуркестанском языке в форме прошедшего категорического встречаются следующие типы огласовки:

a, y, o (ä, ÿ, ö) — y, ÿ
a, y, o (ä, ÿ, ö) — ï, i

— в отличие от языков южной группы, где представлена третья разновидность соответствия гласных *a, ä — a, ä* или даже *ï, i — a, ä, y, ÿ — a, ä*. В указанных соответствиях проявляется тенденция сблизить последнее звено в едином типе (*ï, i*).

Форма прошедшего категорического восходит к древней причастной форме, — возможно, к форме на *-дук, -дÿк*,[39] на что указывают следующие обстоятельства:

1) наличие в огласовке данного аффикса вознаградительной долготы, являющейся в тюркских языках результатом утраты или „поглощения" гласным согласного звука, — ср. Man., I: *туɒдї* 'она родила' (6), *ӣртї* 'он был', *бардї* 'он пошел' (7) или *сакїнтї-х* (5), *коркутї-х* (6);

2) возможность (в отдельных случаях) сочетания формы прошедшего категорического со связкой. Примеры. XX: *сӱчӱк таттїң ӣрсӓ авїkka анун* 'если ты испробовал сладкое, готовься к горькому' (103), *бajат бӱрдї ӣрсӓ сӓңӓ сӱн-мӓ...* 'если тебе бог пожаловал (что-нибудь), ты также (воздай)...' (121); Man., III: *... камаɣ jok чїɣaj кап кара будун букун(?) босушлуɣ кадɒулуɣ болтумуз ӣрті* '...все мы стали бедными, неимущим народом, печальным и озабочен-

[39] В этом отношении любопытны примеры, встречающиеся у Маҳмӯда Кашгарского. У огузов, кыпчаков и сувароз, указывает он, прошедшее время — на *дук: олар таɣка аɣдук* 'они взошли на гору', *мӓн мунда турдук* 'я здесь стал', *ол кӧлдӱк* 'он пришел', *біз кӧлдӱк* 'мы пришли'; у аргу, уйгуров, чигилей, тухси, ягма прошедшее время — обычно на *-дї* (МК, II, 61).

ным' (35); USp: *бәрдімізә әрді* 'мы дали' (12); ср. в более поздних — староузбекских — текстах, ЯТ: *јәдүк әрді* 'мы ели' (8), *кәлді әрді* 'он пришел' (11);

3) случаи употребления прошедшего категорического на *-дī, -ді* в качестве атрибута, см. КВ, II: *әзіз әдіү болса өтрүнді јәгіl* 'плохое ли, хорошее будет, выбранное ешь' (29); МК, III: *сасҝдī нәң* 'дурно пахнувшая вещь' (265);

4) возможность использования причастий на *-дук, -дүк* в качестве личных глагольных форм, — например, КВ, II: *тілім өктүүм хәм ара јаздубум* 'я похвалил язык и поругал вместе с тем' (27).

Другая форма изъявительного наклонения — на *-ғај, -ғāj, -кај, -кāj, -ға, -ғā, -ка, -кā*.[40] Она имеет значение будущего времени. Примеры. КВ, II: *сәңā мән кәрәкің јаба турғамән* 'я сделаю все необходимое для тебя' (53), *сәнітāі кәчүгāj, сән анī кәчүр* 'как тебя простит, ты прости его' (109); КР: *ол алтун таґка тәгсәрсіз көк ііңґуа көгājсіз* 'если вы достигнете золотой горы, увидите голубой лотос' (24); МК, II: *ол мәңā кәлгāj* 'он ко мне придет', *ол әлгā барғај* 'он пойдет к народу' (66); XX: *ачīk болға* 'горько будет' (216); Man., III: *сәнің канатīңīн күјүгāj(сән) өртәнājс(ā)н, өлājс(ā)н тәді* 'свои крылья ты сожжешь, сгоришь, умрешь, — сказал' (23), *бу јәрдā мұңлұґун інтүгү башīнтуру јоґīјурсīлар, ол јәрдā кіңін (ал)кīґīн мұңсұґун јоґīғај(сīл)ар* 'на этой земле вы ходите подавленные, печальные, на той земле вы все будете (на свободе) без печали ходить' (30); USp: *ұшākні ташī бірlā бәрмāғājмāн* 'осла с процентами не дам' (3).

В сложных предложениях форма на *-ға...* входит в основную часть (apodosis) и противополагается условной, — например, USp: *Сокта өк адīн нәгү іші кәні бар әрсәр көңүlін бахтīктīн бүтүгājмāн* 'Сокта, если другие деяния разума будут справедливы, счастьем моим пресыщу сознание' (45);

---

[40] Г. Рамстедт считает, что формы на *-ғај, -ғāj* и *-ға, -ғā* имеют неодинаковое содержание: G. Ramstedt. Einführung in die altaische Sprachwissenschaft, II, S. 89.

КР: ... *jazuкka tüшä tägінмägäj ärtіміз täңрім* '...о мой боже, мы (я) не поддались бы (искушению) совершить греховный проступок' (11); КВ, II: *öлүр ärді ärsä камуғ ілäгän кіші калмаҕај ärді рузї jäгän* 'если бы умирали все больные, не осталось бы человека, вкушающего пищу' (101); ср. также употребление рассматриваемой формы независимо от наличия условного периода, — например, КР: *бу ämäкіндін озвалї кутрулвалї уҕај ärтің* 'ты смог бы избавиться и спастись от этих своих мучений' (11).

Позднее эта форма частично утрачивает свое первоначальное значение и употребляется с оттенком желания или косвенного повеления. Ср. у Мехдй ханa: آلغای, آلسون = بگیرد.[41]

Передача других временных значений осуществляется в восточнотуркестанском языке только сочетаниями причастий и деепричастий со связкой либо с вспомогательным глаголом *ärp-*. Таким способом могут быть выражены:

настоящее-будущее время (деепричастие на *-a*, *-ä* + связка), см. ЛоОК: *кülcä кök täңрі кülä турур* 'если засмеется, небо голубое хохочет' (7), *сүттän кумуз бола турурлар* 'молоко превращается в кумыс' (9), *мän сäңä башумнї кутумнї бärämän* 'голову, счастье свое тебе отдаю' (22);

будущее неопределенное (причастие на *-ар*, *-ärp* + связка), см. ЛоОК: *кїлурмän* 'сделаю' (13); USp: *кälір* 'придет' (42);

давнопрошедшее неопределенное (причастие на *-мїш*, *-міш* + вспомогательный глагол *ärp-* в прошедшем категорическом), см. КР: *асан тükäl кälміш ärті* 'он прибыл здоровый и невредимый' (19); ЛоОК: *ошбу білдүрүлүктä бітілміш ärді...* 'в этом послании было написано...' (12), *ол бäг каҕардан сарунмїш ärді* 'тот бек был покрыт снегом' (27);

прошедшее результативное (деепричастие на *-їп*, *-ip* + связка), давнопрошедшее результативное (деепричастие на *-їп*, *-ip* + вспомогательный глагол *ärp-* в прошедшем категорическом), прошедшее длительное (причастие на *-ар*, *-ärp* + вспомогательный глагол *ärp-* в прошедшем категорическом) и др.

---

[41] Мабäни' л-лугат, стр. 26, 38.

Формы вида

В восточнотуркестанском языке нет форм вида в общепринятом смысле этого слова. Образования типа *бара бӧр* 'иди' (букв. 'давай иди') и *бара кӧр* 'иди' (букв. 'смотри иди'), рассматриваемые некоторыми тюркологами как соотносительные формы выражения видовых значений, на самом деле не являются формами одного слова. *Бара бӧр* и *бара кӧр* — сочетания форм полной и неполной вербальности или, иначе говоря, составные глаголы, в которых вторые компоненты выступают с ослабленным лексическим значением. При этом последние передают разнообразные оттенки действия, иногда не имеющие никакого отношения к виду, ср. *бара кӧр* 'иди', букв. 'смотри иди' (оттенок предупредительности).

Независимо от сказанного, ниже мы приводим примеры составных глагольных форм, встречающихся в восточнотуркестанских текстах, так как некоторые из них, как нам кажется, не лишены возможности приобрести в конечном итоге все признаки морфологизированных видовых образований.

Примеры употребления составных глагольных форм:

с глаголом *бӧр-* 'давать' — Tiš.: *сӧзләјү бӧрің* 'говорите' (34); Мап., I: *капаӷын ача бӧрті* 'открыл дверь' (13); КВ, II: *јӱрі бӧр* 'иди' (55), *ају бӧр* 'скажи' (109); Мап., III: *јарлӣкају бӧрің* 'смилуйся' (25); Реб.: *көрүәү бӧрді* 'он показал' (15); XX: *ају бӧр* 'скажи' (155);

с глаголом *бар-* 'идти' — Suv.: *јӱріп бартӣлар* 'они отправились' (620); КВ, II: *әзіә кӣлӯучӣ кӱтә бардӣ күндә* 'преступники исчезали изо дня в день' (29);

с глаголом *код-* 'ставить' — Suv.: *...әтін барча јӕп кодтӣ* '...она съела все его тело' (618); МК, II: *кодтӣ әрің умдуру* 'он заставлял мужей надеяться' (54);

с глаголом *тӕгін-* 'достигать, касаться' — Suv.: *көңүлүмтә тута тӕгіндім* 'в сердце своем я сохранил' (78); Rach. H., II: *бітіјү тӕгінтіміз* 'мы написали' (402);

с глаголом *кір-* 'входить' — КВ, II: *сәвә кірсә әврӱр јана тӑрк јӱзін* 'если влюбится, также быстро отвернет лицо' (42);

с глаголом *тут-* 'держать' — КВ, II: *бу ікін бака тутса ацкї йӱз* 'если иметь в виду этих два, польза будет много' (90);

с глаголом *тур-* 'стоять' — КВ, II: *йӧлкні бака турдї јашру көзін* 'он смотрел на правителя „скрытыми" глазами' (72); ЛоОК: *бӧрӓ турур йрдіӓр ӧрді* 'они (из)давали' (32);

с глаголом *бол-* 'быть', 'становиться' — ЛоОК: *Урум ӱстіӹ сӓн атлар болсӓн* 'ты намереваешься двинуться на Урум(а)' (16);

с глаголом *көр-* 'видеть' — МК, III: *катїӈ јанї кура көрдӱм* 'я попробовал натянуть тугой лук' (219);

с глаголом *кӧл-* 'приходить' — Suv.: *удунуп кӧлті* 'он проснулся' (620), *сӱт акїп кӧлті* 'молоко потекло' (621);

с глаголом *јарлїка-* 'приказывать, повелевать' — Suv.: *ӧшітӱ јарлїказун* 'пусть выслушает' (608), и т. д.

В заключение отметим возможность выражения видовых значений некоторыми причастиями и деепричастиями. В этом плане намечается противопоставление двух групп форм. Первые из них указывают на происходящее, но не законченное действие в пределах настоящего и прошедшего времени (деепричастие на *-а, -аја* и причастие на *-ар, -ур...*, причем деепричастие на *-а, аја* не может быть употреблено иначе как со связкой). Примеры. а) КР: *тӧрісін сурар* 'их кожи сдирают' (9), *... алӧу ӈулуӈ луулар јїланлар јатур* '... все ядовитые драконы лежат' (25); ЛоОК: *күлӓ турур* 'смеется', *јїӈлаја турур* 'плачет' (7); б) КВ, II: *азїп јӱрӱр ӧрдім* 'я заблуждался' (41), *тілӓр ӧрдім* 'я желал' (55); КР: *јана ікі көз көрмӓс ӧрті* 'и также он не видел обоими глазами' (19), *мӓні аклајур ӧрті* 'они меня ненавидели' (?; 20); ЛоОК: *күтӓјӓ турур ӧрді* 'он нас' (2), *јӧр ӧрді* 'он пожирал' (3), *сакламас ӧрді* 'он не хранил' (15), *бӧрӓ турур ӧрді* 'они (из)давали' (32);[42] МК, I: *мӓн унамас ӧрдім* 'я не соглашался' (215); Map., III: *күн тӓӈрі јарукїн Көгмӓн тацда туба кӧлір ӧрті* 'бог-солнце, рождая свет, на горе Когмен выходил' (23).

[42] Упрощение прошедшего длительного намечается только в тефсире, — например, Теф. (СВ, VI): *ураралардї* вместо *ураралар ӧрді* (45).

Вторая группа (деепричастие на *-ïп, -ïп*) выражает законченное действие, результат которого воспринимается в настоящее или прошедшее время. Примеры. а) ЛоОК: *...көрді кім кïjam (?) бұғұнї алуп турур* '...он увидел, что чудовище утащило марала' (находится в этом состоянии'; 4), *сәнләрдән баш чалуңғулук тiläпмән турур* 'я пожелал от вас повиновения' (12), *балукнї jакшї саклапсән* 'ты хорошо защитил город' (23); б) ЛоОК: *басуп ӧрді* 'он притеснил' (3), *сöз бöріп турур ӧрді...* 'он молвил...' (16).

Формы лица и числа

В восточнотуркестанском языке существуют три группы форм, выражающих лицо и число в составе глагола.

Первая группа (ср. будущее время) — полные личные местоимения 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа, употребленные в качестве аффиксов:

Единственное число	Множественное число
1 л. *-мän*	1 л. *-бiз, -мiз*
2 л. *-сän*	2 л. *-сiз*

В 3-м лице специальное оформление (местоимение *ол* или связка *турур*) используется довольно редко, см. МК, I: *ол ӧвїдї бармїш ол* 'он отправился домой' (38), *Imil сувї aka турур* 'текут воды Итиля' (73).

Вторую группу составляют стяженные формы личных местоимений (ср. прошедшее время):

Единственное число	Множественное число
1 л. *-м*	1 л. *-k, -к; -мїз, -міз; -муз, -мӱз*
2 л. *-ң*	2 л. *-ңїз, -ңіз*
3 л. —	3 л. — *(-лар, -lär)*

У аргу в форме 2-го лица вместо *ң* встречается *ҙ*, например *качурдуҙ* 'ты заставил бежать', *тапїндуҙ* 'ты поклонился'. Такие же формы — в Garïb-nāme: *булдуҙ* 'ты нашел', *калдуҙ* 'ты остался' (KSz, XVIII, 36); см. также памятники рунической письменности.

К особенностям морфологического выражения лица у глагола относится в первую очередь двойственность окончаний 1-го лица множественного числа в форме прошедшего времени и в форме условного наклонения.

В XI—XII вв. одинаково употреблялись оба окончания (*-k* и *-mïz*), см. KP: *ərtimiz* 'мы были' (11); MK, I: *aktïmïz* 'мы мчались', *čïktïmïz* 'мы вышли' (343), *bastïmïz* 'мы напали', *pustïmïz* 'мы устроили засаду' (434); Man., III: *biz kop ïrγunčïγ boltumuz* 'мы стали очень радостными' (28), *biz ujγurγaru kältük* 'мы пришли к уйгурам' (40); USp: *bitiɣ bärdimiz* 'мы дали письменный документ' (5), *aldïmïz* 'мы взяли' (16). В последующее время второе окончание (*-mïz*) начинает исчезать и в современных языках, связанных с восточнотуркестанским языком, сохраняется только в диалектах.

Характерной особенностью выражения лица является также сохранение полных, нестяженных, местоименных аффиксов в формах условного наклонения, — например, MK, I: *abaq sän barsasän* 'если ты пойдешь' (134); KP: *kačan burxan xutïn bulsam(ä)n si(s)lärni barča anta xutarγa(j)män tän tädi* 'если (когда) найду счастье Бурхана, вас всех освобожу оттуда, сказал' (38). Указанная особенность выделяет восточнотуркестанский язык среди других древнетюркских языков, для которых характерен в широких размерах процесс стяжения аффиксов. В этом отношении восточнотуркестанский язык несомненно консервативен. Употребление же местоименных аффиксов вообще говорит о необычайно резком движении восточнотуркестанского языка в сторону преобразования структуры глагольного спряжения, так как целый ряд фактов — употребление безличных условных форм в орхонских и манихейских текстах, указание Маҳмуда Кашгарского на отсутствие личных показателей при спряжении глагола в языке огузов, кыпчаков и суваров (см. MK, II, 61), а также отсутствие показателей лица в языке желтых уйгуров — позволяет думать, что для тюркского праязыка использование личных аффиксов было чуждым.

К третьей группе относятся неместоименные формы лица и числа, прослеживаемые в повелительном и предлагательно-желательном наклонениях, ср.

Единственное число	Множественное число
1 л. *-aj, -āj, -ajīн, -ājīн*	1 л. *alīŋ, -āīŋ, -alīм, -āīм*
2 л. —, *-ŋīл, -ill*	2 л. *-īŋ, -iŋ, -iŋīз, -iŋiз*
3 л. *-сун, -сӯн, -сунī, -сӯнī, -су, -сӯ*	3 л. *-сун(лар), -сӯн(lār)*

Что же касается аффикса *-lar, -lār*, то здесь заслуживает внимания один момент: присоединение *-лар, -lār* к глагольной форме по согласованию с подлежащим не является обязательным.[43]

Формы неполной вербальности (деепричастия)

Формы неполной вербальности, или деепричастия, имеют многообразные синтаксические функции, тем не менее ни одно из деепричастий не может самостоятельно заканчивать предложение. В этом основное отличие деепричастий от истинно глагольных форм, т. е. форм полной вербальности. Существует различие между теми и другими и в плане содержания. Семасиологически формы полной вербальности выявляются в формах наклонений, деепричастия же оказываются формами так называемого относительного времени. Обозначаемое ими действие предшествует действию, выраженному собственно глагольной формой, или происходит одновременно с ним, или после него, или является его целью в будущем.

Деепричастие на *-a, -ā* (после гласных — *-ja, -jā*) передает действие, одновременное с действием, выраженным формой полной вербальности, а в сочетании со связкой является формой настоящего времени, ср. ЛоОК: *кӯлā турур* 'смеется', *jīҕлаjа турур* 'плачет' (7), *бӯрāман* 'я даю' (42). Деепричастие на *-a, -ā* входит также в состав аналитических образований типа *бара бӯрдī* 'он пошел, отправился',

[43] См.: T. Kowalski. Zur semantischen Funktion..., SS. 18—20.

например, KB, II: *ача бӧрді* 'он открыл' (41), *сӧвӧ кірсӧ* 'если влюбится' (42); Man., I: *капаӯїн ача бӧрті* 'он открыл двери' (13).

К деепричастию на *-а, -ӓ* примыкает деепричастие, образуемое при помощи аффикса *-ӯ, -ӱ* и выступающее обычно компонентом сложных и составных глагольных форм, см. KP: *тӧгін ӧмгӓкін көрӱумадӱн тӧнінкӓ інчӓ тӧп тӧді...* 'не будучи в состоянии смотреть на мучения принца, сказал...' (31); USp: *тап(ла)масар, адӱн кішіӓ ӧткӱрӱ сатсун* 'если не будет угодна, пусть продадут (другому) человеку' (13), *бу бітігні мӧн Буян Тӧмӱр ӧз ӧлігін бітіӱ тӧкіртім* 'этот документ я, Буян Тимур, своей рукой написал' (15); Man., I: *оӈул ӵїз бӧрӱумаӈај* 'детей дать не смогут' (15).

Примеры, когда деепричастие на *-ӯ, -ӱ* выражает подчиненное или зависимое действие, происходящее одновременно с действием, выраженным основной глагольной формой, следует рассматривать как редкое явление, см. KP:... *їглаӱ балїӈка кірді* '...плача вошел в город' (10).

Более типичны для деепричастия на *-ӯ, -ӱ* функции приглагольного дополнения (супина и инфинитива). Примеры. *Ґїš.: сатїкчїларїӈ ’кӱӱ көрсӓтӱ јарлїкадї* 'приказал охранять купцов' (7); Теф: *...качмїшларїнї істӓдӱ їдӓлар* '...послали искать бежавших' (76), ср. там же, *колдашларїм мӧні аш-ӧтмӓк алӈалї їдӓлар* 'товарищи мои послали меня достать пищу' (77). Ср. в старотурецком языке, — CD: *ол бӓзӓгі істӓӱ варалар* 'идут искать (чтобы искать) то украшение', *дӧрт јана су істӓӱ вардїлар* 'они направились в четыре стороны искать воду' (179).

Разновидностью аффикса *-ӯ, -ӱ* в тех случаях, когда основа оканчивается на гласный, является *-јӱ, -јӱ*. См. KP: *курӈ јӧрі сувајӱ ӧл јӧрі тарїјӱ ҳуш кузӈун сокар јүрїјүр* 'поливая сухую землю, вспахивая влажную землю, довольный ворон ходит и клюет' (8), *нӓгӓ їглајӱ босушлуӈ кӧлтің* 'ты почему пришел плача (плачущий) печальный?' (10).

К этой же группе относится деепричастие с окончанием *-ӯ, -ӱ*. В восточнотуркестанском языке оно используется

лишь в качестве разного рода служебных слов, представляя собой окаменевшую форму утраченного словоизменительного типа. Примеры: *такї* 'также', 'и' (*так-* 'присоединяться', 'прикрепляться'), *бэрі* 'от', 'с' (*ол күндән бэрі* 'начиная с того дня', *бэр-* 'давать'), *сајї* — послелог повторности, учащения действия (**сај-* 'считать'), *каршї* 'против', 'навстречу' (*карїш-* 'встречаться', 'смотреть друг на друга'), *тэгї* 'до' (*тэг-* 'достигать', 'касаться'), *калї* 'если', 'когда' (*кал-* 'остаться').

Сравнение приведенных деепричастий с некоторыми причастиями и личными глагольными формами позволяет установить между ними тесную связь в приемах огласовки, ср.

бара	*барар*	*бараn*	*бардам*
бару	*барур*	*баруn*	*бардум*
барї	*барїр*	*барїn*	*бардїм*

Разнообразие последней внутри каждого ряда форм вначале, очевидно, определялось чисто фонетическими причинами, а затем могло приобрести характер диалектного разделения. Напомним о соответствующем объяснении последнего ряда форм в диване Маҳмӯда Кашгарского.

Деепричастие на *-ӱn, -ïn* обозначает действие, предшествующее действию, выраженному формой полной вербальности или какой-либо другой формой. Это значение может быть:

связанным, — например, Suv.: *јӭn кодтї* 'она съела' (618), *јӱрїn бартїлар* 'они отправились', *ууцуn кэlmi* 'он проснулся' (620), *акїn кэlmi* 'потекло' (621);

подчиненным (в деепричастном обороте), — см. KB, II: *бїlїn сӧзlӧ сӧзні* 'узнав, говори' (26); KP: *к(ӧ)мі сувуn сїнур* 'лодка, ударившись (плавая?), ломается', *бу мунча ҳорҳїнчїу адака кіріn өлїајсіэ* 'попав в столь ужасное положение, [вы погибнете' (16); ЛоОК: *одузнї ічіn мундук артїрак ічмәді* 'выпив молока, он больше не пил' (2); Man.. III: *...јэклар бӱjn јаңї кіші бірlӧ сӧңӱшӱрлӧр* '...демоны исходят и с новыми людьми сражаются' (18);

независимым (в составе личных глагольных форм со вспомогательными глаголами *тур-* и *ӓр-*), — например, ЛоОК: *мӈӑ атам бу балукнӣ бӛрӱп турур* 'отец дал мне этот город' (21), *балукнӣ јакшӣ саклапсӑн* 'город ты хорошо защитил' (23); Man., I: *булар барча Азруа т(ӳ)ӈрі ӧзӑ кіділіп бірlӑ катӣлӣп ӛрӱрlӑр* 'все эти, одевшись через посредство бога Азруа, объединились вместе' (21).

Отрицательные формы деепричастия на *-ӣп*, *-ір* имеются только в диване Маҳмӯда Кашгарского, см. МК, II: *кӧрмадір* 'не увидев', *болмадӣп* 'не быв' (121).

В Кутадгу билиге, памятниках манихейского письма и некоторых других текстах аффикс *-ӣп*, *-ір* выступает в форме *-ӣпан (-ӣбан)*, *-ірӑн (-ібӑн)*. Примеры. XX: *ол анда јатӣбан бӛрӱр санӣнӣ* 'он, лежа там, дает отчет' (136); KB, II: *окушлуғ окубан кӱзӑтӱр анӣ* 'образованный, прочитав, сохранит ее' (4); Man., III: *кӧмӱр болупан* 'обуглившись' (28), *тӣпӑн* 'сказав' (39), *ініпӑн* 'нисходя' (40); ср. также деепричастие на *-ӣпан*, *-ірӑн* в форме орудного падежа: Man., III: *т(ӳ)ӈрі јӛрін(тӑ)н ініпӑнін Тӈај т(ӈрі) к(ӳ)lӱрді* 'с приходом своим с божественного неба он привел бога Тэй' (35).

Обилие разновидностей аффикса *-ӣп (ӑн)*, *-ір (ӑн)* можно отметить в старотурецком языке, см. 'Āšyqpāšā: *бакубануӈ* 'увидев', *алӣбануӈ* 'взяв', *сурубанӣ* 'спросив', *сурӣбануӈ* 'спросив' (19).

Особую группу образуют деепричастия на *-матӣн*, *-мадӣн*, *-мадӣн*, *-мајӣн*. Примеры. KP: ...*тӛгін ӛмгӑкін көрӱумадӣн тӛгінкӑ інчӑ тӛп тӛді* '...не будучи в состоянии смотреть на мучения принца, так говорил принцу' (31); USp: ...*калтӣ(р)мајӣн јантуруп бӛрӱрмӑн* '...не задерживая возвращу' (6), *бӛрмӑтін* 'не давая' (1, 7, 29, 34); Man., III: *камӷаӷ* ...*ј(а)рлӣканматӣн ӧlӱрӱр* 'всех..., не милуя, уничтожает' (11).

Аффиксы *-мадӣн* и *-мајӣн* имеют общее происхождение и отличаются друг от друга только фонетически. Анализируя их, можно отметить бо́льшую древность *-мадӣн* по сравнению с *-мајӣн*.

Варианты *-матӣн* и *-мадӣн* обязаны своим появлением в специальной литературе отсутствию в уйгурской письменности знака для *д*. Заменявший его ە (ە) воспринимался то как *т*, то как *д*.

Аффикс *-мадӣн* — сложный. Он состоит из аффикса *-мад* (> *-мај*), являющегося приметой отрицательной формы деепричастия настоящего времени, и аффикса *-ӣн*, образующего форму орудного падежа.

В восточнотуркестанском языке выступают обе разновидности рассматриваемой формы, полная и краткая, ср. ЛоОК: *јӯрӯмајін турдӣ* 'не двигаясь стоял' (29); XX: *ӧl(ä)-мај* болуп 'став бессмертным, не умирая' (118); ср. также узб. *кӯрмајін бӑсдім* 'не видя, я наступил' (в фольклоре), *кӯрмай босдим* (литературная норма). Подобное соотношение форм наблюдается и в других случаях, включая и такие, когда говорить об использовании аффикса орудного падежа едва ли возможно, — ср. *барајін* и *барај* 'пойду-ка', *кӟлајін* и *кӟлај* 'приду-ка', *којін* и *ој* 'овца'.

Рассмотрение образований типа *бармадӣн* как форм исходного падежа от отглагольного имени на *-ма*, параллельных форме типа *бармастӣн* (исходный падеж от отрицательной формы причастия настоящее-будущего времени), не основывается на реальных фактах. В данном случае игнорируются существенные семантические различия отглагольных имен на *-ма* и соответствующих основ в деепричастиях на *-мадӣн*. Кроме того, фактически исключается возможность сближения *-мадӣн* в историческом плане с *-мајӣн*.

Деепричастие на *-ɣалӣ*, *-ӓli* выражает достигательно-целевое значение (ср. инфинитив и супин). Примеры. КР: *мӟн бу мунтуда јӯгрӓк чінтамакі ӧрдӓні алɣалӣ барајӣн* 'пойду-ка, чтобы взять драгоценный клад чинтамани' (23); *ӧтрӯ тӟнініг ilimӓli сӧзlӓді* 'затем сказали, чтобы привели принца' (37); КВ, II: *тапӣнɣалӣ кӟlдім...* 'я пришел, чтобы служить...' (52), *нӟlӯг тоқтум ӧрді, јана ӧlӓli* 'для чего родился я, чтобы снова умереть?' (104); Man., I: *јӟмӓ јӯріг тӟнріг јаратɣалӣ ӧтӓli анунтӓлар* 'они подготовились,

чтобы сделать землю и небо' (14); Uig., I: *бізің тішімізкä jokī (jok?) болɣалī кəлтің* 'ты пришел для того, чтобы были уничтожены наши зубы' (?; 41).

В ряде уйгурских памятников и чаще всего в текстах западного и южного происхождения указанная форма выражает, помимо того, действие, являющееся начальным пределом другого действия, см. Теф.: *Дакjанус мəлік кəчкəлī ікі-үч jүз артук болмуш турур тəп...* 'сказал, что с тех пор как бежал Дакьянус, прошло больше двухсот-трехсот лет...' (77); Telegdi: *кəлгəлі бəрі көрмədүм* 'с тех пор как пришел, не видел я' (299).

Вспомогательные глаголы

Основными вспомогательными глаголами являются *ər-* и *бол-*.

Собственное значение глагола *ər-* — 'быть', 'являться', 'существовать', глагола *бол-* — 'быть', 'становиться'. Примеры:

ər- — KB, II: *көтүрүлміш ərүр* 'воздвигается' (3), *кīлīнчī улуɣ ərді* 'его деяния были великими' (16); KP: *бу... əмəкліг jər ərміш* 'это... губительная земля, оказывается' (10), *бір ада ол ərүр...* 'одна опасность — такая...' (15); ЛоОК: *jалбарɣуда ərді* 'он поклонялся' (6), *бір каɣан бар ərді* 'был один каган' (14), *мəнүң тапум ərүрмү* 'быть ли моей воле?' (21); XX: *білінсізгə ҳак сөз татīксіз ərүр* 'незнающему слово истины не сладко' (54), *мұ'мінлīк нīшанā тавадұ' ərүр* 'признак правоверности — скромность' (138), *ҳарīс тəріп ərмəс* 'скупой не собирает' (153);

бол- — ЛоОК: *күнləрдəн соң кəчələрдəн соң jігіт болдī* 'спустя дни и ночи стал юношей' (2), *мəн сəнləргə болдум каɣан* 'я стал вам каганом' (11); XX: *мајаз болдī достлук* 'пустым словом стала дружба' (189).

В двух следующих примерах грамматическое значение *ər-* суживается. Роль предикативного показателя выполняет *турур*, ср. ЛоОК: *кік ав авлаја турур ərді* 'он охотился на кийиков', *jīлкīлар күтəjə турур ərді* 'он пас табуны лошадей' (2). В ряде случаев сочетания с глаголом *ər-* полу-

чают особую грамматическую нагрузку, ставящую их в один ряд с формами модальности и формами наклонений. „Формы *jарїлсун ӧрті, кірдїін ӧрті*, — пишет В. В. Радлов, — и точно так же *учајїн (ӧрті)* показывают, что присоединение имперфекта *ӧрті* к различным формам глагола (verbi finiti) в древности широко употреблялось, чтобы выражать предположительные высказывания или оптатив".[44]

Форма условного наклонения от *ӧр- (ӧрсӓ)* примыкает непосредственно к союзным словам и входит в состав слов, образующих группу неопределенных или отрицательных наречий и местоимений.

Причастие на *-мїш* от этого глагола имеет приблизительно то же значение, что и форма *ӧкӓн* в современных языках, см. XX: *тавар асӯ кӧ ӧміш* 'какая польза от богатства?' (142); KP: *бу ... ӧмӓкліг јӧр ӧрміш* 'это ... оказывается несчастная (измученная) земля' (10). Другое причастие от глагола *ӧр- (ӧркӓн)*, как указывает А. К. Боровков, „образует с настояще-будущим причастием знаменательного глагола особого рода синтаксическую конструкцию придаточного обстоятельства времени".[45] См. KP, 21.

Отрицательная форма причастия настояще-будущего времени, образованная от *ӧр-*, становится в восточнотуркестанском языке отрицательной связкой, см. KB, II: *мун ӧрмӓс мӧңӓ* 'у меня нет недугов' (64); MK, I: *камуӡ кіші тӱз ӧрмӓс* 'все люди неодинаковы' (376). Ср. огуз. и кыпчак. *дӓгӱl, тӓгӱl, дӓјӱl*, см. 'Äšуqрäšä, 15 (в диване Маҳмӯда Кашгарского: у арғу — *даӡ* = *jok*, у огузов — *тӓгӱl*, MK, III, 153).

Словообразование глагола

Описание словообразовательных возможностей глагола принято начинать с перечисления различных групп глагольных основ. Эта традиция связана с исследованием тех язы-

[44] W. Radloff. Alttürkische Studien, II. Известия АН, VI сер., т. IV, № 3, СПб., 1910, стр. 222.

[45] А. К. Боровков. Очерки истории узбекского языка, II. СВ, VI, М., 1949, стр. 45.

ков, в которых различие основ сказывается на характере их оформления. В отношении тюркских языков следование указанной традиции ничем не оправдано: независимо от структуры основ, оформление их всегда однородное.

Все грамматические формы глагола образуются от одной основы, внешне совпадающей со 2-м лицом единственного числа повелительного наклонения. Это обстоятельство настолько очевидно, что его никогда не обходила молчанием местная филологическая школа. Ограничимся указанием на Мабāни' л-луғат Мехдй ҳана. „Если в арабском лексиконе, — пишет Мехдй ҳан, — основанием слов и источником словопроизводства является масдар, то в лексиконе тюрок устои основы образует повелительное наклонение (فعل امر)".[46] Следует отметить, что и европейская тюркология в основном придерживается того же мнения и не вводит в круг специальных проблем грамматическое исследование основы. Так, например, составители блестящей для своего времени грамматики алтайского языка называют форму 2-го лица повелительного наклонения спрягаемым основанием глагола.[47] Ни один из крупных русских и западных тюркологов не пользовался понятием основы в ином смысле, за исключением тех случаев, когда речь шла о многообразии средств образования глагола от других частей речи.[48]

Любая глагольная основа может быть утвердительной и отрицательной. Показателем отрицания является аффикс *-ма, -мä*, присоединяемый к утвердительной основе, ср. *бар-* 'идти', *барма-* 'не идти'.

Формы отглагольного образования. Породы глагола. Важнейший раздел словообразования глагола — морфология так называемых вторичных отглагольных основ.

Вторичные отглагольные основы мы называем породами глагола.

---

[46] Мабāни' л-луғат, стр. 5.

[47] Грамматика алтайского языка, стр. 61.

[48] См.: Osttürk. Gramm., SS. 197—201.

Пород глагола — больше десяти. Аффиксы, выделяющие ту или иную породу, присоединяются непосредственно к первичной основе.

Среди пород глагола ведущее место занимают формы, выражающие отношение действия к его реальному производителю, т. е. тюркские залоги, и формы модальности.

Можно установить несколько принципиально различных типов отношения действия к реальному производителю, зафиксированных в грамматической форме: 1) действие исходит от выраженного подлежащим производителя и, как правило, переходит на объект (активное действие), 2) действие совершается в плане соучастия несколькими производителями, выраженными подлежащим; оно или ограничивается самими производителями (взаимное действие), или переходит на объект (совместное действие), 3) действие исходит от производителя, выраженного подлежащим, и направлено на самого производителя (возвратное действие), 4) действие исходит от производителя, который не выражен подлежащим, и, как правило, переходит на объект (пассивное действие — активное состояние), 5) действие исходит от одного производителя, выраженного подлежащим, и переходит на другого производителя, выраженного в большинстве случаев формой дательного падежа (побуждаемое, вызываемое действие).

Перечисленным типам отношения действия к реальному производителю соответствуют пять различных форм: действительная, или активная, взаимно-совместная, возвратная, страдательная, понудительная, или каузативная.

Форма действительного залога совпадает с первичной основой.

Форму взаимно-совместного залога образуют аффиксы *-(у)ш, -(ӱ)ш, -(ї)ш, -(і)ш*... Примеры. МК, I: *ол мӓнің бірлä ĕпӱшді* 'он со мною поцеловался' (180), *капувлар ачлїшдї* 'двери открылись' (239), *тӧгмä јаңактїн будун аклішдї* 'с каждой стороны стекались люди' (241); МК, II: *атлар камуң сӧмрішді* 'все лошади стали упитанными' (213), *качрушдї* '(друг друга) заставляли бежать' (225); КР: *кавїшїп ĕпіштї кучушті їглашті*

'встретившись, поцеловались, обнялись (друг с другом), плакали' (29).

Аффикс *-ш*, выражая значение совместности, может сочетаться с аффиксом страдательного залога (например, *капувлар ачлышды* 'двери открылись') и во взаимном значении — с возвратной формой (ср. *токунушды* 'они сталкивались', 'сражались').

Иногда аффикс *-ш* не изменяет значения основы и, как говорит Мехдй хан, употребляется „для украшения" (از برای تزیین), ср. *курушмак* и *курумак*, *јарушмак* и *јарумак* и т. д.

Аффиксом, образующим форму возвратного залога, является *-(i)н, -(i)н*. Примеры. ЛоОК: (*аѓызыѓа*) *бакїндї* 'он подчинился' (14), *сэвїндї* 'он обрадовался' (22); XX: *бїлїг бїрлэ бїлінүр са'адат јолї* 'знанием открывается путь к счастью' (41), *ањар му'мін эрсањ тавадї кїлїн* 'если ты правоверный, сделайся скромным' (138).

І и *і* — соединительные гласные, выступающие в тех случаях, когда основа оканчивается на согласный звук.

Аффиксы страдательного залога:

-(i)к, -(i)к; -сїк, -сік — МК, I: *ол таварїн алсїктї* 'его имущество захвачено' (243); МК, II: *эр бассїктї* 'муж(чина) разбит' (119), *бїлсїкті* 'было узнано', *санчїктї* 'он был сражен' (228);

-тук, -түк — Suv.: *бу ном јүрүкін бїлїлі ykkалї болтукар* 'действие (ведение) этого законника можно будет познать и понять' (389); см. также Suv., 409, 564;

-(i)л, -(i)l — KB, II: *кітапта бітілді бу каѓан атї* 'в книге написано имя этого кагана' (21); XX: *тірілді өлäм* 'воскрес мертвый' (118).

Аффиксы *-(i)к, -(i)к, -сїк, -сік* и *-тук, -түк* мало различаются в формальном отношении и имеют общий элемент *їк(ук), ік(ук)*. Звуки *с* и *т* при этом, очевидно, выступают в качестве дополнительных морфологических наращений.

Наиболее распространенной является форма страдательного залога, образуемая при помощи аффикса *-(i)л, -(i)l*. Эта форма, так же как и форма возвратного залога, первоначально имела другие значения и выражала, в частности, состояние, ср. МК, II: *ол нэң көрүлді* 'он (определенно) что-то увидел' (139); Раб.:

jўрўl- 'ходить' (241), ср. МК, II: *ол ўгай барїндї* 'он, кажется, отправился домой' (141), *ол атїн сатїндї* 'он, кажется, продал лошадь' (150), *ўр кojўн сағїндї* 'мужчина, кажется, подоил овцу' (152); МК, III: *ол тонїн jїртїндї* 'он, кажется, порвал одежду' (108). Именно по этой причине появился целый ряд „страдательных" и „возвратных" форм от непереходных глаголов, например, *барїл-* 'идти', *jўрўl-* 'идти', *ўрўl-* 'таять', *калїн-* 'оставаться'.

Когда и каким образом произошла специализация формы на *-л*, *-l* в направлении передачи страдательного значения и аффикса *-н* как выразителя возвратного значения, неизвестно. Ясно только, что эта специализация произошла довольно рано, и поэтому автор Мабāни' л-луғат, приводя примеры употребления одних и тех же глагольных основ с аффиксами *-л*, *-l* и *-н*, — например, *jасалмак* и *jасанмак*, *урулмак* и *урунмак*, ср. МК, I: *кöрїн-* 'виднеться' (75) и *кöрїl-* 'быть увиденным' (119), — не преминул отметить следующее: „Разница в значении их такова: если действие исходит со стороны, то употребляется *-л*, *-l*, если же оно ограничено самим (действующим лицом), используют *-н*".[49]

В страдательных оборотах имя действующего лица, как правило, опускается. Конструкция же с послелогами *jїхатїдан*, *тарафїдан* появляется только в староузбекских текстах.

В некоторых случаях как *-л*, так и *-н* оказываются неотделимыми элементами основы, и формы, включающие их, соотносятся с так называемым каузативом, или понудительным залогом, ср. *кутул-* 'освобождаться', 'спасаться', *кутқар-* 'спасать'; *јашун-* 'скрываться', *јашур-* 'скрывать'; *ўгай-* 'мучиться', *ўгайт* 'мучить'.

Примеры соединения страдательной и возвратной форм в одном слове немногочисленны, см. МК, I: *капуғ ачїлїндї* 'дверь открылась' (256), *ўзїлўндї* 'порвалась' (258).

Из аффиксов понудительного залога можно назвать следующие:

---

[49] Мабāни' л-луғат, стр. 12.

-дур, -гур, -кур, -кӱр — ЛоОК: *тӱшкӱрді* 'он поставил' (16), *jӱрӱгӱрсӱн* 'пусть танцат', *білгӱрсӱн* 'пусть дает знать' (32); МК, I: *ол мӛні удурді* 'он разбудил меня' (225), *ол jаҕ ӧргӱрді* 'он расплавил масло' (227);

-т — КВ, II: *jӱрӱтті мілік* 'он привел в действие язык' (24); МК, I: *бӛк анї октатті* 'бек бросил в него стрелу' (260), *оҳшатті* 'он уподобил' (262), *ішлӛтті* 'он заставил работать', *ойнатті* 'он заставил играть' (265); МК, II: *ол анї качіттї* 'он обратил его в бегство' (300), *кӱн тонуҕ курітті* 'солнце высушило одежду' (304); МК, III: *качуртт* 'он заставил унести, увести с собою' (431). Сюда же, вероятно, следует отнести и глагол *ajіт-* 'говорить', см. КВ, II: *jана ма ajіттї* 'опять же он заставил говорить' (5). Аффиксу *-т* после некоторых согласных соответствует аффикс *-дур, -дӱр, -тур, -тӱр*. Примеры. МК, I: *ол капуҕ ачтурді* 'он заставил открыть дверь' (218); МК, III: *тӛҥрі jаҕмур јаҕтурді* 'бог заставил идти дождь' (95); ЛоОК: *ӧлтӱрді* 'он убил' (5), *чаптурді* 'он заставил вырезать' (11), *тіктӱрді* 'он воткнул' (41); ХХ: *білік білдӱрӱр* 'сообщает знание' (53), *ахілік сӛні сӛвдӱрӱр* 'великодушие заставит тебя полюбить' (128). С нелабиализованным узким гласным аффикс *-дир, -дӱр*, так же как и аффикс *-бур, -гӱр*, выступает преимущественно в языках южной и западной групп, см. IbM: *біндірмак* 'подсаживать' (20), *чірағ јандірмак* 'зажигать свечу' (26); МР: *ӛвдіріӥн* 'благословенный' (276); Telegdi: *бактір* 'покажи' (305);

-(у)р, -(ӱ)р (чаще всего после *ч* и *л*) — КР: *тінлӥлараҕ ӧлӱрӱр* 'умерщвляет живые существа' (6); МК, II: *мӛн анї качурдум* 'я заставил его бежать' (75); ХХ: *отнї ӱчӱр* 'потуши огонь' (168);

-чур — МК, II: *тапчурдум* 'я передал' (175);

-дуз, -дӱз — МК, II: *білдӱздї* 'он объяснил', *болдуздї* 'он создал' (92, 202). Аффикс *-дуз, -дӱз* принято считать типичной южнотюркской формой побуждения;

-сӑт — Раб.: *көрсӑтсӱн* 'пусть покажет' (67), *көрсӑттілӛр* 'они показали' (68). Форма на *-сӑт* в восточнотуркестанском языке — чрезвычайно редкое и несомненно инородное образование. Присутствие ее в сочинении Рабгӱзй объясняется

своеобразием соответствующего наречия, включавшего в себя и огузские, и кыпчакские элементы;

-ïm, -ïm, -kïm... — МК, II: *ол jïп jӱрӓттті* 'он вдел нитку' (354);

-уз, -ӱз — МК, I: *ураӈут оӈлӣӈа сӱт ӓмӱзді* 'женщина дала ребенку пососать молоко' (150), *мӓн аӈар тутсуӈ тутуздум* 'я сделал ему завещание' ('он дал ему возможность получить завещание', „заставил" его получить завещание') (462); Man., III: *арӣӈ номуӈ уларӈа тутуздӣ* 'он передал им светлый закон' (39). Аффикс *-уз, -ӱз* (*-ïз, -iз*) в памятниках западной и южной групп иногда дополняется аффиксом *-ур, -ӱр* (*-ïр, -ір*), см. Houtsma: *ӓмзӱр-* 'кормить грудью' (39); см. также АФТ, 072.

Последние примеры показывают, что значение формы понудительного залога не всегда бывает понудительным. Семантика понудительного залога чрезвычайно многообразна. Можно привести ряд примеров, когда указанные формы содержат значения пожелания, позволения и даже страдания, см. Раб.: *ӱjмаӽдакї орнумнї алдурӈаjмӓн* 'я позволю взять мое место в раю' (154); AIT: *басïтур-* 'быть притесненным' (13); Uig., I: *білгӱ(р)ті* 'он показался' (8).

Аффиксы понудительного залога не образуют устойчивого сращения с первичной основой: один и тот же глагол может сочетаться с различными аффиксами, — например, КВ, II: *көргітіп* 'показав' (74), см. также КВ, II, 15, 16, 129; ЛоОК: *көргӱрӱрмӓн* 'буду показывать (дорогу)' (25); МК, I: *кӧлдӱр* 'принеси' (93, 94); МК, II: *көртӱрді* 'он показал' (194), *кӧлгірді* 'он принес' (196).

Передача понудительного значения зависит от того, является ли основная форма переходной или непереходной. Присоединение понудительного аффикса к непереходным глаголам часто не дает собственно понудительных значений, а лишь превращает их в переходные глаголы. Если же основная форма глагола имеет переходное значение, то производная от нее основа понудительного залога будет выражать понуждение во всех случаях и станет как бы вдвойне переходной.

Конструкция с „вдвойне переходным" глаголом имеет следующую особенность: субъект, через посредство которого совершается действие, нередко выражается формой дательного падежа, — например, МК, I: *ол мӓнӣ сув ічтӱрді* 'он заставил меня выпить воду' (218); МК, II: *ол аңар бітіі бітітті* 'он заставил его написать документ' (325). При понудительных формах, образованных от непереходных глаголов, тот же субъект выступает в основном или в винительном падеже, см. МК, I: *ол куш учурді* 'он заставил лететь птицу' (176); МК, II: *ол мӓні сувдін кӟчӓтті* 'он вызвал у меня желание перейти через воду', *ол анї сувсатті* 'он вызвал у него жажду' (336).

„Вдвойне и втройне понудительные" формы встречаются редко, ср. МК, II: *мӓн анї тоӈдурттум* 'я послал (кого-то) накормить его' ('заставить его есть'; 256).

Формы модальности с семасиологической стороны мало чем отличаются от форм наклонения; различие между теми и другими — преимущественно структурно-морфологическое: формы модальности, как и залоговые формы, образуют вторичные отглагольные основы, от которых могут быть образованы формы наклонения, ср.

кол- 'просить'	*колді* 'он попросил' *колса* 'если он попросит'
колӈір- 'почти просить'	*колӈірді* 'он чуть не попросил' *колӈірса-* 'если он чуть не попросит'

В текстах обнаруживается несколько форм модальности.

Форма желания — аффикс *-(ĭ)са, -(ĭ)сӓ, -(ĭ)к)са, -(ĭк)сӓ*, — например, МК, I: *ол сув ічсӓді* 'он захотел выпить воды', *ол анї урсадї* 'он захотел побить его' (276), *ол ат алсадї* 'он пожелал взять лошадь' (278); МК, III: *кара тӱнӱг кӟчӱрсӓдім/ аӈір ӈї учурсадїм/ јӓтікінің качірсадїм* 'я хотел провести темную ночь,/ я хотел прекратить страшные крики,/ я хотел обратить в бегство плеяды' (247), *ол атїӈ сатсадї* 'он хотел продать лошадь' (284), *мӓн сӓңӈ кӟлігсадім* 'я хотел прийти к тебе', *мӓн анї кӧрсӓдім* 'я хотел его увидеть' (285), *ол атїн сатїӈсадї* 'он хотел продать лошадь', *ол ӓвӓй барїӈ-*

садӣ 'он захотел домой идти' (333); Map., I: *көрөкәйүрбіз* 'стремимся (желаем) увидеть' (10); КР: *талдjка кіріксәйүрм(ә)н* 'хочу отправиться в океан' (18). Ср. также: Раб.: *суса-* 'жаждать' (133); Сл. Замахшари, II: *көңүісәді* 'он имел склонность' (355, 360).

Первоначально форма желания на *-са* образовывалась только от именных основ. В восточнотуркестанском языке X—XIII вв., как показывают приведенные примеры, указанная форма возможна и от имен, и от глаголов.

Форма предположительности — аффикс *-ӣмс(ӣн)*, *-імс(ін)*, см. МК, II: *ол әвгә барӣмсӣндӣ* 'он, кажется, отправился домой' (258), *ол тарӣғ тарӣмсӣндӣ* 'он, кажется, посеял хлеб', *ол бәрү кәлімсінді* 'он, кажется, пришел сюда', *әр күлүмсінді* 'мужчина, кажется, засмеялся' (259), *ол мәңә тәлім күлүмсінді* букв. 'он показался мне многим смеющимся' (?; 260).

У Маҳмӯда Кашгарского эта форма выражает также симулятивное значение,[50] см. МК, III: *ол jүк jүклämсіндӣ* 'он притворялся, что несет тяжелый груз' (322). Встречаются, кроме того, случаи, когда форма на *-ӣмс(ӣн)* выражает намерение, — например, МК, I: *ол мәндін jармак алӣмсӣндӣ* 'он намеревался (?) взять у меня деньги' (20).

Форма намерения или предрасположенности к совершению действия — аффикс *-кал-*, *-käli*, *-ғалӣ*, *-ғäli*, см. КВ, II: *күнүм баткалӣртӣ* 'похоже на то, что собирается заходить мое солнце', *сағӣнч кадғу мәхнät мәңа кәлгälip* 'горе, печаль и заботы собираются прийти ко мне' (98); МК, II: *мән барғалӣрмän* 'я намереваюсь пойти', *мән турғалӣрмän* 'я намереваюсь (в)стать' (67).

Форма неосуществленной возможности — аффикс *-ғӣр*, *-ір*, см. МК, II: *колғӣрдӣ* 'чуть не выпросил он', *камғӣрдӣ* 'чуть не искривился он' (194), ср. МК, I: *ол барғалӣ калдӣ* 'он собирался пойти' (но не пошел; 22); ср. узб. *бäра jäздім*, *тура jäздім* и т. д.

Форма возможности — аффикс (вспомогательный глагол?) *-у*. Примеры. КВ, II: *качумас турур* 'не убежит' (71), *кају тӯс*

[50] Ср. у К. Броккельмана: Simulativa (Osttürk. Gramm., S. 212).

ĭмĭтса турумас 'какой заколеблется, не сможет устоять' (75), *тiläктäı болумас* 'по желанию не будет' (103); КР: *тĭдуумадам* 'я не мог (его) задержать' (20), *кəнінч бəрўумадĭ* 'он не мог дать ответа' (15); Man., I: *сəзəлäўумаҕај* 'не сможет сказать' (15); Man., III: *сакĭну інчä кĭлуумас* 'думая, так делать не может' (32), *нəң тірıўрўумаслар* 'ничего не могут оживить' (43).

Нередко *-у* выступает в качестве самостоятельной глагольной основы, см. Man., III: *сіз нəчўк уҕајсıз* 'как вы сможете' (28), поэтому данную форму можно считать аналитической.

Для выражения возможности аналитическим способом используется также глагол *бil-*, см. КВ, II: *тəрä бiлдi* 'он смог собрать' (118); XX: *jəтä бiлдi* 'он смог достичь'; ср. Теф. (СВ, VI): *кĭлу бiлмäдi* 'он не мог сделать' (50). Для восточнотуркестанского языка сочетание с глаголом *бil-* является необычным, тогда как в диалектах южной (огузской) группы оно — почти единственное средство выражения возможности.

Выражение возможности при помощи глагола *ал-* наблюдается только у Ибн Муҳанны и Замаҳшарй, см. IbM: *кĭсалмак* (*кĭса алмак*) 'суметь зажать' (43); Сл. Замаҳшарй, II: *өзінĭ саҳлај алмадĭ* 'он не смог защитить себя' (282).

Обособленное место в восточнотуркестанских текстах занимают форма многократного вида на *-гäл, -кäл*, — см. Suv., 536, — а также формы, выражающие ослабленное действие, с аффиксами *-сĭр, -сір, -чăр, -чір, -ра, -рä* и т. д., см. КВ, II: *jўзĭ кĭвдĭ ĕңдi јана күлчіріп* 'его лицо покраснело, побледнело, и он снова засмеялся' (328); МК, II: *јаҕмур тамчуудĭ* 'дождь моросил' (175), *күлсірдi* 'он посмеивался' (256); МК, III: *кəврäдĭ* 'ослабило' (41), ср. там же: *күчі кəвдім* 'я ослабел' (167).

Формы отыменного образования. Глагол образуется от имени при помощи разных аффиксов, из которых небольшая часть имеет широкую сферу употребления, а большинство охватывает два-три слова.

К первой группе относятся аффиксы:

-ла, -лä — ЛоОК: *бəдўкläдi* 'он вырос' (*бəдўк* 'большой'; 2), *баҕладĭ* 'он привязал' (*баҕ* 'связка'; 4), *атладĭ* 'он отправился'

(*ат* 'лошадь'; 20); МК, I: *ол атӣн арпаладӣ* 'он накормил лошадь ячменем' (*арпа* 'ячмень'; 316); МК, III: *ол анӣ карӣнладӣ* 'он ударил его по животу' (*карӣн* 'живот'; 345), *ол анӣ кӣлӣчладӣ* 'он ударил его мечом' (*кӣлӣч* 'меч'; 346), *памук уруҕладӣ* 'он отделил хлопок от семени' (*памук* 'хлопок'; 346);

-а, -ӓ, -у, -ӱ, -ӣ, -і — КВ, II: *јашӣн јашнадӣ* 'сверкнула молния' (*јашӣн* 'молния'; 19), *кӱчӓмӓсмӓн* 'не принуждаю' (*кӱч* 'сила'; 318); КР: *јарлӣҕадӣ* 'он приказал' (*јарлӣҕ* 'приказ'; 18); МК, III: *ӧр кӣшлаҕда јазадӣ* 'мужчина провел лето в кишлаке' (*јаз* 'лето'; 88), *ӧр ӱзун јашадӣ* 'мужчина долго жил' (*јаш* 'жизнь'; 89), *бајудӣ* 'он сделался богатым' (*бај* 'богатый'; 274; ср. IbM: *бајӣ-*, 18); ХХ: *аңа* 'пойми' (*аң* 'мысль, разумение'; 9);

-дӣ, -ді — МК, I: *аңдӣдӣ* 'он охотился, преследовал' (*аң* 'зверь'; 310);

-да, -дӓ, -та, -тӓ — МК, I: *окта* 'пускай стрелу' (*ок* 'стрела'; 26); Раб.: *алдадӣ* 'он обманул' (*ал* 'обман'; 278; ср. AIT: *аллӣҕ* 'лживый', 5, *алтаҕ* 'обман', 6);

-ша, -шӓ — МК, I: *јумшар* 'смягчается' (*јум* 'пух', 'перо'; 110); ср. также *курша-* 'охватывать' (*кур* 'пояс', 'кушак'), **ӣша-* 'верить' (*ӣша-н-ч, ӣна-н-ч* 'вера', см. KSz, XVII, 9, 11);

-сӣра, -сірӓ, -(а)р, -(ӓ)р и др.

Из перечисленных аффиксов многие имеют нейтральное глагольное значение, т. е. служат средством образования глагола от различных имен и при этом не привносят никаких дополнительных значений.

Некоторые глаголообразующие аффиксы выражают действие с точки зрения характера, условий, необходимых предпосылок или возможности его выполнения. Так, например, аффикс *-ла, -лӓ* может иметь оттенок видимости, предположительности, ср. МК, III: *ол анӣ тӱбӱтладӣ* 'он считал его тибетцем' (330), *ол анӣ сӣҕырладӣ* 'он принял его за корову' (331). Аффикс *-сӣра, -сірӓ* обозначает утрату или лишение предметов и состояний, которые выражены именной основой, например, AIT: *інчсірӓт-* 'лишить покоя' (21), *кӱчсірӓ-* 'лишиться силы' (26); Мап., III: *білӓ білігі татӣҕсірајур* букв. 'его мудрость лишается вкуса' (18). Очень возможно, что аффикс *-сӣра* появился в результате слияния двух односложных морфем *-сӣр*

(~ *-сĭз*, ср. у так называемых привативных форм имени) и *-а*. Аффиксы *-(а)р*, *-(ä)р*, *-(у)р*, *-(ӱ)р*, *-(а)т*, *-(ä)т*, *-(а)д*, *-(ä)д*, *-сĭн*, *-сін* выражают значение, противоположное значению аффикса *-сĭра*, *-сірä*, — 'стать чем-нибудь (кем-нибудь)', 'приобрести новое качество, состояние или форму', например, МК, I: *обул ӭрсіндї* 'мальчик стал мужчиной', т. е. 'возмужал' (253); МК, II: *тӱн карардї* 'ночь потемнела' (77), *көгärдї* 'посинело' (84), *ӭр кутаттї* 'мужчина стал счастливым' (299); ХХ: *јаңї ӭскірӱр* 'новое стареет' (96).

Аффиксами с ограниченными словообразовательными возможностями являются:

-ӷар, *-ӷär* — МК, II: *ол ат сувӷардї* 'он напоил лошадь' (*сув* 'вода'), 188 и др.

При образовании нового морфологического типа в словообразовательную форму включаются показатели возвратного, страдательного или понудительного залогов, и такие комплексы функционируют часто как неразложимые морфемы, ср.

-ал, *-äl* — МК, II: *карталдї* 'он постарел' (*карт*) (234). *кобзалдї* 'заиграл кобуз' (*кобуз*; 235);

-лат, *-läт* — МК, II: *карлаттї* 'он засыпал снегом' (*кар*; 347);

-ĭіт — КВ, II: *јӧlıітӱр* 'носит по воздуху' (304);

-ĭӱl — КВ, II: *јӧlıӱläр* 'порхает' (18);

-лан, *-läн* — МК, I: *ӭр обузландї* 'мужчина приобрел привычки огузов', т. е. 'обогузился' (*обуз*; 293), *ол мӧнї обузладї* 'он принял меня за огуза' (302); МК, II: *ӭр кĭмĭзландї* 'мужчина приобрел кумыс', *ӭр кашукландї* 'мужчина обзавелся ложкой' (268), *ӭр тавӷачландї* 'мужчина усвоил привычки и нравы китайцев', т. е. 'окитаился' (271), *хан бу јӭрĭı кушлаӷландї* 'хан сделал эту землю местом охоты на птиц' (273);

-ук, *-ӱк* — МК, I: *ӭр аӷуктї* 'мужчина отравился' (*аӷу* 'яд'), *іш учуктї* 'дело закончилось' (191; см. также USp, 102; Suv., 472); МК, III: *өӧ јаїктї* 'время „завеснилось"' (191), *ӭр муңуктї* 'мужчина запечалился' (395), *сув тӧріңӱкländї* 'вода поднялась', букв. 'вода стала более глубокой' (411);

-тат — МК, I: *бӧг анї октаттї* 'бек бросил в него стрелу' (260).

НАРЕЧИЕ

Обстоятельственные слова

Обстоятельственные наречные слова могут быть отыменными и отглагольными. Первым свойственны значения времени, меры и предела, места и т. д. Вторые передают значения образа действия и включения (инклюзивности).

Обстоятельственные слова отыменного образования в своей застывшей морфологической структуре воспроизводят падежную парадигму имени, причем в этом процессе одинаково представленными оказываются падежные морфемы разных хронологических планов.

То обстоятельство, что основой образования многих обстоятельственных слов являются падежные формы имени, представляется вполне закономерным. Падежные формы имени выступают в связной речи в качестве косвенных объектов, а косвенный объект в предложении, будучи, как известно, весьма неопределенной и неустойчивой синтаксической категорией, нередко обособляется и вовлекается в семантико-синтаксическую сферу глагола.

Из продуктивных аффиксов обстоятельственных слов первой группы чаще всего встречается *-ĭн, -ін*. Этот аффикс в орхонских и енисейских надписях, а также в текстах манихейской и уйгурской письменностей функционирует в качестве формы орудного падежа. В восточнотуркестанском языке собственно орудное значение постепенно исчезает, и аффикс *-ĭн, -ін* сохраняется лишь за группой имен, выражающих псевдоорудные значения, тогда как для передачи орудности используется новое средство — послелог *бĭлä, бĭплä*. В ряде случаев рассматриваемая форма не имеет этимологической связи с формой орудного падежа. Примеры. Uig., I: *нӟчӱкін* 'как' (6); MK, I: *ӟдгӱлӱкӱн* 'хорошо', 'благополучно' (158), *тавракĭн* 'быстро' (*таврак* 'быстро'; 468); KP: *ол ӧдӱн* 'тогда, в то время' (10, 17); ЛоОК: *ташкарун* 'вне' (33); KB, II: *кӱнӱн тӱнӱн* 'днем и ночью' (15), *japĭн* 'завтра' (28, 84), *тӟркін* 'быстро' (123); USp: *jakĭн* 'близко' (46); XX: *japĭн* 'завтра' (97).

Аффикс *-қару, -қäру, -ɣару, -ɣäрӱ, -қар, -қäр* ... первоначально являлся формой направительного падежа. Однако уже в орхонских и енисейских надписях эта форма, как позднее и форма орудного падежа, частично утрачивает падежное значение. В восточнотуркестанском языке она переходит в разряд словообразовательных средств и объединяет группу обстоятельственных слов места. Примеры. КВ, II: *joɣару* 'вверху' (18); КР: *ташқару* 'наружу' (8); Теф.: *қajɣару* 'куда' (75); Man., III: *турқару* (*туруɣ* + *ɣару*)[31] 'всюду' (45).

К этой форме примыкает аффикс *-(a)ру, -(ä)рӱ*. Примеры. МК, III: *нару* 'сюда' (223); AIT : *оңару* 'направо' (30); Man., *(iн)äрӱ* 'наружу' (36).

Форма на *-(a)ру, -(ä)рӱ*, как и предыдущие, типична для всех диалектных групп, однако значение ее в южных и западных языках значительно шире, ср. Houtsma: *шарқарї* 'восток' (79), *рӱмäрі* 'греки' (75).

Аффикс *-да, -дä, -та, -тä* воспроизводит форму местного падежа имени. Примеры. МК, I: *қajуда* 'где' (99); МК, III: *канда* 'где', *қajда* 'где' (173); КР: *мунта* 'здесь' (28), *канта* 'где' (31); Man., I: *ант(а)* 'там' (33); Man., II: *антада* 'потом', 'затем' (7); Suv.: *анчата* 'тогда', 'затем' (619).

От *-да* падежного форматива следует отличать *да*, употребляемое в качестве аппозитивного члена и привносящее обобщенно-утвердительный оттенок, — например, КВ, II: *качанда* 'когда бы ни', т. е. 'всегда' (16); КР: *қajу-та* 'где бы ни', т. е. 'всюду' (17).

Аффиксы *-ɣа, -ɣä, -қа, -қä* и *-дїн, -дін, -дун, -дӱн* — приметы новейших образований дательного и исходного падежей, см.: а) Man., III: *аднаɣука* 'иначе' (от *адїн* 'другой'; 21); КР: *нäгä* 'почему' (10); USp: *нäкӱкä-ма* 'нисколько' (12); КВ, II: *қajуɣа* 'куда' (91); б) МК, I: *öндӱн* 'вперед' (40); КР: *öнтӱн* 'спереди' (25); КВ, II: *солдїн* 'слева', *оңдун* 'справа' (14), *қajудїн* 'откуда' (91).

[31] См.: ЗВО, т. XX, вып. II—III, СПб., 1911, стр. 50.

Другие аффиксы обстоятельственных слов:

-ра, -рä — Ţiš.: *öŋрä* 'ранее' (33); МН: *аср а* 'внизу' (10); КВ, II: *ічрä* 'внутри' (5); AIT: *öŋрä* 'раньше' (32);

-ча, -чä — Man., III: *öзінінча* 'по своему' (22), *інча* 'так' (23); XX: *көŋүлчä* 'по сердечной (воле)' (205), *тілäкчä* 'по желанию' (206); USp: *јӣл јаӈінча* 'до начала года' (7); MK, III: *канча барса* 'сколько ни пройдет' (40); Uig., I: *антача* 'там' (8); KP: *канча* 'куда' (28); KB, II: *оңча* 'направо', *солча* 'налево' (129);

-тӣ, -ті — AIT: *ӧдӣүті* 'хорошо' (10), *түкäті* 'полностью' (50); XX: *ӧмді* 'теперь' (11); KP: *улатӣ* 'и других (?)', 'также', *түкäті* (20); Suv.: *катӣŋтӣ* 'сильно', 'крепко' (208);

-чаҳ, -чак, -чак[тӣ(ча)] — Man., III: *анчакӣнча* 'в это самое время' (34); Man., I: *анчӣінча* 'так, как', 'подобно тому, как' (6), *анчаҳ* 'так', 'столь', 'так много' (7); KB, II: *анчӣŋӣн* 'там' (401); MK, I: *канчук* 'как', 'сколько ни' (195);

-сӣŋ, -сӣк, -саŋ, -сак — Suv.: *адӣнсӣŋ* 'иначе' (511); KB, II: *адӣнсак* 'иначе' (73).

Обстоятельственные слова второй группы (отглагольные) в большинстве случаев восходят к деепричастиям:

на -ӣ, -і, -а, -ä, -ы, -ӱ — KB, II: *кодӣ* 'внизу' (18), *баса* 'затем' (39); Man., I: *јана* 'снова' (7), *баса* 'затем' (17), *отру* 'напротив' (71); KP: *јӧмä* 'также' (9, 18), *ӧтӱрӱ* 'затем' (13, 15), *ӧтрӱ* 'затем' (37); Man., III: *ашну* 'прежде', 'раньше', *ашну туŋмӣш* 'прежде рожденные' (6), *толу* 'полностью' (45); AIT: *баја* 'раньше' (14); Ţiš.: *makī-ok* 'также', ср. *makī-ok сакӣнмӣш кӓркäк* 'призадуматься также надо' (32); TT, VII: *јантуру* 'опять' (41). При этом выделяются обстоятельственные слова, которые восходят к деепричастию на *-ы, -ӱ*, образованному от глагольных основ на *-ла, -lä*, см. AIT: *ікілäјӱ* 'дважды' (21), *мунчулају* 'этак' (28); Man., I: *анчолају-ма* 'также' (17); KP: *анчулају* 'также' (24); ср. в западных языках: MP: *ікілäј* 'дважды', *алај* 'так' (268);

на -ӣн, -ін — Ţiš.: *нӓŋ ӣнчӣп* 'никоим образом' (31), ср. Zwei uig. Runeninschriften: *анчӣп* 'затем' (7).

Неясен этимологический состав форм типа *бујла*, развитие которых из деепричастий маловероятно. Указанные формы

Маҳмӯд Кашгарский справедливо рассматривает как огузские. В отличие от форм на *-лаjу*, *-läjӱ*, свойственных и древнеуйгурскому языку и языку огузов, последние выступают преимущественно в старотуреңких текстах, см. CD: *äjlä* 'так' (107); AQJB: *ajла* 'так' (16), *шujла* 'вот так' (57); ср. также ŠN: *ajла* 'так' (47, 388), *шujла* 'вот так' (416).

К последней группе примыкают формы: *анчола* 'так' (Man., III, 9, 36); *тӱндӱ* 'ночью' (Suv., 513) и проч.

Ряд обстоятельственных слов представляет ограниченный или единичный тип словообразования. Примеры. KB, II: *кӱндӱз* 'днем' (71); Man., I: *бӱгӱн* 'сегодня', 31 (см. также: USp., 75; XX, 97); Man., III: *нәңäjӱк* 'никоим образом' (22); Ṭiš.: *анчакӣja* 'таким образом', 'так' (3); XX: *бäк-та* 'сильно' (64). *Та* в последнем примере является частицей, усиливающей значение знаменательного слова. Этот словообразовательный тип наречия, для которого более всего подходит наименование наречного элятива, можно сравнить с современными узбекскими образованиями типа *jуда хäм* или татарскими типа *бiрäк тä*.

Изобразительно-экспрессивные слова

Изобразительно-экспрессивные слова входят в систему языка как несколько необычные, инородные элементы. Однако в сочетании с глаголами *ӧт-*, *кӣл-*, *бол-* и соответствующими словообразовательными аффиксами они утрачивают специфические оттенки и вносят конкретный смысл в общее понятие действия.

Разумеется, ни о какой грамматической классификации изобразительно-экспрессивных слов говорить нельзя.

К изобразительно-экспрессивным словам относятся образные слова, междометия и призывные слова.

Образные слова представляют собой звукоподражания и так называемые симпатические подражания. Они обычно состоят из двух компонентов, т. е. выступают как дублетные сочетания, поэтому нам представляется целесообразным классифицировать их в соответствии с характером вокализации составных частей.

В односложных словах:

а — а (*ӑ — ӑ*) — МК, III: *шап шап* — обозначение звуков удара по телу, ср. *анӑ шап шап бойуллаӳ* 'он его шлепнул по шее' (145), *ол кавуншӳ шап шап йӗдӗ* 'он ел дыню чмокая' (146); МК, I: *јаб јаб* — чмокание, ср. *ол ӑрӳк јаб јаб јӗдӗ* 'он ел урюк причмокивая' (318), *заб заб* — прыгание, ср. *заб заб барӳӗ* 'иди прыгая' (319), *јат јат* — грохот, треск, ср. *јат јат урӑ* 'с грохотом ударил' (320), *шар шар* — подражание звукам падения дождя (324), *зак зак* — звуки ударов рогов об рога, *сак сак?* (333), *јарс јарс* — подражание треску, стуку, ср. *ол анӑ јарс јарс урӑ* 'он ударил его с треском', *карс карс* — хлопание, ср. *карс карс аја јаптӑ* 'он ударил в ладони' (348); Сл. Замахшарй, II: *бак бак* — воркование, ср. *бак бак кӗлӑй кӑвӑрчкӑн* 'голубь ворковал' (111);

ӳ — ӳ (*ӳ — ӳ*) — МК, I: *јӳр јӳр* — подражание звукам падения молока (323, 485), *тус тус* — подражание падению воды, ср. *тус тус урӑ* (329), *хӳрт хӳрт* — хрустение, ср. *ат арпанӑ кӳрт кӳрт јӗдӗ* 'лошадь с хрустом ела ячмень' (343).

а — ӳ (*ӑ — ӳ*) — МК, I: *кар кур* — подражание звукам, исходящим из живота, ср. *кар кур ӗттӗ карӗн* 'живот издавал звуки' (324), *јак јук* — подражание ломке дерева (333), *јӑк јӳк?* (334), *јарт јурт?* (341), *сарт сурт?* (342), *карј курј?*, ср. *ӑр турмузӑ карј курј јӗдӗ* 'мужчина ел огурец' (343), *јалк јулк* — хлопо́к, ср. *јалк јулк вадар кӗлӑ* 'он его толкнул, ударил' (349); МК, III: *јаӈ јуӈ* — грохот, гул, ср. *јаӈ јуӈ конӑ* 'поднялся гул' (128), *каӈ куӈ* — гоготание, ср. *каӈ каӈ куӈ ӗттӗ* 'гуси гоготали' (129) (см. стр. 130: *как кук*), *јаб јуб* — подражание звукам, производимым при еде (142), *кав кув* — треск разрываемой одежды, ср. *тон кав кув болӑ* 'одежда разорвалась' (129, 155), *даӈ дуӈ* — удар звонких вещей, ср. *даӈ дуӈ ӗттӗ нӳӈ* 'вещь зазвенела' (357);

о — у (*ӧ — ӱ*) — МК, III: *тоӈ туӈ* — подражание удару тяжелых вещей друг о друга (356);

ӗ — ӗ (*і — і*) — МК, I: *тӗрт тӗрт* — треск, ср. *анӗӈ тонӗн тӗрт тӗрт јӗртнӗ* 'он на куски порвал его одежду' (341).

В двусложных словах:

i—i || *i—i* — МК, I: *jiŋir jiŋir* — подражание трению камней (363); МК, III: *kijim kijim?*, ср. *ol kijim kijim kün kəčürdi* 'он провел день в оцепенении' (169);

y—y || *y—y* — МК, I: *буллур буллур* — звуки падения камня в воду, ср. *taš kuduŋka tüšti буллур буллур ətti* 'камень упал в колодец и булькнул' (456);

a—ɣ || *a—ɣ* — МК, I: *jaldɣr jaldɣr* — подражание звону стрел в колчане или шелесту высохшей травы (457), *makɣr makɣr* — стук копыт, например, *at adakɣ makɣr makɣr ətti* 'лошадь била копытами', ср. *tikir tikir* с тем же значением (361);

a—a || *a—a* — МК, I: *бадар бадар* — треск, шум, ср. *бадар бадар jügürdi* 'с треском, с шумом побежал' (360).

Образные слова восточнотуркестанского языка очень близки к изобразительным словам в таджикском языке. Поэтому предположение М. Фазылова о том, что в изобразительных словах состав звуков вообще и гласных в особенности объясняется своеобразием передаваемых звуковых образов,[52] может быть исходным моментом при исследовании и восточнотуркестанского языка.

Междометия выражают разные виды экспрессии:

удивление — *mä*, см. МК, III: *nä mä ädgü kiši ol* 'ну и хороший человек' (214);

пренебрежение, отвращение — *jy* (*jÿ?*), *аба*, *абалɣ*, см. МК, III: „женщины произносят *jy*, когда чего-либо стыдятся" (215); МК, I: *абалɣ* — выражение пренебрежения (137); КВ, II: *jaraksɨz javuz ištä kačkɨl aba* 'от негодного, дурного дела удаляйся, тьфу' (347);

---

[52] „Из состава гласных звуков таджикского языка в этих словах, — пишет М. Фазылов, — наиболее часто встречаются *а*, *у*, *и*, которые различаются по тону: *а* — низкий тон; *у* — средний тон; *и* — высокий тон. Низкий тон гласного *а* подчеркивает высшую степень насыщенности изображаемого процесса" (М. Фазылов. Изобразительные слова в современном таджикском языке. Известия АН Тадж. ССР, Отд. обществ. наук, вып. I, Сталинабад, 1952, стр. 13. См. также: Н. И. Ашмарин. Подражание в языках Среднего Поволжья. Известия АзГУ, т. 2—5, Баку, 1925).

восторг — *aj*, см. КВ, II: *aj ädiŋ kïlïnč* 'о прекрасное деяние' (21);

печаль, смятение — *aj, ava*, — см. ЛоОК: *...aj aj ax ax öläpbiz* '...ой-ой, ах-ах, умираем' (9); МК, I: *ava ava* 'ах-ах!' (89);

понуждение — *kanï*, см. ХХ: *aja til törät mädx ötün-zil kanï* 'о язык, воздавай хвалу (?), ну-ка!' (20).

Кроме междометий, перечисленных выше, известны так называемые вокативные междометия, не имеющие ярко выраженной экспрессивной окраски и тем самым поддающиеся более строгой и определенной характеристике. Примерм: *kï* — МК, III: *kï bärü käl* 'эй, иди сюда' (212);

aj — ЛоОК: *aj aj Oγuz Urum üstiä sän atlar bolasän* 'о Огуз, ты намереваешься пойти против Урума' (16), *aj aj Oγuz tapuγunlarγa män jürür bolamän* 'о Огуз, я пойду впереди тебя' (17), *aj männiŋ kaγanumsän* 'о ты, мой каган' (21), *aj aj sän munda bäg bolun* 'о будь ты здесь беком' (24); КВ, II: *aj idi* 'о господин' (14);

ač — МК, I: *ač bärü käl* 'эй, иди сюда' (35);

ä — КВ, II: *jürilin ajajïn ä ädiŋ kiši* 'расскажу-ка о его поведении, о добрый человек' (39), *ä ädiŋ idim* 'о мой добрый господин' (116).

aja — ХХ: *aja šäk jolïnda jälikli ötün* 'о блуждающий по дороге сомнений, молись' (6), *aja dost biliklik izin izläsil* 'о друг, иди дорогой науки (знаний)' (111), *aja mal idisi* 'эй, владелец имущества' (121).

Призывные слова лишены экспрессивной окраски в еще большей степени, чем вокативные междометия. В структурном отношении они близки к образным словам, ср. МК, I: *on on* — понукание ишаку, когда он ложится (34), *uš uš* — слова, произносимые при поении быка (36), *jiš jiš* — слова, которые говорят оправляющемуся ребенку, *jik jik* — для зова козы (331), *jök jök* — слова, при помощи которых заставляют верблюда опуститься на колени (334), *jilik jilik* — слова, употребляемые при зове козы (388); МК, II: *xoj xoj* — понукание при волочении козы, *xäj xäj* — понукание лошадей (282); МК, III: *tax tax* — слова, произносимые когда

кого-нибудь зовут, *јух јух* — для понукания лошадей (117), *кäх кäх* — для зова собаки (118), *тушу тушу* — так говорят ишаку, когда хотят поставить его на ноги (224), *тӱкӱ тӱкӱ* — для зова собаки (229), *балу балу* — обращение к ребенку в колыбельной песне (232).

ЧАСТИЦЫ РЕЧИ

Частицы речи, в отличие от частей речи, как уже указывалось выше, выполняют только или почти только служебные функции.

Употребление частиц, характер их сочетаемости с другими языковыми единицами неоднородны. Так, например, послелоги выступают лишь в сочетании с именами; собственно частицы присоединяются и к именам, и к глаголам, и к наречиям, независимо от того, как они оформлены; союзы несколько обособлены, они не связаны с той или иной частью речи и именно поэтому могут находиться в начале предложения.

ПОСЛЕЛОГИ

Послелоги занимают промежуточное положение между частицами и частями речи.

Исходя из своеобразия послелогов как слов, грамматикализованных в неодинаковой степени, и учитывая синтаксические особенности, можно подразделить их на следующие группы: послеложно-именные слова, послеложно-обстоятельственные слова и собственно послелоги.

Каждая из названных групп имеет свои грамматические свойства. Своеобразие послеложно-именных слов проявляется в сохранении форм именного словоизменения, реже — словообразования. Для послеложно-обстоятельственных слов характерна возможность самостоятельного употребления. Управление послелогов зависит от грамматической принадлежности исходных форм: послелоги, образованные от имени, управляют преимущественно основным или притяжательным и — реже — местным падежами. Отглагольные послелоги чаще всего

управляют падежами, выражающими место или направление. В семантическом отношении обособленность различных групп послелогов менее ощутима. Все же нельзя не отметить преобладающие для именных послелогов пространственные значения.

Послеложно-именные слова образовались и выделились в качестве особой группы служебных частиц сравнительно недавно, так что происхождение, т. е. время отрыва их от соответствующих знаменательных слов, в большинстве случаев легко прослеживается. Более того, иногда вообще трудно говорить об отрыве, так как использование того или иного слова в служебной функции происходит факультативно и это же слово в другом грамматическом контексте полностью проявляет свое знаменательное значение.

Степень десемантизации имени в служебной функции для разных слов неодинакова, вообще же она велика. С этой стороны можно выделить послеложные слова с живой знаменательной семантикой и с восстанавливаемым знаменательным значением. Первые, как правило, реализуются в формах статического и динамического планов, — например, „где, в каком положении" и „куда, откуда" или „в какое положение, из какого положения", — причем сами послелоги различают указанные планы благодаря включению в свой состав падежных форм: в первом случае формы местного падежа, во втором — форм направительного и исходного падежей. Послелоги, относящиеся ко второй группе и выражающие более абстрактные отношения, приобретают одну устойчивую форму и постепенно переходят в разряд собственно послелогов. Эту особенность разделяет, в частности, слово *сарӣ*, которое в восточнотуркестанском языке в качестве послелога вовсе не известно. Имея только знаменательное значение, оно присоединяет к себе формативы многих падежей, см. Раб.: *тӧрт сарӣдӣн* 'в четыре стороны' (131); ЛоОК: *тӧрт сарӣва* 'по четырем направлениям' (12). Иное положение в текстах так называемой чагатайской книжности. Здесь слово *сарӣ* встречается главным образом в служебном значении, и форма его при этом почти всегда неизменна. Примеры из газелей

Лутфи:[53] *куфр сарї зулм ілä ол мамусулман тартадур* 'неверная насильно влечет к вероотступничеству' (16в), *Лўтфі сарї кöз уї білä кїлдї нїаxї* 'в сторону Лутфи (на Лутфи) она взглянула краешком глаза' (55б).

Чрезвычайно любопытен механизм перехода от конкретного значения к обобщенному и затем к служебной функции. Его можно представить так: выделяется слово, смыкающееся одной стороной своего значения с группой слов, семантические связи которых образуют своего рода доминанту, довлеющую над его конкретным смыслом, ср., например, *баш* 'голова' (~ разряд высоких предметов) > *баш* 'вершина'. Ясно, что второе значение более абстрактно, чем первое. Отсюда уже возможно употребление *баш* не только по отношению к живому существу или организму, но и к любому предмету. Наконец, „вершина" имеет побочный оттенок „начало", который в свою очередь становится господствующим значением и вытесняет более конкретное содержание,—например, ЛоОК: *канӈа башїда* 'в начале телеги' (31); Сл. Замаxшарй, II: *анїӈ йол башїнї туттї* букв. 'взял начало его пути' (360).

Первую и вторую ступени изложенного процесса характеризуют примеры из легенды об Огузе; см. ЛоОК: *йїӷачнїӈ тўбіндä* 'у дерева' (*тўб* 'основа < корень'; 5), *таӷнуӈ адаӷїӷа кäлді* 'он пришел к горе', букв. 'к ноге горы' (15), *кара таӷ тапїӷїда* 'около черной горы' (*тапїк* 'служба', 'нахождение при ком-нибудь', далее—'положение рядом'; 18), ср. также Сл. Замаxшарй, II: *су йўзіда* 'на поверхности воды' (*йўз* 'лицо'; 369), *су кашїнда* 'около воды' (*каш* 'брови'. 369). Примеры употребления послеложно-именных слов. КВ, II: *кішілäр катїнда* 'около людей' (37), *йäр алтїн калур* 'под землей остается' (141); КР: *талуї ічінтä* 'в океане' (29); ЛоОК: *кöл арасїнда* 'посредине озера' (8), *чäрігінің тапуклары́да* 'впереди войска' (17), *чäрігäрнің араларїда* 'среди войска' (18). *бшä йстўндä* 'на вот этом' (26), *ануӈ йстїга* 'на него' (34): Мап., III: *отлуӷ ічіндä* 'в горящем (аду)' (6);

[53] Рукописный отдел ИВ АН СССР, А.109.

USp: *кінтік алтӣн* 'перед пупком', *тіш өңӱнтӓ* 'перед зубами', *іч өңӱнтӓ* 'перед внутренностями' (42).

Все приведенные выше послелоги (*ічінтӓ, башӣда, арасӣнда, ӱстӱндӓ, тапукларӣда, алтӣн, өңӱнтӓ, катӣнда*) имеют полнозначные именные параллели, например: *іч* 'внутренность', *баш* 'голова', *ара* 'промежность', 'промежуток', *ӱс(т)* 'верх', *тапук* 'служба', *ал(т)* 'перед', *өң* 'лицо', 'внешность', *кат* 'слой'.

Живая морфология именных послелогов (присоединение падежных аффиксов, аффикса множественного числа, показателя „изафета"), возможность их самостоятельного употребления и наличие параллельных знаменательных форм свидетельствуют о недостаточной устойчивости и определенности данного грамматического разряда.

Лишь немногие послеложно-именные слова сочетаются с именами путем простого соположения, без использования каких-либо формальных средств, ср. KB, II: *кіші кутлуӱӣ кім кішілӓр ара* 'счастье у человека, который среди людей' (43), *мунӣ бу ӟсіӟлӓр ара сӧкілӱр* 'этот порицается злыми' (84); MK, I: *кіші ара кірдім* 'я вошел в гущу людей' (87); XX: *кӧтіілі кӟлілі кішілӓр ара* 'среди предков и потомков' (36).

Не имеют, как правило, никаких форм словоизменения послеложно-именные слова, выделившиеся в результате обособления и грамматического преобразования прилагательных, ср. KB, II: *кӧнідӓ адӣн* 'кроме как справедливым' (76), *сӧніңдӓ адӣн* 'кроме тебя' (105).[54]

Среди послеложно-обстоятельственных слов значительное место занимают застывшие формы деепричастий на *-у, -ӱ, -jу, -jӱ* и реже на *-а, -ӓ*.

Послеложно-обстоятельственные слова, подобно служебным словам предыдущей группы, могут выполнять и функции частей речи, и чисто служебные функции. Примеры:

бірлӓ, біläн, білӓ — KB, II: *пајат атӣ бірлӓ сӧзӱг башладӣм* 'с именем бога я приступил к слову' (13); ЛоОК: *ок бірлӓ* 'стрелой', *башӣ бірлӓ* 'его головой' (5); MK, I: *ол мӧнің*

[54] Об этимологии *адӣн* см. KSz, XVIII, S. 136.

бірlā ӧпӱшті 'он со мной целовался' (180); XX: *білі бірlā* 'знанием' (49); Man., I: *ічгӓрӱ кіріп ӧлӱг бірlā jаmmī* 'войдя внутрь, он лег с мертвецом' (5). Ср. KP: *ӧлсӓр бірlā ӧлӱрбіз, кӹлсӓр бірlā кӹлірбіз* 'если умрет, вместе умрем, если придет, вместе придем' (18), *...аmtī сіз ҳатаӈланīӈ, бірlā барīӈ* '...теперь вы объединяйтесь, вместе идите' (20); Теф.: *ол (іт) makī бірlā кірді* 'она (собака) вместе вошла' (76).

Ӧтрӱ, ӧтӱрӱ — KP: *анта ӧтӱрӱ* 'после этого' (13); Man., I: *кӱчӓдӱкінтӓ ӧтрӱ* 'после того, как он обнял' (5).

Родственным *ӧтрӱ* является послелог *ӧткӱрӱ*, основное назначение которого — указание на пространственную или причинную взаимосвязь (с трансгрессивным оттенком). Примеры. Suv.: *ол ok тӹлтаӈтӹн ӧткӱрӱ* 'через те основания (исходя из тех оснований)' (188); Man., II: *болмакта ӧткӱрӱ* 'через его существование' (5).

В. Банг приводит пример употребления *ӧткӱрӱ* в качестве наречия, хотя, по-видимому, воспринимает его как союз, ср. Suv.: *ӧткӱрӱ jана* 'далее также' (182). Это отклонение от обычной нормы является следствием связи *ӧткӱрӱ* с послелогом *ӧтӱрӱ* как в смысле семантических истоков, так и в структурном отношении (ср. *ӧт-* 'проходить' и *ӧтӱр-, ӧткӱр-, ӧткӓр-* 'проводить'). При таких обстоятельствах не исключена возможность их контаминации.

Ӱзӓ, ӱзӓlӓ — KB, II: *пајат раҳматī ӹрді ҳалкī ӱзӓ* 'снизошла милость божия на его народ', *Саддік ӹрді ашиу камцкта ӱзӓ* 'Саддык был первым среди всех' (16), *тоӈардīн ӱзӓ* 'с востока' (17), *білӱ барса бізdін ӱзӓ барӈучī* 'если знал, пойдут идущие перед нами' (29), *бу тӧрт нӓӈ ӱзӓ сӧзlӓdім мӓн сӧзӱ* 'об этих четырех вещах держал я речь' (39), *бу кӱрсі ӱзӓlӓ ӧз олтурдыӈī* 'он сам сидит на этом кресле' (75); KP: *јӹміш сӧгӱт ӱзӓ* 'на фруктовых деревьях' (39); XX: *кӧчӱр сӓнма ӧмрӱӈ кӱнілік ӱзӓ* 'устраивай свою жизнь проходящей по праведному пути' (77); Man., III: *сізні ӱзӓ* 'через вас' (89), *алтун ӧрлін ӱзӓ* 'на золотом троне' (35); USp: *тобīк ӱзӓ* 'на лодыжке' (42); Теф.: *бу ӹldӓ ӱзӓ* 'у этого народа' (77), *ол вактда бу ӹl будунī барча Іса јалавач діні ӱзӓ ӹrdілӓр* 'тогда весь этот народ придержи-

вался веры пророка Исы' (78). Ср. XX: ...*вабāл кӱт(ӥ)рӱ бардī ӱзāлӥ сӧкӱш* '...к ушел, терпя беду, а сверх того ругань' (119); Теф.: *Дакjанус атī ӱзӓ токīнмīш* 'сверху (на монете) было выбито имя Дакьянуса' (77).

Послелог *ӱзӓ* встречается в восточнотуркестанском языке очень часто и соответствует по значению послелогам *ӱстіндӓ, ічіндӓ, ӱстігӓ*, реже *өткӱрӱ*. Семантическая или, лучше сказать, функциональная многозначность *ӱзӓ* объясняется, как и во всех других случаях, сложными взаимоотношениями с семантикой управляемых имен.

Формы синтаксической связи *ӱзӓ* с именем внутри послеложной конструкции настолько разнообразны (имя выступает в местном, исходном, винительном, усеченном притяжательном и основном падежах), что с этой стороны трудно судить о его этимологическом составе. Семантические особенности указывают на возможность сопоставления *ӱзӓ* с *ӱзрӓ* и далее с *ӱст(ындӓ)*, т. е. на тот путь, по которому следовали К. Грёнбех, Н. К. Дмитриев и другие тюркологи. В действительности близость всех трех послелогов почти несомненна, однако, поскольку морфологическая структура их прозрачна далеко не в одинаковой степени, трудно определить более конкретно характер взаимоотношения указанных разновидностей. Свести *ӱзӓ* к *ӱзрӓ*, допустив в нем выпадение *р*, невозможно. Такой вариант исключается наличием формы *ӱзӓлӓ*. Остается предположить, что *ӱзӓ* в морфологическом отношении — автономное образование и относится к *ӱзрӓ* приблизительно так же, как послелог *ара* к слову *арка* 'спина'.

Соң, соңда, соңра — ЛоОК: *ӱjкудун соң* 'после сна' (36); МК, III: *сӧн мӧнің соңда кӧл* 'ты после меня приходи' (357). Ср. XX: ...*бір бірінӓ jӱрӱр өң соң-а* '...одно следует за другим', букв. 'одно следует за другим, раньше — после' (7).

В отличие от других послелогов рассматриваемой группы послелог *соң* может субстантивироваться, принимая, в частности, форму „изафета", ср. XX: *камуғ абаданның хараб ол соңī* 'у всякого обитаемого места конец — руины' (98).

Морфологически (имеется в виду этимологический аспект) *соң, соңда* (*соң-да*) и *соңра* (*соң-ра*) соотносятся как формы основного и местного падежей.

Послелог *кін ~ кәjін ~ кәдін*, синонимичный послелогу *соң*, в памятниках восточнотуркестанского языка, включая и наиболее древние из них, встречается редко, ср. KB, II: *сәніңдә кәдін* 'после тебя' (113); KP: *анта кін* 'после того' (36); ср. также субстантивированные формы: Раб.: *кәjні* 'его зад', 'позади' (256); Suv.: *әң кініндә* 'в самом конце', 'после всего' (514).

Кін, кәjін и *кәдін* — разные варианты древней именной основы **кә(д) — кәдін > кәjін > кін*. Ср. также в орхоно-енисейских надписях: *анда кәсрә* 'затем', 'после того' (*кә-с-рә*).

Каршї, каршу — ЛоОК: *Оғуз қағанға каршу* 'против Огуз-кагана' (30).

Возможны два пути объяснения природы этого послелога. Первый — от *карїш-* 'смешиваться' или от *кара-* 'смотреть' к *караш-* (форма взаимного залога), затем *карашу* (форма деепричастия настоящего времени) и далее к *каршу*, через ослабление и редукцию гласного в безударной позиции (*карашу > карїшу > каршу*). Второй путь предложен М. Рясяненом. В качестве исходной основы берется комплекс *кар* со значением 'рука', последующие же этапы повторяют первый случай. Уместно отметить, что для первого случая существует особая трактовка конечной формы (*каршї-* отглагольное имя на *-ї*), принадлежащая Г. Рамстедту.

Отру — KB, II: *jүз отру турур...* 'перед лицом...' (131); МК, I: *ол мәңә отру кәлді* 'он шел мне навстречу' (126); Man., III: *jүзүн отру* 'перед его лицом' (22). Ср. KB, II: *jашїқ бірлә отру jағїшса толїр* 'когда оказывается напротив солнца (с солнцем), бывает полной' (23).

Послелог *отру* (от *отур-* 'сидеть') служит для выражения тех же значений, что и послелог *каршї* (*каршу*).

Уду — МК, I: *мән анға уду кәлдім* 'я пришел за ним (позади него)' (87).

Уду — деепричастие на *-у* от глагола *уд- (уj-)* 'следовать', 'примыкать'. Управление послелога *уду* формой притяжатель-

ного падежа следует рассматривать как следствие забвения этимологии и иного восприятия его структуры.

Бас, баса — КВ, II: *анаңдїн баса* 'после него' (39); МК, III: *мән анда баса кәлдім* 'я пришел после этого' (224); ср. КВ, II: *баса айтїм* 'затем сказал я' (39).

Послелог *бас, баса*, восходящий к глагольной основе *бас-* 'наступать', служит для выражения последовательности действий.

Көра, көрү — КВ, II: *кірішкә көрү сән чїкїш кїл нәңің* 'в соответствии с входом готовь выход' (122); ЛоОК: *өгүдүгә көрә* 'согласно совету' (37); USp: *шадїң көрү* 'в соответствии с твоей радостью' (44).

Назначение этого послелога (из *көр-* 'видеть') — выражение такого рода обусловленности, при которой характер действия оказывается в зависимости от содержания имени, входящего в послеложное сочетание.

Ашку, ашнуда и *нару* — КВ, II: *камуң ашнуда* 'раньше всех' (13), *бу күндін нару* 'с сегодняшнего дня' (70), *айтмаста ашнд* 'прежде чем заставят говорить' (87).

Бәрү — КВ, II: *түмән йїлда бәрү тул әрдім тулас* 'с давнего времени я был оставлен вдовцом' (19); Map., I: *баштїн бәрү адакка тәгі* 'от начала до конца' (30). Ср. КВ, II: *бәрү кәл* 'иди сюда' (21); МК, II: *бәрү* 'сюда' (212).

По значению одного из компонентов (*бу йәрү*?, ср. узб. *буйăн* = *бу* 'этот' + *йăн* 'сторона') послелог *бәрү* выделяет то, что является начальным исходом действия. Встречающуюся в более поздних текстах форму *бәрlі* можно соотнести с послелогом *бәрү, бәрі*, так же как *үзәлә* с *үзә*.

Катїн(да), катїн(ға) — МК, I: *бәгләр катїн* 'около беков' (64), ср. Сл. Замахшарй, II: *катїмда* 'около меня' (141), *ічүчіләр катїка* 'к пьющим' (167).

Собственно послелоги выполняют только служебные функции.

Үчүн — Map, I: *нә үчүн* 'почему' (23); Map., III: *бізні үчүн* 'для нас' (6), *сізні үчүн* 'для вас' (3); ЛоОК: *анұң үчүн* 'поэтому' (32); USp: *тәміш үчүн* 'так как сказал' (21); КР: *анї үчүн* 'поэтому' (18).

В сочетании с именем существительным послелог *üčün* выделяет объект назначения или, иначе говоря, тот предмет или лицо, для которого что-либо делается. Присоединяясь к местоимениям в форме притяжательного падежа, он выражает причинно-следственную связь; с некоторыми причастиями и отглагольными именами *üčün* передает значение цели.

Все суждения относительно структуры *üčün*, высказанные А. Кастреном, К. Г. Залеманом, К. Брокельманом, К. Грёнбехом и др., мало чем отличаются друг от друга и в конечном итоге совпадают.[55] В нем устанавливается наличие двух элементов — *uč* или *ič* и *un* (*uč-un*, *ič-un*), из которых первый, в зависимости от восприятия первоначального качества гласного, наделяется разным содержанием, тогда как второй обычно остается вне поля зрения исследователей. Новейшая попытка отождествить его с формой орудного падежа принадлежит К. Грёнбеху.[56]

İčrä — XX: *bir nəŋ içrä* 'внутри одной вещи' (4); Man., I: *suv içrä* 'в воде' (16); Man., III: *öz ölin içrä* 'у своего народа' (19), *anaŋ köŋülin içrä* 'в его сердце' (22).

Cayu (*cayïn*) — Man., III: *ol jarγuk örtük cayu* 'при каждом блеске (препятствии)' (7), *aj cayu* 'каждый месяц' (8).

Согласно традиционной точке зрения, *cayu* = *ca-j-* 'считать' + *-γu* или *-ïn* (аффикс деепричастия).

Ötrümi — KB, II: *kiši ötrümi* 'среди людей' (16).

Tägi — KB, II: *karaba tägi* 'до черного (до земли)' (14), *bu ädkä tägi* 'до этого времени' (116); Suv.: *anyaka tägi* 'до того (времени)' (392), *nəčükä tägi* 'до стольких вещей' (395);[57] Теф.: *bu küŋkä tägi* 'вплоть до этого дня' (77); Usp.: *taŋtaka tägi* 'до завтра' (9), *üč jïlka tägi* 'до трех лет' (32).

По происхождению *tägi* является деепричастием настоящего времени от глагола *täg-* 'достигать', 'касаться', см. Сл. Замахшарй, II: *üčdin onka dägitč* 'от трех до десяти' (311).

---

[55] А. Габен рассматривает *üčün* как форму герундия — **üčü — učy + n*: A. Gabain. Alttürkische Grammatik, S. 140.

[56] K. Grönbech. Der türkische Sprachbau, S. 35.

[57] См. подробный указатель к Суврве: С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности, стр. 187—198.

СОБСТВЕННО ЧАСТИЦЫ

Собственно частицы могут быть разделены на более мелкие группы только с точки зрения их зависимости или независимости от характера вокализма предшествующего слова.

Собственно частицами с постоянным вокализмом являются: *ӛрінч, ӛркі, ла, мат, кӛрӛк* (*кӛрӛк*), *ош*.

Ӛрінч выражает значение вероятности, см. КР: *кӛнтӱ білінӛј* 'он, вероятно, сам узнает' (12), *ол бодісте ӛрінч* 'он должен быть Бодисатва' (26); МК, III: *ол бардї ӛрінч* 'он, вероятно, пошел' (449); *ӛркі* — значение неуверенности, сомнения, см. МК, I: *кӛлірмӱ ӛркі* 'придет ли он' (129).

Ла придает высказыванию оттенок категоричности, — например, МК, III: *ол бардї ла* 'он действительно ушел' (213).

Значение, привносимое частицей *мат*, установить трудно, см. МК, I: *кӛлїйлі мат ӛркӛшӱр* 'собираются прийти' (144, ср. Сл. Рад., IV, 2043), *тӛлім башлар јувалдї мат | јаӈї андїн јавалдї мат | кӱчі аніӈ кӛвілді мат | кїлїч кїнка кӱчӱн сїлдї* | 'много голов покатилось, | враг оттуда приблизился, | силы его ослабли, | меч с силой всунул в ножны' (397).[58]

Кӛрӛк выражает значение необходимости, см. КР: *кӧрӱ јӱрімїш кӛрӛк* 'надо увидеть' (31); Ман., III: *сакїнмїш кӛрӛк* 'надо думать' (13). В *кӛрӛк* легко улавливаются следы знаменательного значения, восстанавливающегося при субстантивации, см. КР: *нӛ кӛрӛкін барча бӛрӛјбіз* 'все необходимое дадим' (18).

Ош — частица с анафорическим значением, см. МК, I: *ош мунда кїл* 'вот так делай' (36). Она отличается от других частиц тем, что выступает не после, а перед обслуживаемым словом. Возможно, данную частицу следует рассматривать как анафорическое местоимение.

К группе частиц с зависимым вокализмом относятся: *чу, чӱ, ок, ӧк, кїна, кінӓ, ӷїна, ӷінӓ, кїја, кіјӓ, ма, мӓ*, значения которых разнообразны (усиление, ограничение и т. д.). Примеры. КВ, II: *бір-ок сӧн* 'ты ведь один' (13), *јоҕалур*

[58] О *мат* см.: Osttürk. Gramm., S. 191.

нә ӧрсй сӛн-ӧк сӛн тірі 'то, что есть, исчезнет, ты только останешься' (14), *мӛніӊ-мә кҭлҭнчҭм бу ол білӱӱлӱг* 'мои же эти поступки известны' (77), *мунӱ-ма ају бӛр* 'это вот скажи мне' (91), *бір-ӧк оɒлҭ ӧрді бу Ај-толдҭнҭӊ* 'он был единственным (всего-навсего) сыном Ай-Толды' (106); KP: *бір-кіјә* 'единственный' (19); MK, III: *кӛл-чӱ* 'иди же сюда', *барма-чу* 'не ходи же' (207); Suv.: *ол-ок тҭлтаɯтын өткӱрӱ* 'через то именно основание' (188).

В эту же группу входит частица-аффикс *-му, -мӱ*, являющаяся морфологическим средством выражения вопроса. Примеры. KB, II: *ѯсізмӱ сӛӊӛ јӛк ају ѯдӱӱмӱ* 'кто люб тебе, злой или добрый?', *мӛӊӛ бӛрмәдәјмӱ* 'мне не даст ли?' (114); KP: *каӊ казɒансар оɒлҭ ӱчӱн тӛмӛсмӱ* 'если отец полюбит, не выскажет ли он это сыну?' (11), *асан тӛлдімӱ* 'здоровыми ли они прибыли?' (29); MK, I: *кӛрӛкмӱ* 'надо ли?' (391), *тілкӱмӱ тоɒдҭ азу бӛрімӱ* 'лиса ли родилась, или волк?' (189); MK, III: *бу атму* 'это лошадь?' (214).

Как показывают приведенные примеры, частица-аффикс *-му* присоединяется к тому слову, которое можно назвать объектом вопроса. В тех случаях, когда вопрос относится к содержанию всего высказывания, *-му* выступает при глагольной форме. Таким образом, в одном предложении может быть одна или несколько вопросительных частиц. Обычным местом *-му* в морфологической структуре слова является его конечная часть; однако бывают случаи, когда указанная частица предваряет, например, личные окончания именных форм, см. KP: *м(ӛ)ні сӛвӛрмӱсӱз* 'любите ли вы меня?' (11); USp: *калҭрмусӛӊ* 'остаешься ли ты?' (32).

В восточнотуркестанском языке *му* (*мӱ*) имеет только губную огласовку. В языке же огузов, по словам Маҳмӱда Кашгарского (см. MK, III, 214), огласовка вопросительной частицы находится в зависимости от характера предшествующих гласных, ср. *ол бардҭмҭ* 'он пошел?', *бу ӳтму* 'это собака ли?'. Двойственность огласовки характерна и для языка кыпчаков.

Частица *а* (*ӓ*) выступает в качестве вспомогательного средства просодии (просодическое или дополнительное *а*),

см. XX: ... *бір бірігй jүрүр өң соң-а* '... одно следует за другим' (7).

Особую группу образуют частицы *-мән, -сән, -ол*, омонимичные личным местоимениям *мән* 'я', *сән* 'ты', *ол* 'он', и частица *тур(ур), дур(ур)*.

Посредством частиц *-мән, -сән* и *-ол* фиксируется предикативная связь между подлежащим и сказуемым, выраженным любым именем или формой неполной вербальности. Примеры. КВ, II: *атің мәңү болса, өзүң мәңү ол* 'если имя твое будет вечным, сам ты окажешься вечным' (28), *кіші көрүү сөз ол* 'красота человека — слово' (31), *сән аjдың мәңә кутмән* 'ты сказал мне: я — счастье' (75), *ідім сән тірігсән* 'господин мой, ты жив' (116); ЛоОК: *тутмас мән турурмән* 'не посчитаю' (букв. 'не буду держать'; 15); МК, I: *ол мәнің оғлум ол* 'он мой сын' (37); XX: *малї аңар ёрліг ол* 'богатство — его господин' (126).

Служебное использование местоимения *ол* делает возможным употребление в составе предиката притяжательных форм местоимений,[58] ср. USp: *бу нїшан мәнің ол* 'та печать — моя' (7).

Предикативная частица *тур(ур)*, являющаяся по происхождению причастием настояще-будущего времени, замещает частицу *-ол* или употребляется вместе с частицами *-мән, -сән, -біз (-міз), -сіз*. Примеры. КВ, II: *біліgсіз карағу турур біліүлүр* 'ясно, что незнающий слеп' (27); XX: *бу будун тулусї аҳї ёр турур* 'украшение этого народа — благородный, щедрый муж' (127). Начиная с XII—XIII вв. *тур(ур)* постепенно утрачивает последний слог. Образующаяся новая разновидность предикативной связки в конце концов становится господствующей. В использовании ее обнаруживается расхождение между разными диалектными группами, связанное с характером огласовки. Так, в восточнотуркестанском языке неизменно выступает *тур* (*дур*), в диалектах южной и запад-

[58] Предикативное употребление притяжательных местоимений *мәнің, сәнің* без предикативной связки, отмечаемое в легенде об Огузе, ср. *ај ағалар jа болсун сәндәрнүң, ај іңіләр әкләр болсун сәндәрнүң*, объясняется, по-видимому, наличием особого песенного размера.

ной групп — *тур* (*дур*) и *тір* (*дір*). Примеры. CD: *аңламақ кожасҡдур* 'необходимо понять' (175); Telegdi: *кәліптір мән* 'я пришел' (296), *кәләдір* 'приходит', *окіjалір* 'читает' (299).

союзы

Союзы в большинстве своем появляются в период расцвета так называемой чагатайской литературы. Количество их в восточнотуркестанском языке незначительно.

Из числа сочинительных союзов, известных последнему, можно назвать:

азу, аjу 'или' (*азуча* 'или же') — МК, I: *jәүм jәгіl азу кабун jәгіl* 'ешь наюм или дынэ', *кәлірмүсән азу барғырмусән* 'придешь ли ты или уйдешь?' (88); КВ, II: *әсізмү сәңә jәк аjу әдгүмү* 'кто люб тебе, добрый или злой?', *сөкүшмү колурсән аjу кәскүмү* 'хочешь ругательств или хвалы?' (29);

ja 'или' — КВ, II: *кара тут ja бәгләр* 'простой народ или беки' (29);

аб... аб 'ни... ни' — МК, I: *аб бу аб ол* 'ни тот, ни этот' (34);

нә... нә 'ни... ни' — КВ, II: *кәдін өңдін әрмәс нә солдін оңдун нә астін нә үстін нә отру орун* 'ни сзади, ни спереди нет места, ни справа, ни слева, ни снизу, ни сверху, ни напротив' (14);

ара ... ара 'то ... то' — КВ, II: *ара өктіләр тіl ара мің сөкүш* 'то хвалят языки, то тысяча ругательств' (26), *ара бар болурмән ара jок болур* (*мән*) 'то появляюсь я, то исчезаю' (69);

хәм 'и' — КВ, II: *көңүл бәрзі сөз хәм jүрүтті тіліг* 'привело в движение язык' (24);

ма 'и' — КВ, II: *сүчүг сөзнә jуmшар улуғ ma кічіг* 'от сладкого слова смягчается великий и малый' (234);

jәмә ... jәмә 'и ... и' — КР: *баj jәмә бар jоғ-чәғај jәмә бар* 'и богатые есть, и бедные есть' (10);

ва (*-у*) — КВ, II: *хүшәнчү тірілік* 'веселье и жизнь', *арзу мәмат* 'желание и удовольствие' (95);

вәлекін 'но', 'однако' — КВ, II: *мунум jok вәлекін кішілар аjур* 'недуга у меня нет, но люди говорят (есть)' (64);

таӯ... 'и' — ЛоОК: *тоң таӯ муз* 'мороз и лед' (26), *Інду таӯ Таңӯут таӯ Шаӯам* 'Индия, и Тибет, и Сирия' (33); *да* 'и' — КВ, II: *алӯл да ачкӯл* 'возьми и открой' (8).

Достаточно самого поверхностного обзора перечисленных выше союзов, чтобы убедиться в том, что большинство из них — не-тюркского происхождения (*аӯу, аву; аб ... аб; ја; хам; ва; нӯ ... нӯ; вӯлӯкін*), а все остальные союзы, собственно тюркские, являются по происхождению именами или глаголами, которые стали употребляться в качестве союзов под влиянием других языков.

Почти единственным подчинительным союзом в восточнотуркестанском языке является *кім*, выражающий самые разнообразные отношения. Возникновение этого союза связано с синтаксическим обособлением тюркского относительно-вопросительного местоимения. Поскольку обособление *кім* наблюдается только в X—XII вв., можно предположить, что стимулирующим обстоятельством в этом процессе было усиление взаимодействия тюркских языков с иранскими. Другие подчинительные союзы — *калї* и *абаң* — обслуживают только условный тип подчинительной связи (см. КВ, II, 49, 79, 83; МК, I, 134).

Некоторыми синтаксическими (союзными) функциями обладает также форма деепричастия прошедшего времени от глагола *дӯ-* 'говорить' (*дӯп*).

УКАЗАТЕЛЬ ГРАММАТИЧЕСКИХ ФОРМ

а, ӓ

-а, -ӓ — дат. пад. 84
-а, -ӓ — деепр. 152, 157, 158
-а, -ӓ — глаг. 173, 174
-аван, -ӓвӓн — сослат. накл. 46
-аҕ, -ӓг — сущ. 107
-аҕ, -ӓг — прилаг. 118
-аҕлаї, -ӓglї — прич. 140
-аҕу, -ӓgӱ — собир. числит. 120, 122
-аjїм, -ӓjїм — предлаг.-желат. накл., 1 л. ед. ч. 145
-аjїн, -ӓjїн — предлаг.-желат. накл., 1 л. ед. ч. 145, 157
-аjум, -ӓjӱм — предлаг.-желат. накл., 1 л. ед. ч. 146
-ак, -ӓк — сущ. 107
-ак, -ӓк — уменьш. сущ. 110
-ал, -ӓl — прилаг. 118
-алаї, -ӓlӓї — собир.-парт. числит. 99
-алїм, -ӓlїм — предлаг.-желат. накл., 1 л. мн. ч. 146, 157
-алїң, -ӓlїң — предлаг.-желат. накл., 1 л. мн. ч. 157
-ам, -ӓм — предлаг.-желат. накл., 1 л. ед. ч. 146
-ам, -ӓм — принадл., 1 л. ед. ч. 98
-а(ман), -ӓ(мӓн) — предлаг.-желат. накл., 1 л. ед. ч. 146
-ан, -ӓн — сущ. 108
-ан, -ӓн — оруд. пад. 20
-ан, -ӓн — прич. 138
-ан, -ӓн — мн. ч. 92
-аң, -ӓң — принадл., 2 л. ед. ч. 98
-аң(-лар), -ӓң(lӓр) — повел. накл., 2 л. мн. ч. 143
-ап, -ӓп — деепр. 20, 41
-ар, -ӓр — разделит. числит. 70, 122
-ар, -ӓр — глаг. 173, 174
-ар, -ӓр — прич. 135—137, 152
-ару, -ӓрӱ — дат. пад. 85
-асї, -ӓсї — прич. 139
-ат, -ӓт — мн. ч. 93

б

-бїз, -бiз — принадл., 1 л. мн. ч. 99

ҕ, г

-ҕа, -гӓ — буд. вр., 3 л. ед. ч. 151
-ҕа, -гӓ — дат. пад. 84, 85
-ҕа, -гӓ — прилаг. 117
-ҕај, -гӓj — буд. вр., 3 л. ед. ч. 151, 152
-ҕак, -гӓк — сущ. 107
-ҕалї, -гӓlї — деепр. 39, 161, 162
-ҕалї, -гӓlї — форма повер. 171
-ҕан, -гӓн — прич. 138
-ҕан, -гӓн — сущ. 107, 109
-гӓн — уменьш. сущ. 110
-ҕар, -гӓр — глаг. 174
-ҕар, -гӓр — дат. пад. 84
-ҕарӱ, -гӓрӱ — дат. пад. 85, 86
-ҕач, -гӓч — сущ. 108
-гӓт — понуд. залог 169
-ҕї, -гї — прилаг. 114, 117

-ӷĭл, -ıll — повел. накл., 2 л. ед. ч. 145
-ӷĭл, -ıll — прилаг. 118, 157
-ӷĭн, -ıln — сущ. 109
-ӷĭн, -ıln — повел. накл., 2 л. ед. ч. 145
-ӷĭпа, -ınd — уменьш. 62, 110
-ӷĭр, -ıjr — форма несосуществл. возможн. 170, 171
-ӷĭр, -ıjr — понуд. залог 169
-ӷĭт, -ıjt — понуд. залог 169
-ӷĭч, -ıjч — сущ. 108
-ӷу, -ıӣ — прилаг. 118, 139
-ӷу, -ıӣ — прич.; отглаг. имя 131, 139
-ӷӯ, -ıӣ — сущ. 131
-ıӣl — многократн. 174
-ӷулук, -ıӣlӷк — прилаг. 21, 139
-ıӣn — собир. числит. 122
-ӷур, -ıӣjr — понуд. залог 39, 168
-ӷур, -ıӣjr — прич. 141
-ӷур-т, -ıӣjr-t — „вдвойне понуд." залог 170
-ӷу(-сĭ), -ıӣ(-sĭ) — прич. 139
-ӷу(-ӷу), -ıӣ(-sӣ) — собир.-партит. числит. 70, 99
-ӷучĭ, -ıӣчi — имя действ. л. 139

д

-ӕа, -ӕӣ — исходн. пад. 80, 81
-Ӕа, -Ӕӣ — местн. пад. 18, 80, 81
-ӕаɪ, -ӕӣɪ — уподобл. 97
-ӕаj, -ӕӣj — уподобл. 98
-ӕак, -ӕйк — уподобл. 97
-ӕам, -ӕйм — прошед. вр., 1 л. ед. ч. 24, 149
-ӕам, -ӕйм — прилаг. 117
-ӕмаɜ, -ӕймӣɜ — прошед. вр., 1 л. мн. ч. 41
-ӕан, -ӕйн — исходн. пад. 18, 41, 81—84
-ӕачĭ, -ӕӣчi — прич. 22, 140
-ӕаш, -ӕйш — сущ. 106
-ӕĭ, -ӕi — прошед. вр., 3 л. ед. ч. 25, 39, 148—151
-ӕĭ, -ӕi — прилаг. 118
-ӕĭӷ, -ӕiɪ — прошед. вр., 2 л. ед. ч. 18
-ӕĭк, -ӕiк — отглаг. имя 134
-ӕĭк, -ӕiк — прошед. вр., 1, 2, 3 л. ед. и мн. ч. 25
-ӕĭ(-лор), -ӕi(-lӣp) — прошед. вр., 3 л. мн. ч. 155
-ӕĭм, -ӕiм — прошед. вр., 1 л. ед. ч. 24, 149
-ӕĭмĭɜ, -ӕiмiɜ — прошед. вр., 1 л. мн. ч. 156
-ӕĭн, -ӕiн — исходн. пад. 18, 81—84, 91
-ӕĭн, -ӕiн — сущ. 106
-ӕĭӈ, -ӕiӈ — сущ. 106
-ӕĭӈ, -ӕiӈ — прошед. вр., 2 л. ед. ч. 18, 38
-ӕĭӈĭɜ, -ӕiӈiɜ — прошед. вр., 2 л. мн. ч. 155
-ӕĭр, -ӕiр — сущ. 107
-ӕĭр, -ӕiр — понуд. залог 168
-ӕу, -ӕӯ — прилаг. 118
-ӕу, -ӕӯ — прошед. вр., 3 л. ед. ч. 37, 148—151
-ӕуɪ, -ӕӯi — прошед. вр., 2 л. ед. ч. 155
-ӕуӷум — отглаг. имя с афф. принадл., 1 л. ед. ч. 39
-ӕук, -ӕӯк — отглаг. имя 134
-ӕук, -ӕӯк — прошед. вр., 1, 2, 3 л. ед. и мн. ч. 25
-ӕум, -ӕӯм — прошед. вр., 1 л. ед. ч. 24, 149
-ӕун, -ӕӯн — исходн. пад. 39
-ӕуӈ, -ӕӯӈ — прошед. вр., 2 л. ед. ч. 18, 38
-ӕур, -ӕӯр — понуд. залог 168

j

-jĭӷаɜ, -jĭıdɜ — уменьш. сущ. 110
-jĭк, -jiк — уменьш. сущ. 110
-jĭкаɜ, -jiкӣɜ — уменьш. сущ. 110
-jӷаɜ, -jӷıdɜ — см. -jĭкаɜ
-jӷк — см. -jĭк

ə

-ə — мн. ч.; парн. 93
-əуn, -əӱn — повел. накл., 3 л. ед. ч. 62

ə̈, ӧ

-ə̈, -ə̈ — деепр. 158, 159
-ə̈, -ə̈ — принадл., 3 л. ед. ч. 39, 87, 98, 99
-ə̈, -ə̈ — сущ. 109, 134
-ə̈ŋ, -ə̈ŋ — вин. пад. 39, 80
-ə̈ŋ, -ə̈ŋ — прилаг. 118
-ə̈ŋ, -ə̈ŋ — сущ. 107
-ə̈ŋлə̄, -ə̈ŋlə̄ — прич. 140
-ə̈ŋма, -ə̈ŋмӓ — прич. 140
-ə̈ŋсо, -ə̈ŋсӧ — форма желат. 170
-ə̈ŋчə̄, -ə̈ŋчə̄ — имя действ. л. 141
-ə̈ŋə, -ə̈ŋə — прилаг. 117
-ə̈k, -ə̈к — сущ. 107
-ə̈k, -ə̈к — прилаг. 118
-ə̈kлə̄, -ə̈klə̄ — прич. 140
-ə̈л, -ə̈l — прилаг. 118
-ə̈л, -ə̈l — страд. залог 166, 167
-ə̈м, -ə̈м — принадл., 1 л. ед. ч. 98
-ə̈м, -ə̈м — притяж. пад. 88
-ə̈м, -ə̈м — сущ. 107
-ə̈ма, -ə̈мӓ — дат. пад. сущ. с афф. принадл., 1 л. ед. ч. 84
-ə̈мс(ə̈n), -ə̈мс(ə̈n) — форма предполож. 171
-ə̈n, -ə̈n — притяж. пад. 88
-ə̈n, -ə̈n — оруд. пад. 88, 89
-ə̈n, -ə̈n — вин. пад. сущ. с афф. принадл., 3 л. ед. ч. 39
-ə̈n, -ə̈n — прилаг. 117
-ə̈n, -ə̈n — сущ. 106
-ə̈n, -ə̈n — возвр. залог 166, 167
-ə̈на, -ə̈нӓ — дат. пад. 84
-ə̈нə, -ə̈нӓ — дат. пад. сущ. с афф. принадл., 3 л. ед. ч. 84
-ə̈ндо, -ə̈ндӧ — местн. пад. сущ. с афф. принадл., 3 л. ед. ч. 81
-ə̈ндə̄ — см. *-ə̈нчə̄*
-ə̈нтə̄ — см. *-ə̈нчə̄*
-ə̈нч, -ə̈нч — отглаг. имя 109, 133
-ə̈нч, -ə̈нч — порядк. числит. 120
-ə̈нчə̄, -ə̈нчə̄ — см. *-ə̈нч*
-ə̈ӈ, -ə̈ӈ — принадл., 2 л. ед. ч. 98
-ə̈ӈ, -ə̈ӈ — притяж. пад. 88
-ə̈ӈə̄, -ə̈ӈə̄ — принадл., 2 л. мн. ч. 99
-ə̈ӈə̄, -ə̈ӈə̄ — повел. накл., 2 л. мн. ч. 144, 157
-ə̈ӈ(-лар), -ə̈ӈ(-lə̄p) — повел. накл., 2 л. мн. ч. 50, 143, 144, 157
-ə̈п, -ə̈п — деепр. 152, 159, 160
-ə̈пан, -ə̈пӓн — деепр. 160
-ə̈р, -ə̈р — прич. 42, 136
-ə̈т, -ə̈т — мн. ч. 93
-ə̈ч, -ə̈ч — сущ. 108
-ə̈чə̄, -ə̈чə̄ — имя действ. л. 141
-ə̈ш, -ə̈ш — сущ. 106, 109, 133, 134
-ə̈ш, -ə̈ш — взаим.-совм. залог 165, 166

j

-jа, -jӓ — деепр. 70, 158
-jak, -jӓк — сущ. 109
-jə̄n, -jə̄n- — деепр. 190
-jу, -jӯ — деепр. 158
-jук, -jӯк — прич. 141
-jук, -jӯк — сущ. 109
-jур, -jӯр — прич. 70, 135, 136

k, к

-k, -к — местоим. афф., 1 л. мн. ч. 156
-k, -к — страд. залог 166
-ka, -кӓ — дат. пад. 41, 84
-ka, -кӓ — буд. вр., 3 л. ед. ч. 151
-ka, -кӯ — сущ. 109
-kak, -кӓк — сущ. 107, 108
-kалə̄, -кӓlə̄ — форма намер. 171
-кӯl — многократн. 172
-kан, -кӓн — сущ. 109
-кӓн — уменьш. 110, 117
-кар, -кӓр — дат. пад. 84
-кару, -кӓрӯ — дат. пад. 86
-кə̄, -кə̄ — прилаг. 114, 117

-кӣ, -кі — уменьш. сущ. 107
-кӣа, -кіӑ — уменьш. сущ. 22
-кӣн, -кін — сущ. 107
-кӣр, -кір — понуд. залог 168
-кӣт, -кіт — понуд. залог 169
-кӣч, -кіч — см. *-кӯч*
-кӯ, -кӯ — прич. 139
-кӯ, -кӯ — сущ. 107
-кӯн, -кӯн — сущ. 109
-кӯр, -кӯр — понуд. залог 168

л, l

-ла, -lӑ — глаг. 172, 173
-ла, -lӑ — оруд. пад. 89
-ла, -lӑ — разделит. числит. 122
-лаӽ, -lӑг — прилаг. 20
-лаj, -lӑj — уподобл. 97
-лаj, -lӑj — разделит. числит. 122
-лаjу, -lӑjӯ — см. *-лаj*
-лак, -lӑк — сущ. 105, 106, 113
-ла(н), -lӑ(н) — глаг. 174
-ланчі, -lӑнчі — порядк. числит. 121
-лар, -lӑр — мн. ч. 92, 94—96, 157
-ла(-т), -lӑ(-т) — глаг. 174
-лӑ, -lӑ — парн. сдвиг 116
-лӑӽ, -lіг — прилаг. 110—116
-лӑк, -lік — отвлеч. сущ. 110—116
-лӑм, -lім — предлаг.-желат. накл., 1 л. мн. ч. 25

м

-ма, -мӑ — сущ. 108, 140
-ма, -мӑ — отриц. 164
-ма, -мӑ — прич. 140
-мӣӆу, -мӑгӯ — отриц. прич. 139
-мадӑн — отриц. деепр. 160, 161
-мадӑӆ, -мӑдӑӆ — отриц. деепр. 160
-мӑэдн — отриц. наст.-буд. вр., 1 л. ед. ч. 46
-мдэвӑн — отриц. наст.-буд. вр., 1 л. ед. ч. 46
-мая, -мӑя — отриц. прич. 136, 137
-маямӑн, -мӑямӑн — отриц. наст.-буд. вр., 1 л. ед. ч. 137
-маj, -мӑj — отриц. деепр. 161
-ма(j)ӣн, -мӑ(j)ін — отриц. деепр. 160, 161
-мок, -мӑк — отглаг. имя 132, 133
-момӣш — отриц. прич. 138
-мӑн — местоим. афф., 1 л. ед. ч. 155
-маӈӣя, -мӑӈія — отриц. повел. накл., 2 л. мн. ч. 144
-масун, -мӑсӯн — отриц. повел. накл., 3 л. ед. ч. 144
-масмӑн, -мӑсмӑн — отриц. наст.-буд. вр., 1 л. ед. ч. 136, 137
-матӣн, -мӑтін — отриц. деепр. 160
-мӣз, -міз — местоим. афф., 1 л. мн. ч. 155
-мӣя, -міз — приказа., 1 л. мн. ч. 97, 156
-мӣм, -мім — отриц. наст.-буд. вр., 1 л. ед. ч. 136
-мӣш, -міш — сущ. 107
-мӣш, -міш — прич. 137, 138, 152
-мур, -мӯр — сущ. 108

н

-ноӈ, -нӯӈ — притяж. пад. 41
-нӣ, -ні — вин. пад. 78, 79
-нӯ, -нӯ — усеч. притяж. пад. 80
-нӣӈ, -нін — притяж. пад. 18, 86
-нӯӈ, -нӯӈ — притяж. пад. 39

п

-пан, -пӑн — деепр. 25

р

-ра -рӑ — глаг. 172
-ра, -рӑ — дат. пад. 85
-рар, -рӑр — разделит. числит. 70, 122
-рак, -рӑк — сравн. степень 115
-раан, -рӑӑн — предлаг.-желат., 1 л. ед. ч. 146

с

-са, -сӑ — усл. накл. 146—148
-са, -сӑ — глаг. 170

-сак, -сăк — прилаг. 117
-сăн — местоим. афф., 2 л. ед. ч. 155
-сар, -сăр — усл. накл. 146
-сі, -сі — принадл., 3 л. ед. ч. 98, 99
-сіӈ, -сіт — уподобл. 97
-сіӕ, -сіэ — имен. приват. 100
-сіӕін, -сіэін — см. сіэ.
-сік, -сік — уподобл. 97
-сік, -сік — страд. залог 166
-сік, -сік — прилаг. 117
-сін, -сін — прилаг. 174
-сін, -сін — вин. пад. сущ. с афф. принадл., 3 л. ед. ч. 78, 79
-сіп, -сіп — повел. накл., 3 л. ед. ч. 144
-сір, -сір — глаг. 172
-сіра, -сірă — глаг. приват. 173, 174
-су, -сӱ — повел. накл., 3 л. ед. ч. 25, 144, 157
-сӱт, -сӱт — сущ. 169
-сӱэ, -сӱэ — имен. приват. 39
-сӱн, -сӱн — повел. накл., 3 л. ед. ч. 25, 38
-сӱн(-ӷӕл) — повел. накл., 3 л. ед. ч. 145
-сӱні, -сӱні — повел. накл., 3 л. ед. ч. 38, 144, 157

т

-т — понуд. залог 79, 168
-та, -тă — глаг. 173
-таӈ, -тăі — уподобл. 97
-тамаэ, -тăмăэ — прошед. вр., 1 л. ед. ч. 41
-та(т), -тă(т) — глаг. 174
-тачі, -тăчі — прич. 22, 140
-ті, -ті — прошед. вр., 3 л. ед. ч. 148
-тіӈ, -тіт — прошед. вр., 2 л. ед. ч. 20
-тім, -тім — прошед. вр., 1 л. ед. ч. 40
-тімӕэ, -тімӕэ — прошед. вр., 1 л. мн. ч. 155
-тін, -тін — исходн. пад. 18, 81—84
-тінкі, -тінкі — порядк. числит. 121
-тіӈ, -тіӈ — порядк. числит. 121
-тір, -тір — сущ. 107
-ту, -тӱ — прошед. вр., 3 л. ед. ч. 148
-тук, -тӱк — страд. залог 166
-тум, -тӱм — прошед. вр., 1 л. ед. ч. 38
-тумуэ, -тӱмӱэ — прошед. вр., 1 л. мн. ч. 38, 150
-туӈуэ, -тӱӈӱэ — прошед. вр., 2 л. мн. ч. 38
-тур, -тӱр — понуд. залог 168

у, ӱ

-у, -ӱ — деепр. 158
-у, -ӱ — прилаг. 118
-у, -ӱ — принадл., 3 л. ед. ч. 37, 37
-у, -ӱ — глаг. 173
-уб, -ӱб — деепр. 157, 160
-ут, -ӱт — сущ. 107
-уд, -ӱт — вин. пад. 39
-ут, -ӱт — прилаг. 118
-удаі, -ӱлі — прич. 140
-удма, -ӱтмă — прич. 140
-удуэ, -ӱтӱэ — повел. накл., 2 л. мн. ч. 144
-уэ, -ӱэ — понуд. залог 169
-ум, -ӱм — принадл., 1 л. ед. ч. 37
-умă, -ӱмă — дат. пад. сущ. с афф. принадл., 1 л. ед. ч. 84
-у(ма), -ӱ(мă) — возможн.-невозможн. 171
-ук, -ӱк — прилаг. 118
-ук, -ӱк — глаг. 174
-ук, -ӱк — сущ. 107
-ун, -ӱн — вин. пад. 79
-унч, -ӱнч — порядк. числит. 39, 120, 133
-унч, -ӱнч — отглаг. имя 38
-ун, -ӱн — предлаг.-желат. накл., 1 л. ед. ч. 146
-ун, -ӱн — орудн. пад. 89

-ӯндӣ, -ӯндӣ — прич. (?) 121
-ӯӈ, -ӯӈ — приказ., 2 л. ед. ч. 39
-ӯӈ, -ӯӈ — повел. накл., 2 л. мн. ч. 38, 143
-ӯӈ, -ӯӈ — повел. накл., 2 л. ед. ч. 38, 143
-ӯӈ(-лар), -ӯӈ(-lӑр) — повел. накл., 2 л. мн. ч. 39, 143
-ӯӈӯэ, -ӯӈӯэ — приказ., 2 л. мн. ч. 144
-ӯп, -ӯп — деепр. 39, 159, 160
-ӯр, -ӯр — прич. 38, 39, 42
-ӯр, -ӯр — понуд. залог 168
-ӯт, -ӯт — мн. ч. 93
-ӯт, -ӯт — сущ. 38, 108
-ӯш, -ӯш — отглаг. имя 133, 134

ч

-ч — сущ. 105
-ч — уменьш. сущ. 110
-ча — уподобл. 97
-ча — предел. над.; уподобл. 90, 97
-ча, -чӑ — прилаг. 117
-чак, -чӑк — уменьш. 110
-чак, -чӑк — сущ. 108
-чаӈ, -чӑӈ — прилаг. 118
-чӣ, -чі — сущ. 105
-чӣн, -чін — прилаг. 115
-чӣм, -чім — сущ. 107
-чӣғ, -чіг — прилаг. 117
-чӣk, -чік — уменьш. сущ. 110
-чӣл, -чіл — прилаг. 117
-чӯk, -чӯк — сущ. 106, 108
-чӯр, -чӯр — понуд. залог 168
-чӯр, -чӯр — глаг. 108

ш

-ш — взаим.-совм. залог 39, 165, 166
-ша, -шӑ — глаг. 173
-шар, -шӑр — разделит. числит. 70
-шӣн, -шін — прилаг. 115
-(ш)ка, -(ш)кӑ — уменьш. сущ. 109

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 3
Сокращения 4
Введение 9

Основные этапы развития восточнотуркестанской общности и ее состав 10
Диалекты восточнотуркестанского языка 17
Источники 26

Глава I. **Фонетика** 31

Гласные 31

Общий обзор гласных 31

Краткие гласные 31
Долгие гласные 34

Гармония гласных 37
Распределение гласных в основе и аффиксах 41
Частные фонетические явления в области гласных 42

Согласные 43

Общий обзор согласных 43

Простые согласные и аффрикаты 43
Долгие согласные 51

Последовательное развитие *j* 55
О соотношении в слове глухих и звонких согласных 60
Частные фонетические явления в области согласных 63

О фонетической структуре слога 67
Некоторые особенности фонетической структуры слова 69
Пути фонетического освоения заимствованных слов 71
Ударение 73

Глава II. **Морфология** 75
Части речи 76
Имя 76
Словоизменение имени 76
Формы падежа 76
Формы числа 92
Формы уподобления 97
Формы принадлежности 98
Именные формы привативности 100
Словообразование имени 100
Существительное 101
Лексические формы словообразования существительных 101
Грамматические формы словообразования существительных 105
Абстрактные существительные и относительные прилагательные 110
Прилагательное 113
Лексические формы словообразования прилагательных 116
Грамматические формы словообразования прилагательных 116
Числительное 119
Количественные числительные 119
Порядковые числительные 120
Номинативно-разделительные и наречно-разделительные числительные 122
Собирательные числительные 122
Нумеративные слова 122
Система счета 123
Местоимение 123
Личные местоимения 123
Определительно-обобщительные местоимения („весь", „все") 127
Указательные местоимения 128
Возвратно-выделительные местоимения 128
Притяжательные местоимения 129
Неопределенные и отрицательные местоимения 130
Вопросительные и относительные местоимения 130
Отглагольные имена 130
Субстантивные отглагольные имена 131
Причастие 135
Общеутвердительные и общеотрицательные имена 142

Глагол 143
Словоизменение глагола 143
Формы полной вербальности 143
Формы повелительного наклонения 143
Формы предлагательно-желательного наклонения . . . 145
Формы условного наклонения 146
Формы изъявительного наклонения 148
Формы вида 153
Формы лица и числа 155
Формы неполной вербальности (деепричастия) 157
Вспомогательные глаголы 162
Словообразование глагола 163
Наречие 175
Обстоятельственные слова 175
Изобразительно-экспрессивные слова 178
Частицы речи 182
Послелоги 182
Собственно частицы 191
Союзы 194
Указатель грамматических форм 196

Александр Михайлович Щербак

ГРАММАТИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ЯЗЫКА ТЮРКСКИХ ТЕКСТОВ

Утверждено к печати Институтом языкознания Академии наук СССР

Редактор издательства *Н. А. Захарова.* Художник *В. В. Грибков.*
Технический редактор *М. Е. Эпштейн.* Корректоры *Е. Г. Андронова и Г. М. Гельфер.*

Сдано в набор 12/X 1960 г. Подписано к печати 23/I 1961 г. РИСО АН СССР № 22—1038.
Формат бумаги 60×92¹/₁₆. Бум. л. 6⅜. Печ. л. 12¾—12⅞ усл. печ. л. Уч.-изд. л. 10,69.
Изд. № 1258. Тип. зак. № 875. М-07150. Тираж 1800.

Цена 71 коп.

Ленинградское отделение Издательства Академии наук СССР
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. Издательства Академии наук СССР, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12